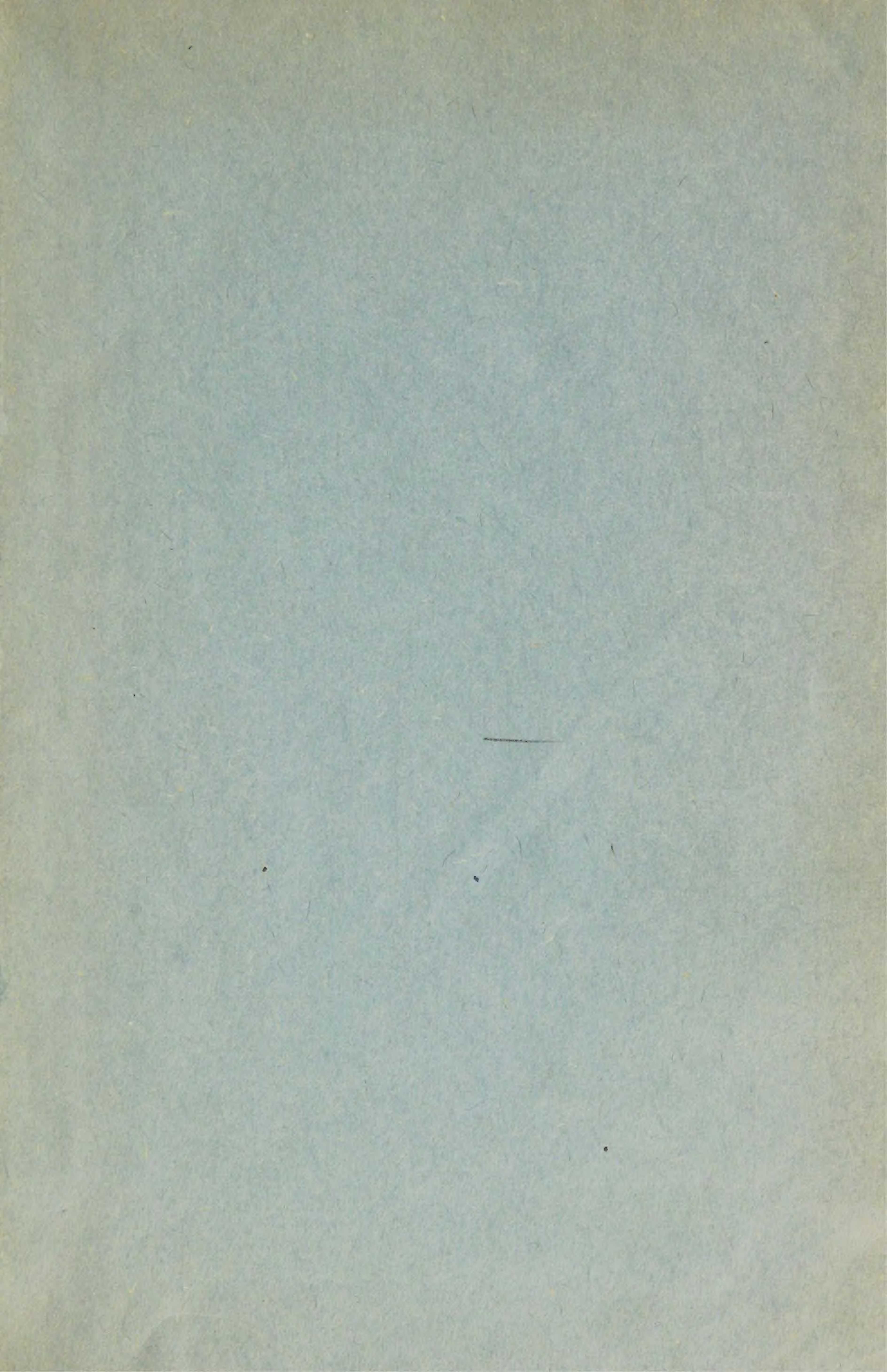

38 242



П. ГОЛОВАЧЕВЪ.

СИБИРЬ

ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка.

Цѣна 60 коп.

6

МОСКВА.
Тип. В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, у Стар. Тріум. в., д. Талалаевой.
1889.

П. ГОЛОВАЧЕВЪ.

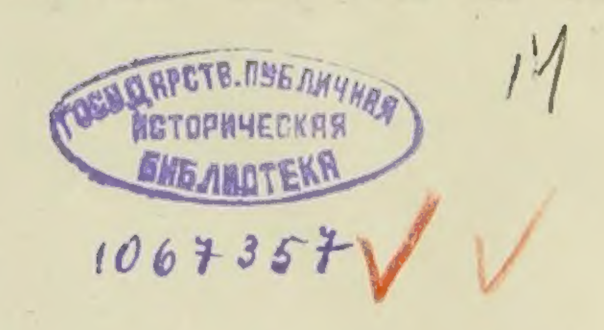
СИБИРЬ

ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка.

МОСКВА.
Тип. В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, у Стар. Тріум. в., д. Талалаевой.
1889.

Дозволено цензурою. Москва, марта 22 дня 1889 года.



СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Созванiе такъ называемой Большой или Екатерининской коммиссiи для составленiя проекта новаго уложенiя считается весьма многими изслѣдователями русской исторiи очень важнымъ актомъ царствованiя Екатерины II [1]). Но для нашей непосредственной задачи не для чего вдаваться въ разборъ и оцѣнку ни положительныхъ, ни отрицательныхъ мнѣнiй о ней; слѣдуетъ замѣтить только, что матерiалы, привезенные на нее депутатами, въ достаточной степени обрисовываютъ намъ внутреннее состоянiе Россiи того времени, „нужды и чувствительные недостатки нашего народа", „каждой округи состоянiе", выражаясь словами императрицы Екатерины. Говорить о плачевномъ положенiи Россiи половины XVIII в.,—значило бы повторять всѣмъ извѣстныя общiя истины; достаточно напомнить, что произволъ и нестроенiе увеличивались прямо пропорцiонально разстоянiю различныхъ многочисленныхъ частей русской земли отъ мѣстопребыванiя высшей власти. Естественно поэтому, что самая отдаленная окраина

---

[1]) *Елисѣевъ.* „Наказъ императрицы Екатерины II о сочин. проекта новаго уложенiя" (От. Зап. 1868 г. № 1). *С. Соловьевъ.* „Разсказы изъ рус. исторiи XVIII стол." (Р. В. 1861 г. № 10). *Бланкъ.* „Екатерининская коммиссiя." (Рус. В. 1876 г. № 1). *Сергѣевичъ.* „Откуда неудачи Екатерининской коммиссiи" (В. Евр. 1878 г. № 1). *Лппинскiй.* „Новыя данныя для исторiи Екатерининской коммиссiи о сочиненiи проекта новаго уложенiя." (Ж. М. Н. П. 1887 г. № 6).

Россіи того времени—Сибирь—была въ наиболѣе безотрадномъ положеніи. Къ тому же высшая власть, вслѣдствіе совершеннаго незнакомства съ Сибирью, долго не могла установить на нее какого нибудь опредѣленнаго взгляда: то смотрѣли на нее какъ на колонію звѣроловную, то, съ половины XVIII в., какъ на горнозаводскую, то какъ на колонію штрафныхъ, потомъ какъ на земледѣльческую. Къ отсутствію опредѣленнаго общаго взгляда на Сибирь присоединилось полное незнакомство съ ея географіей; такъ изъ указа отъ 14 янв. 1741 г. видно, что высшее правительство не только не имѣло полныхъ свѣдѣній о количествѣ военныхъ командъ въ нѣкоторыхъ восточно-сибирскихъ городахъ, но даже не знало разстояній между этими городами и ихъ географическаго положенія. Правительство само ничего не знало о Сибири и само расписывалось въ своемъ незнаніи, давая обыкновенно воеводамъ сибирскимъ такую инструкцію: „дѣлать по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ Богъ вразумитъ.“ Изъ этого видно, какая власть давалась воеводамъ. Вслѣдствіе фактической слабости центральной власти въ Сибири и упомянутаго абсолютнаго незнакомства съ нею, не мудрено, что административный произволъ и наклонность къ самой широкой регламентаціи сдѣлались наиболѣе отличительными чертами сибирской администраціи. Административный произволъ въ старинной Сибири былъ такъ великъ, что, по выраженію одного историка, былъ даже хуже крѣпостнаго права и не менѣе послѣдняго деморализировалъ общество. „Каждая власть,—говоритъ г. Ядринцевъ, какая только ни являлась въ Сибири, немедленно же, въ силу особыхъ обстоятельствъ, преображалась, усвоивала самовластіе и предавалась наживѣ. Причины этого крылись не въ отдѣльныхъ личностяхъ, но въ томъ положеніи, какое имъ предоставлялось правительствомъ въ этой отдаленной странѣ. Онѣ незамѣтно пріобрѣтали привычки самовластія, вда-

ли отъ контроля, при неограниченныхъ полномочіяхъ, точно такъ же, какъ развитіе злоупотребленій, не встрѣчая ни откуда препятствій, явилось естественнымъ при отдаленности края и при тѣхъ искушеніяхъ къ обогащенію, какія представлялъ край. На это указалъ впослѣдствіи Козодавлевъ въ замѣткѣ своей, внесенной въ государственный совѣтъ" [1]). Петровскіе указы о лихоимствѣ вызваны, главнымъ образомъ, злоупотребленіями въ Сибири. Первое донесеніе фискаловъ, учрежденныхъ въ 1714 г., досталось на долю Сибири. По донесенію сибирскаго провинціалъ-фискала, всѣ служащіе въ Сибири чиновники, да и самъ губернаторъ, а также и его служители, берутъ взятки и чинятъ разореніе народу. „Сильная, почти безграничная, власть обыкновенно поручалась одному лицу. Это единоличное правленіе могло менѣе всего способствовать надзору и выбору безукоризненныхъ агентовъ. На Сибирь, кромѣ того, утвердилось съ самаго древняго времени воззрѣніе, какъ на завоеванную и промышленную колонію. Нажива и поборъ развивались съиздавна. Духъ спекуляціи переходилъ отъ частныхъ лицъ на служилыхъ людей. Воеводы торговали мѣхами, виномъ, зернью и проч. Они дѣлали безцеремонные поборы; впослѣдствіи, послѣ преслѣдованій и каръ, а также съ учрежденіемъ чиновничьяго управленія, съ Петра, поборъ сталъ болѣе утонченный и скрытый. Нравы прежнихъ служилыхъ людей перешли и къ старымъ приказнымъ, при крутой реформѣ Петра отъ бояръ-воеводъ къ губернаторамъ. Отдаленность страны представляла всѣ шансы скрывать злоупотребленія. Въ случаѣ доносовъ и жалобъ канцелярскій міръ прикрывался цѣлыми массами бумагъ, запутывалъ дѣла перепиской, и казуистическая процедура облегчала выходъ взяточникамъ. Не возможно было усмотрѣть за подчиненными ни главному начальству, ни правительству за главнымъ на-

---

[1]) „Сибирь какъ колонія," 303.

чальствомъ“ [1]). Сами правительственныя узаконенія давали воеводамъ громадную власть. Изъ наказа губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ отъ 28 сентября 1728 г. видно, что „администрація того времени носила характеръ патріархальный. Въ лицѣ воеводы соединялась административная и исполнительная власть. Отъ него зависѣли присутственныя мѣста. Судъ и расправа воеводская творилась по уложенію и указамъ, согласно его взгляду и пониманію вопроса. Полномочія были почти безграничны, потому что, судя по воспрещенію воеводѣ чинить смертную казнь, предоставивъ это право губернаторамъ, надо думать, что до наказа воеводы, если не были властны надъ жизнью и смертью обывателей, то все же учиняли таковую. Могущество воеводъ возрастало прямо пропорціонально отдаленности ихъ резиденцій отъ провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, такъ какъ губернаторы имѣли право ихъ вытребовать только на 2 недѣли; отсюда вытекаетъ, что наибольшей безконтрольностью, а слѣдовательно, и произволомъ, пользовались воеводы сибирскихъ городовъ, особенно Якутска, Нерчинска, начальники Камчатки. При массѣ обязанностей, возложенныхъ на воеводъ, они, по необходимости, должны были предоставить большія полномочія въ веденіи письмоводства служащимъ въ присутственныхъ мѣстахъ, и приказный элементъ выросъ, развился, окрѣпъ и истомилъ волокитой и хожденіемъ по дѣламъ все населеніе“ [2]). Фактическая сила сибирскихъ воеводъ была такъ велика, что они часто утаивали самые царскіе указы, подскабливали ихъ, подлинные скрывали, а подложные держали у себя. Имъ не были страшны сами фискалы: изъ указа отъ 27 іюня 1729 г. видно, что губернаторы отрѣшали отъ должностей фискаловъ, которые имъ были не любы. Самихъ губернаторовъ нужно было иногда

---

1) Ibid, 318.

2) Андріевичъ. „Историческій очеркъ Сибири.“ II, 130.

отрѣшать отъ должности силой, какъ поступилъ Сухаревъ съ иркутскимъ вице-губернаторомъ Желобовымъ; слѣдователя Крылова нужно было устранить также силой. Есть преданіе, что губернаторъ князь Гагаринъ чувствовалъ себя настолько независимымъ отъ высшаго правительства, что хотѣлъ отдѣлить Сибирь отъ Россіи. Вслѣдствіе патріархальности и фактическаго могущества воеводскаго управленія въ Сибири и вслѣдствіе неустойчивости и перемѣнчивости правительственныхъ взглядовъ на Сибирь, она представляла широкую арену для бюрократической регламентаціи всякаго рода. Это давало поводъ отдѣльнымъ администраторамъ, часто совершенно не знавшимъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, проводить свои реформы, принудительно переистраивать жизнь общества. Для иллюстраціи достаточно припомнить десятинную пашню Соймонова съ приписью 3400 бобылей въ обязательныя работы, обязательныя сѣянія пеньки, приписки и переселенія людей на рудники и заводы, искусственное созданіе казачьяго войска съ приписью крестьянъ и поселенцевъ. Регламентація проникла и въ частную жизнь: крестьянамъ даютъ приказы не отлучаться на ночь изъ дома, Чичеринъ съ командой ѣздитъ около города наблюдать за работами и проч.

Кромѣ общихъ причинъ, способствовавшихъ крайней деморализаціи сибирской администраціи, важное значеніе имѣла еще одна, частная—полное отсутствіе хотя какого нибудь образовательнаго ценза у сибирскихъ чиновниковъ, набиравшихся совершенно случайно, что констатировано и самимъ правительствомъ въ указѣ отъ 12 янв. 1739 г. „Извѣстно намъ учинилось, говоритъ этотъ указъ, что во многихъ городахъ сибирской губерніи опредѣлены воеводами изъ тамошнихъ обывателей, а именно: изъ купечества и казаковъ, и прочихъ тому подобныхъ, которые браны въ рекруты и дослужились офицерскихъ ранговъ, въ томъ числѣ не умѣющіе грамотѣ, а иные и не служа, вѣрнѣе написаны изъ

казаковъ въ дворяне и воеводы, такожъ и бывшіе у нѣкоторыхъ персонъ въ холопствѣ, да и такіе, которые бывали въ розыскахъ и наказаніяхъ, и потомъ черезъ ихъ происки, воеводами жъ опредѣлены; а понеже оные люди произыскиваютъ не для того, чтобы имъ радѣніе къ труду показать, но чтобы самимъ обогащаться и только въ правленіи дѣлъ добраго порядка исполненіе государственныхъ доходовъ ожидать отъ нихъ невозможно". (П. С. З. № 6553). Но даже само правительство, назначая воеводъ, было неразборчиво. Такъ въ 1726 г. въ Якутскъ былъ назначенъ воеводой нѣкій Скорняковъ-Писаревъ, лишенный правъ, наказанный кнутомъ и сосланный незадолго до этого за какія то уголовныя дѣла въ Жиганскъ. Поголовное, стихійное злоупотребленіе сибирскихъ чиновниковъ было извѣстно всѣмъ и каждому, даже и самому высшему правительству. Въ указѣ отъ 27 іюля 1740 г., которымъ велѣно выбрать 6 кандидатовъ на губернаторскій постъ въ Сибири на мѣсто Бутурлина, читаемъ: „а прежній губернаторъ Бутурлинъ, за старостью и слабымъ здоровьемъ, дѣлъ управлять не можетъ; а понеже правительствующій сенатъ довольно извѣстны, что оныя мѣста весьма отдаленныя, къ томужъ въ управленіи дѣлъ отъ времени до времени разныя конфузіи и непорядки произошли и отъ того въ сборѣ казны... великій чинится ущербъ, сверхъ того отъ лакомства тамошнихъ городовъ воеводъ и другихъ управителей обыватели несносно претерпѣваютъ разореніе, что по многимъ слѣдственнымъ дѣламъ явно показалось... того для надлежитъ выбрать человѣка, любящаго правосудіе, честнаго, трудолюбиваго и богобоязненнаго, человѣка, который бы могъ охранять бѣдныхъ людей отъ обидъ и другихъ насильственныхъ причинъ". (П. С. З. № 7730). Изъ указа отъ 1 февраля 1740 г., гдѣ объявлена резолюція на докладные пункты Иркутскаго вице-губернатора Ланга, видно, что изъ 28 воеводъ, выбранныхъ императрицей изъ числа пред-

ставленныхъ ей кандидатовъ, лучшихъ приказано определить въ Якутскъ и Нерчинскъ, потому что, по донесенію Ланга, „для лучшей пользы потребно быть, чтобы въ Якутскъ и Нерчинскъ такіе воеводы определены были, которые бы были добросовѣстны... особливо, что въ сихъ 2-хъ уѣздахъ наилучшая мягкая рухлядь". (П. С. З. № 8017). Часто самыя благожелательныя мѣропріятія правительства на сибирской почвѣ перерождались въ тягости для населенія, что особенно замѣтно на дозволеніи для Сибири отбывать разные наряды не натурой, а деньгами. Такъ иногда позволялось замѣнять рекрута, особенно изъ Восточной Сибири, 10 руб. денегъ; трудность доставки рекрутъ изъ Сибирскихъ губерній была очевидна и ярко бросалась въ глаза; да при томъ доимка не доставленныхъ рекрутъ изъ Сибири была невозможна, такъ какъ тамъ не существовало помѣщичьяго класса—отвѣтственнаго элемента, и губернаторы, въ виду громадности пространства и рѣдкости населенія, были не въ силахъ легко и быстро исполнять повелѣнія высшей власти. Точно также при Петрѣ участіе Сибири въ разныхъ государственныхъ работахъ (постройка Кронштадта, устройство ямовъ между Петербургомъ и Москвою, Петербургомъ и Новгородомъ), за дальностью разстоянія, было денежное. Но и это облегченіе для сибиряковъ было не такъ велико, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: „Если притѣсненія народа со стороны сборщиковъ податей, подъячихъ и другихъ служилыхъ людей были велики вездѣ въ Россіи, то можно себѣ вообразить, какъ тягостны они должны были быть въ Сибири, а особенно Восточной, болѣе и чаще отбывающей наряды деньгами, чѣмъ натурой", говоритъ г. Андріевичъ [1]). Нужно замѣтить при этомъ, что деньги въ старинной Сибири были крайне рѣдки. Но при самыхъ благихъ намѣреніяхъ правительства и даже при

---

[1]) Андріевичъ. „Историческій очеркъ Сибири". II, 96.

гораздо лучшемъ подборѣ правительственныхъ агентовъ, положенiе дѣлъ въ Сибири въ первую половину 18 в. не могло улучшиться вслѣдствiе кореннаго недостатка высшей власти Россiи того времени—безпринципности, отсутствiя опредѣленныхъ руководящихъ взглядовъ на Сибирь. „Въ теченiе почти всего XVIII в. вѣдѣнiе судьбами Сибири представляло пеструю и постоянно измѣнявшуюся картину. Сибирскiй приказъ съ подчиненiемъ сенату утратилъ всякое значенiе. Со своей стороны сенатъ, обремененный массою дѣлъ, не могъ имѣть времени для разрѣшенiя текущихъ вопросовъ сибирскаго управленiя. Множество самостоятельныхъ центральныхъ вѣдомствъ, другъ отъ друга не зависѣвшихъ, рѣшавшихъ сибирскiя дѣла, породило разрозненность и спутанность въ управленiи. Власть, потерявъ единство, не нашла гармонiи и въ Сибири. Вначалѣ мѣстное управленiе раздвоилось: подлѣ тобольскаго губернатора явился независимый отъ него иркутскiй вице-губернаторъ. Въ 1764 г. Сибирь раздѣляется окончательно на 2 губернаторства. Введенiе губернскаго управленiя умножило въ Сибири число инстанцiй, увеличило переписку, а съ нею медленность производства и преобладанiе канцелярiй, открывавшiя широкую дверь своеволiю и злоупотребленiямъ“ [1]). При воцаренiи Екатерины взглядъ на Сибирь опять измѣнился; въ немъ замѣтно обыкновенное стремленiе къ эффекту и внѣшней оригинальности, но не видно особеннаго знанiя мѣстныхъ условiй. „Екатерина видѣла въ Сибири обширную инородческую колонiю, говоритъ г. Ядринцевъ, и рѣшилась дать ей права подчиненнаго царства. Она принимаетъ мѣры къ улучшенiю быта инородцевъ, водворяетъ покровительство торговлѣ бухарцевъ, обѣщаетъ создать изъ нихъ особую торговую думу для цѣлой Сибири съ дѣлопроизводствомъ на бухарскомъ языкѣ, уничтожаетъ казенныя

---

[1]) Ядринцевъ. „Сибирь какъ колонiя“ 299. (Изъ г. Фойницкаго).

монополіи, наконецъ, наименовываетъ Сибирь царствомъ, даетъ ему особый гербъ съ двумя соболями и чеканитъ особую сибирскую монету. Въ Тобольскѣ символомъ царской власти, подъ покровительствомъ которой считается это инородческое царство, поставленъ былъ тронъ, на которомъ сибирскій намѣстникъ принималъ свидѣтельства вѣрноподданства отъ хана средней киргизской орды и остяцкихъ князей. Конечно, было странно видѣть, что край, все болѣе и болѣе заселяемый русскими, вдругъ какъ бы обратно названъ былъ инородческимъ царствомъ, съ предоставленіемъ особаго покровительства и даже автономіи инородцамъ. Но это объясняется не столько тѣмъ, что императрица Екатерина хотѣла обратить Сибирь въ первобытныя формы татарскаго царства, сколько ея реформаторскими планами, которые она имѣла въ виду относительно цѣлой Россіи, и которые не могли не коснуться и Сибири. Въ этомъ случаѣ она скорѣе пробовала создать нѣчто въ родѣ отдѣльнаго и мѣстнаго управленія на подобіе колоніальныхъ европейскихъ правительствъ. Планъ этотъ не былъ окончательно приведенъ въ исполненіе и не былъ завершенъ, но за то отъ него осталась въ Сибири обширная намѣстническая власть“ [1]). Лучшимъ доказательствомъ этого, по нашему мнѣнію, служитъ то, что въ 1768 г. тѣ группы россійскихъ подданныхъ. которыя особенно нуждались въ защитѣ, и въ судьбѣ которыхъ Екатерина, повидимому, принимала живое участье,—именно кочевые сибирскіе инородцы,—почти совсѣмъ не имѣли своихъ представителей, хотя бы въ видѣ опекуновъ, какого имѣли, напр., самоѣды. Сильныя и многочисленныя племена, вродѣ якутовъ, тунгусовъ и пр., не могли имѣть представителей только потому, что они считались кочующими; между тѣмъ какая нибудь ничтожная Мангазея могла—это былъ городъ. Между тѣмъ

[1]) „Сибирь какъ колонія“. 338.

это былъ прекрасный случай для обездоленныхъ сибирскихъ инородцевъ, — не говоримъ участвовать въ составленіи новаго уложенія,—а просто заявить высшей власти о своихъ тягостяхъ и нуждахъ. Изъ этого бѣглаго очерка старинныхъ сибирскихъ порядковъ, нравовъ сибирской администраціи (пункта очень важнаго для страны безъ общественной жизни, безъ общественнаго самосознанія), наконецъ, неустойчивыхъ, колеблющихся взглядовъ самого правительства на эту окраину,—достаточно ясно, какое значеніе для Сибири могла имѣть Большая коммиссія, въ которой и этому отдаленному краю давалась возможность познакомить правительство со своей неприкрашенной дѣйствительностью.

II.

Екатерининская коммиссія для составленія новаго уложенія имѣетъ то несомнѣнное, неоспоримое и очень важное значеніе, что тогда впервые въ новой русской исторіи раздался голосъ хотя и не всего народа, но всетаки той его части, которая имѣла вліяніе на ходъ общественной жизни. Откровенно высказываемыя дѣйствительныя нужды, горячо защищаемыя шаткія и сомнительныя притязанія, — все это ярко обрисовываетъ дѣйствительное положеніе вещей и умственный и нравственный обликъ дирижирующихъ классовъ русскаго общества половины прошлаго вѣка. Въ коммиссіи, этой этнографической и сословной выставкѣ, нашли себѣ мѣсто всѣ области и сословія Россіи того времени; нашла его и Сибирь, представители которой хотя и играли не важную роль въ смыслѣ авторитетности ихъ мнѣній, но за то довольно часто и усердно подавали признаки жизни. Ихъ просьбы, жалобы, мнѣнія имѣютъ большую цѣну для изслѣдователя, потому что показываютъ дѣйствительную жизнь, доносятъ отзвуки живыхъ человѣческихъ голосовъ изъ классической страны

безгласія и бюрократическаго, казоваго многописанія. Количество сибирскихъ депутатовъ въ коммисіи доходило до 29 человѣкъ, т. е. 5% общаго числа депутатовъ; изъ нихъ 6 черезъ нѣкоторое время передали свои депутатскія права и обязанности другимъ и 3 умерло, т. е., выбыло 31%. Въ различныя частныя коммиссіи баллотировалось 9, т. е. 31% общаго числа сибирскихъ депутатовъ. Какъ видно, отъ баллотировки въ эти частныя коммиссіи (коихъ было 19) сибярики не уклонялись, но попали только немногіе—всего 3. Алексѣй Сибиряковъ баллотировался 4 раза и, наконецъ, едва попалъ въ коммиссію о почтахъ и гостинницахъ; депутатъ отъ казаковъ сибирскихъ линій Анциферовъ и тарскій депутатъ Бекишевъ 2 раза баллотировались неудачно. Свои мнѣнія подавали 11 человѣкъ, т. е. почти 38%.

Изъ вѣдомости о числѣ депутатовъ за іюль 1767 г. видно, что сибирскіе депутаты по числу и по сословіямъ располагались къ этому времени въ такомъ порядкѣ:

	Дворяне.	Горожане.	Казаки.	Поселяне.	Иновѣрцы.
Сибирская г.	—	10	2	4	2
Иркутская г.	--	5	—	1	2
					26 [1].

Изъ общаго числа горожанъ (207) Сибирь дала около 7%, поселянъ (78) приблизительно 6%, казаковъ (54)—около 4%, иновѣрцевъ (32)—около 13%. Въ депутаціи для принесенія поздравленія государынѣ отъ Сибири участвовало двое: депутатъ отъ Сибирской губерніи отъ черносошныхъ крестьянъ Бархатовъ и отъ тобольскихъ, тарскихъ и тюменскихъ бухарцевъ Иса

[1]) 27-й, князецъ Сырановъ изъ Конгаланскаго улуса, прибылъ только 17 октября 1769 г. и допущенъ депутатомъ, когда стало извѣстно, что „оные якуты не точно кочевые, но зиму проводятъ въ своихъ жилищахъ.“ Кромѣ того, тутъ еще не показано 2 депутата отъ ясачныхъ новокрещенъ, которые по всей вѣроятности прибыли впослѣдствіи.

Абдрахмановъ. Таково участіе сибирскихъ депутатовъ въ Екатерининской коммиссіи, выраженное языкомъ цифръ. По обряду выборовъ, конфирмованному самой Екатериной, жители каждаго города выбирали одного депутата, а города, имѣющіе меньше 50 обывателей, могли присылать и не присылать депутата. Избирать могъ всякій, имѣющій въ городѣ домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыслъ. Вмѣсто дворянскаго предводителя избирался городской голова, не моложе 30 лѣтъ, „не банкрутный, не бывшій въ штрафахъ и подозрѣніяхъ, не обличенный въ явныхъ порокахъ". Титулъ его былъ „степенный." Отсутствующіе и женщины въ выборахъ не участвовали. Отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ на каждую провинцію полагалось по одному депутату по такому разсчету: съ провинцій, гдѣ ихъ было до 200000—по 4, гдѣ до 100000—по 2, а съ прочихъ по одному. Въ сибирской губерніи государственныхъ крестьянъ считалось 107098, а въ иркутской — 27453; поэтому отъ 2-хъ провинцій (Тобольской и Енисейской) было выбрано 2 депутата, отъ приписныхъ крестьянъ къ заводамъ Екатеринбургскаго вѣдомства 2; изъ иркутской губерніи 1 отъ государственныхъ крестьянъ Иркутской провинціи; такимъ образомъ составилось 5 представителей-крестьянъ [1]). Выборы депутата отъ крестьянъ были не прямые. Для его избранія прежде всего избирался уѣздный повѣренный отъ каждаго погоста. по обычаю каждой мѣстности; впрочемъ, погостъ могъ и не присылать своего повѣреннаго (вообще, крестьяне, въ случаѣ нежеланія, могли и не высылать депутатовъ). Право выбора погостнаго повѣреннаго предоставлялось всякому, имѣвшему въ погостѣ домъ и землю. Погостный повѣренный долженъ былъ имѣть не

[1]) По ревизіи 1766 г. жителей въ Сибири считалось 295051 человѣкъ (въ тобольской губ. 130929 въ, енисейской провинціи 126523, въ иркутской губ. 37599). См. г. Андріевича „Краткій очеркъ сиб. ист." IV.

менѣе 30 лѣтъ, не бывшій въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ и явныхъ порокахъ, добраго и не зазорнаго поведенія. Жители погоста снабжали избранное ими лицо довѣреннымъ письмомъ за подписью священника и не менѣе, чѣмъ семью хозяевами погоста, въ коемъ они поручали своему повѣренному подать уѣздному повѣренному письменное заявленіе объ ихъ нуждахъ и недостаткахъ. По прибытіи на мѣсто, погостные повѣренные являлись къ мѣстному начальнику, который дѣлалъ распоряженіе о выборѣ уѣзднаго повѣреннаго. Такимъ же образомъ выбирался и провинціальный депутатъ. Депутаты отъ инородцевъ, не знавшіе хорошо русскаго языка, должны были привозить толмача и, по прибытіи въ Москву, избирать опекуна, на коего и возлагалось ходатайство по ихъ дѣламъ въ коммиссіи. Депутатамъ всѣхъ сословій кромѣ опредѣленнаго жалованія предоставлялись слѣдующія права:

I. Они освобождались отъ смертной казни, пытокъ и тѣлеснаго наказанія. Безъ доклада императрицѣ никакой судъ не могъ постановить своего рѣшенія взамѣнъ этихъ 3-хъ степеней наказанія.

II. Имѣнія ихъ освобождались отъ конфискаціи, кромѣ какъ за долги.

III. На нанесшаго оскорбленіе или вредъ депутату налагался двойной противъ обыкновеннаго штрафъ.

IV. Даны были для ношенія особые знаки (золотыя медали на золотой цѣпочкѣ).

Сибирскими депутатами были все крестьяне и купцы, за исключеніемъ князя Гантимурова, нерчинскаго депутата, и прапорщика Данилова, якутскаго. Но и эти депутаты совсѣмъ не были выразителями какихъ нибудь дворянскихъ тенденцій. Гантимуровъ горячо заступался за тунгусовъ, приписанныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ, Даниловъ же разъ заявилъ, что дворянство пріобрѣтается не происхожденіемъ, а выслугой. Въ Сибири, дѣйствительно, было не мало дворянъ служилыхъ, такъ называемыхъ „сибирскихъ.“ Какой либо

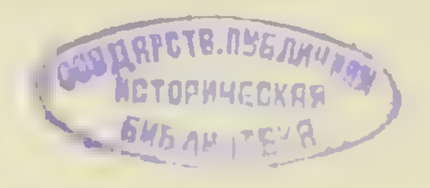
аристократической тенденціи въ сибирскомъ обществѣ того времени не было; изъ вышеприведеннаго указа императрицы Анны видно, что сплошь и рядомъ въ воеводы и начальники попадали люди „изъ самой подлости,“ по выраженію прошлаго вѣка. Поэтому выборъ депутатовъ въ городахъ никогда не сопровождался такими сценами сословной розни, какъ часто бывало это въ Россіи, особенно въ Малороссіи, гдѣ, по донесеніямъ малороссійскаго генералъ-губернатора Румянцева Екатеринѣ, замѣчалась при этомъ крайняя рознь между сословіями: дворянство при выборахъ не хочетъ сидѣть рядомъ съ мѣщанами, „считая сіе быть предосудительнымъ чести своей, именуютъ всегда гражданъ мужиками и въ самомъ дѣлѣ старались при семъ случаѣ уничтожить ихъ вовсе изъ званія, уничтожа безъ того ужь всѣ ихъ права и привилегіи и присвояя себѣ въ городахъ власть безпредѣльную и владѣнія большія.“ Эта рознь проявилась въ особенно бурныхъ сценахъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, Стародубѣ, Черниговѣ. Вслѣдствіе большей однородности сибирскаго городскаго населенія, выборъ депутатовъ былъ удобнѣе, правильнѣе, согласнѣе съ обрядомъ, чѣмъ во многихъ россійскихъ городахъ, какъ напр. въ Нѣжинѣ, гдѣ коренное населеніе жило по Магдебургскому праву, а рядомъ съ нимъ, на особыхъ правахъ, существовала община нѣжинскихъ греческихъ купцовъ и купцовъ великорусскихъ; кромѣ того, къ городу принадлежали казаки и шляхта, жившіе по Литовскому статуту. Цѣлый калейдескопъ разнородныхъ интересовъ, а депутатъ долженъ быть одинъ! Изъ этого затрудненія вышли такъ, что нѣжинскому депутату вручили 4 діаметрально противоположныхъ наказа. Астрахань, по причинѣ разнонародности и разновѣрности своего населенія, прислала 5 депутатовъ. Но за то въ Сибири громадныя разстоянія, баснословно плохіе пути сообщенія и дикость и косность населенія много мѣшали выбору депутатовъ [1]).

[1]) Депутаты были посланы только отъ 12 сибирскихъ городовъ.

Мангазейская воеводская канцелярія доносила сенату, что по непроходимости дорогъ она затрудняется разослать манифесты о выборѣ депутатовъ во всѣ тѣ кочевья, кои растянулись вверхъ и внизъ по Енисею, по верхней и нижней Тунгускѣ и пр. „Между тѣмъ, продолжаетъ канцелярія [1]), пріѣхавшіе въ г. Мангазею отъ живущихъ по уѣздамъ посадскихъ и разночинцевъ повѣренные обще съ жителями г. Мангазеи минувшаго іюня въ 23-й день допущены были къ выбору депутата, но какъ всѣхъ ихъ тамъ было 32 человѣка, то, по учиненіи уже присяги, поданнымъ въ мангазейскую канцелярію за общими руками отзывомъ, изъясняя свое малолюдство и изнеможеніе и что они ничего къ сочиненію проекта новаго уложенія за скудностью и бѣдностью для своихъ выгодностей представить не могутъ, просятъ объ освобожденіи ихъ въ упомянутую коммиссію депутата. Потомъ ясачные инородцы, также крещеные и не крещеные остяки и тунгусы, вызванные по близости чрезъ письменные указы, а нѣкоторые, сами собою съ платежемъ ясака явившіеся, подали жъ за своими тамгами и знаменами отзывы, коими показываютъ, что имъ отъ своего жительства не только вдаль, но и до Енисейской провинціи за приключающеюся между ними опасною, а паче оспенною болѣзнію, отъ которой всегдашняя имъ смерть приключается, ѣхать не можно. А понеже тамошняго вѣдомства иновѣрцы весьма легкомысленны и въ закоснѣлыхъ своихъ дикихъ обычаяхъ никакихъ законовъ не знаютъ, и кромѣ кочевыхъ своихъ жительствъ общеволостныхъ не имѣютъ по причинѣ всегдашняго ихъ съ мѣста на мѣсто одинокими чумами перехода въ зимнее время по лѣснымъ урочищамъ, гдѣ звѣриный промыслъ выгоднѣе усмотрятъ, а въ лѣтнее

между тѣмъ какъ ихъ было къ 1766 г. 18; 3 депутатовъ выслали посады и слободы.

[1]) Ссылка заимствована изъ статьи г. Лиишнскаго въ Ж. М. Н. П. 1887, № 6.



время по рѣкамъ для рыбной ловли, почему въ разсужденіи ихъ легкомыслія за погостными повѣренными мангазейская канцелярія къ вызову ихъ въ г. Мангазею весьма опасна, дабы они не пришли отъ того въ какую робость и не разбѣжались всѣ въ дальнія тайги и тѣмъ самымъ не отстали бы отъ платежа въ казну Е. И. В. положеннаго на нихъ ясака". (Кн. Пр. Сен. 3748 въ арх. мин. юст.). По докладу сената объ этихъ происшествіяхъ, Екатерина положила резолюцію: „не высылать". Впрочемъ, нѣчто вродѣ этого можно встрѣтить въ Россіи. Муромское дворянство, напримѣръ, не дало своему депутату никакого наказа: оно не нашло никакихъ нуждъ и отягощеній, которыя бы нужно было устранить; оно считало себя счастливымъ и при старомъ порядкѣ вещей. Дворянства уѣздовъ: масальскаго, кологривскаго, цивильскаго, звенигородскаго, лебедянскаго, сокольскаго и землянскаго не выслали совсѣмъ депутатовъ. Нѣкоторыя дворянства ссылались на „малолюдство", другія даже на „скудоуміе". Енисейскіе тунгусы и остяки и мангазейскіе посадскіе имѣли, безъ сомнѣнія, болѣе основательныя причины къ уклоненію, чѣмъ поименованныя дворянства, хотя бы даже вслѣдствіе своихъ непроходимыхъ дорогъ. Пути сообщенія въ Енисейской провинціи были невыносимы даже далеко позже. Вотъ что говоритъ о нихъ Хвостовъ въ своей книгѣ „о Томской губерніи и о населеніи большой сибирской дороги", вышедшей въ самомъ началѣ XIX столѣтія: „Сообщеніе городовъ Енисейска и Туруханска и самого земскаго управленія въ уѣздѣ послѣдняго производится единственно рѣкою Енисеемъ, который становится тутъ большою дорогою. По Туруханскому уѣзду на заведенныхъ по удобнымъ урочищамъ зимовьямъ поселыцики возятъ почту и проѣзжающихъ лѣтомъ въ лодкахъ, зимою же въ нартахъ на собакахъ, кои и лѣтомъ тянуть лодку вверхъ помогаютъ. Коммуникація сія по малому числу поселыциковъ зимовьями крайне тягостна". Весной и осенью по причинѣ страшныхъ

льдовъ по Енисею сообщенie еще болѣе ухудшалось. „Каменья нарочитой величины, на нѣсколько саженъ льдомъ на берега поднятые, уложенные плотнѣй мостовой въ городахъ, показываютъ, сколь удивительна сила льда, когда имъ сопрется Енисей". Да и вообще дороги были въ плохомъ состоянiи, хотя дорожная повинность была отяготительна для жителей. При Чичеринѣ, продолжаетъ Хвостовъ, „большая дорога изъ Россiи въ Иркутскъ была неописанно въ худомъ положенiи, потому что одно зимовье (избушка съ небольшимъ сараемъ для лошадей) отъ другого было въ разстоянiи 100, 150 и до 200 верстъ. Въ сiи станцiи выставляли лошадей по очередямъ крестьяне отдаленныхъ селенiй" [1]). Путешествiе по стариннымъ сибирскимъ дорогамъ было сопряжено вообще съ серьезными невзгодами и опасностями. Еще есть у насъ извѣстiе о выборѣ депутата въ Енисейскѣ, сообщаемое Шашковымъ [2]). „Когда указъ о присылкѣ депутата былъ полученъ въ Енисейскѣ, то обыватели сильно струсили, вообразивъ почему-то, что можетъ постичь опала и депутата, и тѣхъ, кто подпишетъ данную ему инструкцiю. И выбрали они депутатомъ Степана Самойлова, котораго терпѣть не могли. Самойловъ отказывается, пишетъ избирателямъ, что они навязываютъ ему это бремя единственно по злобѣ на него. Обыватели настаиваютъ. Самойловъ кое-какъ соглашается и проситъ составить для него инструкцiю и статистическое описанiе Енисейска. Составили никуда не годное описанiе, которое Самойловъ возвратилъ имъ, прося передѣлать и добавить его. Кое-какъ, при помощи Самойлова-же, передѣлали и дополнили описанiе. Готова была и инструкцiя, но подписывать ее всѣ боялись, а Самойловъ боялся ѣхать съ неподписанной инструкцiей. Онъ укорялъ членовъ магистрата за то, что, не под-

1) Ibidem, 69.
2) „Ист. эт." I, 72—73.

писывая инструкціи, они поступаютъ не честно, желая погубить его одного, а самимъ остаться въ сторонѣ. Подписали наконецъ и инструкцію. Самойловъ просилъ денегъ на дорогу, на прожитіе въ Москвѣ и на обратный путь; магистратъ отвалилъ на все это 100 руб. Какъ ни просилъ Самойловъ о прибавкѣ, какъ убѣдительно не представлялъ о недостаточности ассигнованной суммы, магистратъ не прибавилъ ни копейки". Самойловъ оставался въ коммиссіи до 8 января 1769 г., когда онъ передалъ свои права олонецкому депутату Ѳеопемпу Попову. Изъ приведеннаго видно, какъ понимали свои права и енисейскіе обыватели, и самъ Степанъ Самойловъ, очевидно, образованнѣйшій изъ нихъ, и каковы были отношенія гражданъ между собою. О личностяхъ прочихъ депутатовъ почти нѣтъ свѣдѣній. Кромѣ Самойлова мы знаемъ только кое-что объ иркутскомъ депутатѣ Алексѣѣ Сибиряковѣ и о бухарцѣ Ивельяминѣ Хансеитовѣ. Въ Иркутскѣ, во время тиранства Крылова (1757—60 г.), жилъ А. Сибиряковъ, человѣкъ начитанный и большой законникъ, уважаемый иркутскимъ обществомъ. Боясь гоненій со стороны Крылова, онъ бѣжалъ и гдѣ-то скрывался. Крыловъ вообразилъ, что онъ поѣхалъ въ Петербургъ съ жалобой на него и еще болѣе утвердился въ этомъ предположеніи, сдѣлавъ обыскъ въ его домѣ и найдя въ его библіотекѣ копіи со всѣхъ указовъ и постановленій, начиная съ Петра I. За нимъ была послана погоня, которая доскакала до Верхотурья, но вернулась ни съ чѣмъ. И. Хансеитовъ былъ бухарецъ, которыхъ было не мало въ Сибири и о которыхъ можно найти нѣкоторыя свѣдѣнія у Георги. Онъ говоритъ, что въ Сибири находятся многолюдныя татарскія селенія: татарскія слободы въ Тобольскѣ, Тарѣ и Томскѣ совсѣмъ, а въ Туруханскѣ и Тюмени по большей части населены бухарцами; много ихъ жило по близости городовъ, особенно около Тары; въ Башкиріи было двѣ бухарскихъ слободы; всего же въ Сибири ихъ счита-

лось около 20.000. Городскіе бухарцы происходили отъ старинныхъ бухарскихъ торговцевъ, а деревенскіе, большею частію, отъ бѣжавшихъ изъ киргизскаго плѣна бухарцевъ. Въ Россію они привозили бухарскія и индійскія бумажныя и полушелковыя матеріи, простую и пряденую хлопчатую бумагу, халаты, мерлушки, сушеныя овощи, золотой песокъ, а вывозили: красныя сукна, юфть, бисеръ, ножи, проволоку, иглы и пр. [1]). Къ этимъ то бухарцамъ принадлежалъ и нашъ И. Хансеитовъ. По всей вѣроятности, это тотъ самый Хансеитовъ, котораго еще въ 1751 г. бралъ съ собою Алимъ Шаховъ, ѣздившій, по выбору юрточныхъ бухарцевъ и татаръ, въ Петербургъ съ жалобой по поводу насильнаго ихъ крещенія сибирскимъ митрополитомъ Сильвестромъ. По незнанію грамоты, онъ взялъ съ собою татарскаго юрточнаго бухарца Ивельямина Хансеитова; черезъ нѣсколько времени Шаховъ вернулся назадъ, а Хансеитова оставилъ въ Петербургѣ для веденія дѣла [2]). Такимъ образомъ мы видимъ изъ примѣра этихъ трехъ лицъ, что въ сибирскіе депутаты, по крайней мѣрѣ изъ городовъ, попадали люди болѣе или менѣе свѣдущіе, опытные, даже образованные, понимая это въ особенномъ смыслѣ: въ силу мѣстныхъ соціальныхъ условій, энергія умнаго сибиряка того времени обращалась исключительно на обогащеніе себя знаніемъ разныхъ законовъ, указовъ, свѣдѣніями приказнаго характера, потому что это оружіе было абсолютно необходимо для борьбы за существованіе въ тогдашнемъ сибирскомъ обществѣ, гдѣ царила ожесточенная bellum omnium contra omnes. Не имѣя прямыхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о сибирскихъ выборахъ, избираемыхъ и избирателяхъ, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ общимъ, преимущественно экономическимъ, положеніемъ сибирскихъ городовъ того времени, какъ съ ареной, на которой

---

[1]) „Опис. рос. нар.“ II, 75.

[2]) Потанинъ, „Матер. для ист. Сиб.“, 59.

происходили эти выборы и фигурировали избиратели и избираемые. Въ Верхотурьѣ, старинномъ сибирскомъ городѣ, по 3-й ревизіи въ 1763 г., было 340 домовъ, 700 человѣкъ м. п. купцовъ. посадскихъ и крестьянъ и до 400 городскихъ ямщиковъ. „Мастеровыхъ людей всякаго рода въ Верхотурьѣ не мало", говоритъ Лепехинъ [1]). „Купечество верхотурское не богато, продолжаетъ онъ, а большею частью кормится отъ городскихъ лавокъ, также скупаютъ у окольныхъ жителей рухлядь и развозятъ по другимъ мѣстамъ; у нѣкоторыхъ есть кожевенные заводы и рыбные промыслы, а главнѣйшій ихъ торгъ состоитъ въ рогожахъ, коихъ они великое множество отпускаютъ въ Сибирь ежегодно. Сосѣдственныя каменистыя мѣста даютъ имъ отрасль торговли: они добываютъ известь и жерновой камень и сплавляютъ по Турѣ. Прочая же часть жителей живетъ рукодѣльемъ и хлѣбопашествомъ". Купцовъ и ремесленниковъ во времена Лепехина было въ Верхотурьѣ 531. Число жителей Екатеринбурга доходило до 3,000, изъ коихъ купцовъ и посадскихъ 390; $^{1}/_{3}$ населенія составляли старообрядцы [2]). Туринскъ, по свѣдѣніямъ Лепехина, имѣлъ 450 домовъ и 2,639 жителей м. п., изъ коихъ ямщиковъ было 1967. купцовъ и посадскихъ 358, разночинцевъ 319. „На недѣлѣ бываетъ одинъ день торговый, въ который купцы сидятъ въ лавкахъ, а окольные крестьяне пріѣзжаютъ съ сельскими произведеніями и подѣлками. Въ дополненіе лавочнаго торга, который не могъ быть удовлетворительнымъ, достаточные изъ гражданъ или скупали по уѣзду мягкую рухлядь для выгоднѣйшаго сбыта въ Ирбитѣ, или ходили судами на Обь для рыбнаго промысла. Прочіе занимались хлѣбопашествомъ, строительствомъ, подѣлками древодѣлія" [3]).

---

1) I, 85.

2) Словцовъ, „Истор. обозрѣніе Спб.", II, 46.

3) ib., 50.

Въ Тюмени насчитывалось 3314 жителей мужского пола, изъ коихъ купцовъ и посадскихъ было 490, 1317 ремесленниковъ, 390 ямщиковъ городскихъ, 1103 пашенныхъ крестьянъ, затѣмъ нѣкоторое количество крещенныхъ и не крещенныхъ татаръ, а также казаковъ. Въ Тюмени были горшечные, мыльные и кожевенные заводы; съ 1767 г. возникло табаководство. „Жители русскаго происхожденія не имѣли особенныхъ обыкновеній. Старообрядцы, удалявшіеся отъ православныхъ, держали себя въ отчужденіи отъ общежитія, въ разговорѣ осторожны, въ житьѣ скрытны; дома ихъ на заперти. Татары и бухарцы городскіе и подгородные, ознакомясь съ господствующими пришельцами, вели себя откровенно и добродушно“ [1]. „Жители тюменскіе большею частію питаются хлѣбопашествомъ и подѣлками“, говоритъ Лепехинъ [2]. Въ Тобольскѣ, столицѣ Сибири, гдѣ недвижимо пребывалъ губернаторъ, было 6663 жителя мужского пола, изъ коихъ 75 духовныхъ, 102 штатскихъ, 2069 купцовъ, 668 посадскихъ, 168 рабочихъ или поденщиковъ, 2119 служащихъ въ трехъ баталіонахъ, 158 артиллеристовъ, 173 военныхъ малолѣтокъ, 600 татаръ. Это былъ городъ неправильно построенный, грязный и вполнѣ некультурный: аббатъ Шаппъ въ 1761 г. только у одного архіерея могъ найти порядочно испеченный хлѣбъ; жители приписывали случившійся въ этотъ годъ разливъ Иртыша построенной Шаппомъ маленькой обсерваторіи для наблюденія прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца. Гмелинъ обвинялъ тоболяковъ въ томъ, что они вѣчно живутъ inter pocula; то же подтверждаетъ и Шаппъ: „Les hommes sont extrêmement jaloux à Tobolsk; ils restent cependant peu avec elles, (женами) ils passent la plus grande partie de la journée à boire et rentrent chez eux communement ivres“ [3]. То-

[1] Словцовъ, ib., 51.

[2] V. 7.

[3] Chapp d'Auteroche „Voyage en Sibérie“, I, 161.

боляки того времени были чужды даже простой физической опрятности: «à Tobolsk les deux sexes sont très malpropres malgré les bains qu'ils prennent deux fois par semaine". Въ нравственномъ отношенiи они были тоже мало привлекательны: „Esclaves d'un souverain despote, ils exercent encore plus de dureté ce même pouvoir à l' égard de leurs esclaves ou de leurs inférieurs". Въ Тарѣ было 640 купцовъ, 199 ямщиковъ и ремесленниковъ, казенныхъ крестьянъ 1178, дворцовыхъ 39, юрточныхъ бухарцевъ 105, затѣмъ духовные, чиновники, казаки, всего 2250 человѣкъ мужского пола. „Городъ Тара, давно не видя у себя каравановъ бухарскихъ и не имѣя у себя нарочитыхъ капиталовъ, чтобъ значительно участвовать въ пограничной торговлѣ, сталъ жить рукодѣльностью: котельной, кузнечной, отчасти слесарной, мѣдной, хлѣбопашествомъ и мелочнымъ торгомъ" [1]). Въ Барнаулѣ, по свѣдѣнiямъ Фалька, въ 1771 г. было уже 949 домовъ, 2346 жителей мужского пола и 2565 женскаго. Въ Томскѣ въ 1771 г. было 7772 жителя обоего пола. Палласъ нашелъ Томскъ городомъ весьма жалкимъ и грязнымъ, нашелъ въ немъ сильно развитое пьянство и венерическую болѣзнь. Въ Енисейскѣ 3-я ревизiя насчитывала 4000 жителей мужского пола, изъ коихъ 3000 посадскихъ, 160 купцовъ и ремесленниковъ съ кузнецами и мѣдниками до 400. Домовъ было болѣе 1000. Жители занимались мѣховой, рыбной и птицеловной промышленностью.

Ежегодно въ Енисейскѣ была ярмарка, на которую съѣзжались сибирскiе торговцы и русскiе купцы съ товарами, покупаемыми въ Кяхтѣ, Ирбитѣ и Макарьевѣ. Для рыбныхъ промысловъ енисейскiе купцы и посадскiе спускались внизъ по Енисею до рѣки Карасиной, гдѣ ловятся осетры, чиры, сельди, омули и пр.; далѣе же этой рѣчки, по протокамъ и островамъ, били во множествѣ линяющихъ гусей для соленiя.

---

[1]) Словцовъ, II, 64.

„Въ Енисейскѣ завелись иконописцы, мастера серебрянаго, мѣднаго, ружейнаго, рѣзного, токарнаго и мѣхового дѣла, не говоря о нужныхъ, необходимыхъ ремеслахъ. Жители Енисейска не забывали въ извѣстные дни угощать и пировать, любили также украшать и свои храмы драгоцѣнными прикладами“ [1]) Въ Красноярскѣ число посадскихъ, приписанныхъ къ городу, доходило до 2000. По словамъ Палласа, въ 1771 г. въ Красноярскѣ было весьма мало хорошихъ купцовъ. „а рукодѣльныхъ въ прочемъ самонужнѣйшемъ почти совсѣмъ не находится.“ Крайняя дешевизна жизненныхъ продуктовъ въ Красноярскѣ приводила Палласа въ удивленіе: „ни въ которой части россійскаго государства, говоритъ онъ, земные продукты такъ дешево не находятся, какъ здѣсь. Едва можно повѣрить, если скажу, что, какъ я туда пріѣхалъ, въ городѣ ржаной муки пудъ по 2 к. 5 денегъ, пшеничной же по 4 к. съ деньгою, мясо отъ 15 до 25 к. пудъ, а цѣлаго быка за $1\frac{1}{2}$ р., корову за 1 р., рабочую лошадь за 2, за 3 р. достать можно“ [2]). „Изобиліе хлѣба и дешевизна хмѣля, прибавляетъ онъ, подаютъ красноярцамъ поводъ къ всегдашнему содержанію бражки и быть веселеньку“. Въ Иркутскѣ жителей было не болѣе 7000. Посадскіе ограничивались небольшими промыслами. Ремесленники занимались издѣліями изъ кожи, желѣза и мѣди. „Дома были скромные, жилища безъ украшеній, безъ мебели. Хозяйки тамошнія, даже низкаго состоянія, не пряли и не ткали, потому что тогда не сѣяли ни льна, ни конопли. Семьи городскія и деревенскія носили рубашки изъ фанзы или дабы“. „Купцамъ иркутскимъ не всегда удавалось скупать бѣлку и соболей у бурятъ даже тункинскихъ и кудинскихъ. Пріѣзжіе купцы вмѣшивались и перебивали закупку у иркутскихъ вездѣ, въ стойбищахъ Аларскихъ, Идинскихъ,

---

1) ib., 70.

2) IV, 4.

Балаганскихъ и Верхоленскихъ. Ярмарки въ самомъ Иркутскѣ тогда еще не было, а мѣстные купцы опасались иногороднаго соперничества, не желали даже ярмарокъ, дабы тихомолкомъ закупать у знакомцевъ, рука на руку" [1]. Иркутскіе купцы, вѣрные главному экономическому принципу стариннаго торговаго сословія Сибири XVIII в. — монополіи, рѣшительно отказывались открыть въ Иркутскѣ ярмарку, куда бы иногородные могли привозить свои товары и продавать ихъ въ розницу; такъ что иркутскій магистратъ былъ очень недоволенъ губернаторомъ Фрауэндорфомъ, который въ 1766 г. настаивалъ на открытіи въ Иркутскѣ ярмарки [2]. Въ Якутскѣ, по словамъ Исленьева, въ 1768 г. было до 300 домовъ, 3000 жителей обоего пола, изъ которыхъ 50 купцовъ. Жители были лѣнивы, любили наряды и щегольство и лучше говорили по-якутски нежели по-русски. Во Селенгинскѣ Палласъ говоритъ слѣдующее: „сколь городъ Селенгинскъ для купечества съ китайцами ни выгоденъ, однако не слишкомъ въ немъ значительныхъ купцовъ имѣется, и большею частью обыватели изъ средственнаго сословія. Многіе жители разселяются по окольности, строятъ себѣ загородные дома и заимки" [3]. „Въ Кяхтѣ, говоритъ тотъ же Палласъ, господствуетъ обыкновеннѣйшее всегда торжество, какого, кромѣ Иркутска, почти ни въ одномъ сибирскомъ городѣ не найдешь. Но обхожденіе кяхтинскихъ жителей было бы гораздо пріятнѣе, если бы по компаніямъ не такъ чрезвычайно чаемъ докучали, ибо каждый купецъ симъ только и щеголяетъ, что пріѣзжему часто ставитъ пить чай ото всѣхъ сортовъ одинъ послѣ другого, сколько у него ни случится" [4]. Резюмируя все вышесказанное о сибирскихъ городахъ половины прошлаго столѣтія,

---

1) Словцовъ, II, 75.

2) Андріевичъ. „Краткій очеркъ сибирск. ист.", IV, 192.

3) IV, 382.

4) ibid., 152.

нужно необходимо прійти къ слѣдующимъ выводамъ: города эти не носили никакого культурнаго отпечатка, были грязны, жалки, не здоровы и малонаселенны; нравы жителей вполнѣ гармонировали съ внѣшностью городовъ—грубость, пьянство, обжорство, развратъ, ханжество, невѣжество были отличительными свойствами обывателей. Вслѣдствіе крайней дешевизны хлѣба и другихъ жизненныхъ продуктовъ и зарождающейся потребности въ ремесленникахъ всякаго рода, (конечно, сообразно съ культурнымъ уровнемъ обитателей) замѣтенъ приливъ сельскаго люда въ города для занятія ремеслами.

Городское купечество было хотя многочисленно, но не богато: вслѣдствіе рѣдкости денегъ, обращавшіеся капиталы были ничтожны. Торговля исключительно городская была маловыгодна, почему почти всѣ купцы были отхожими: отправлялись по уѣздамъ, скупали мягкую рухлядь, занимались рыболовствомъ en grand и т. п. Главнымъ объектомъ ихъ эксплуатаціи въ уѣздахъ былъ инородецъ, котораго они наперерывъ, городъ передъ городомъ, старались обобрать. Строгаго раздѣленія занятій между горожанами и сельчанами не было—и горожане занимались хлѣбопашествомъ, покосами, охотой, рыболовствомъ, и сельчане мелкой торговлей въ уѣздахъ и продажей въ городахъ разныхъ подѣлокъ. Населеніе какъ будто еще не вполнѣ осѣло и до нѣкоторой степени переливалось то изъ городовъ въ деревни, то изъ деревень въ города. Все то, что сказано нами въ общихъ чертахъ о сибирскомъ купечествѣ прошлаго вѣка находитъ себѣ подтвержденіе въ наказахъ, мнѣніяхъ и отзывахъ сибирскихъ купцовъ, бывшихъ въ Екатерининской коммиссіи представителями сибирскихъ городовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и приступаемъ.

III.

По словамъ г. Вагина, „даже до Сперанскаго сибирская торговля находилась въ жалкомъ состоянiи; частiю вслѣдствiе прежняго законодательства, частiю по произволу мѣстныхъ властей, она подвергалась разнымъ ограниченiямъ и поборамъ. Чиновники, особенно въ отдаленныхъ мѣстахъ, сами занимались торговлей и потому имѣли сильный личный интересъ въ стѣсненiи торговли частныхъ людей“ [1]), хотя правительство неоднократно подтверждало воеводамъ: „купецкимъ людямъ обидъ и разоренiя не чинить“, и предписывало отнюдь не вмѣшиваться въ дѣла магистратовъ (указъ, вышедшiй въ 1721 г.)“. Впрочемъ, надо замѣтить, говоритъ г. Ядринцевъ, что злоупотребленiя были источникомъ обогащенiя и частныхъ лицъ. Въ Сибири промышленные люди создали кабалу и рабство инородца, торговое сословiе жило монополiями. Все это было въ связи и взаимно другъ друга деморализировало. Купцы въ этомъ случаѣ искали поощренiя у правителей, закабаляя крестьянъ и инородцевъ, а правители опирались на общество и устраивали стачки съ богатыми. Въ злоупотребленiяхъ были замѣшаны цѣлыя сословiя. Правительство не могло знать, что совершается въ Сибири, и скоро администраторы выработали цѣлую систему сочинять и представлять картину совершенно иную, чѣмъ представлялъ край“ [2]). Но такое согласiе между сибирскимъ купечествомъ и сибирскою администрацiей сплошь и рядомъ нарушалось: купцы жаловались на произволъ администрацiи не изъ за произвола собственно, но потому, что администрацiя являлась опаснымъ конкуррентомъ ихъ монополiи и кабаленiя населенiя; по тѣмъ же мотивамъ и администрацiя рас-

[1]) „Историческiя свѣдѣнiя о дѣятельности Сперанскаго въ Сиб.“, I, 320.

[2]) „Сибирь какъ колонiя“, 319.

крывала злоупотребленія купцовъ. Само же купечество старинной Сибири въ глазахъ правительства пользовалось очень дурной репутаціей: по указу отъ 27 октября 1699 г. запрещено было выбирать въ сибирскихъ городахъ бурмистровъ, и сборъ пошлинъ по прежнему возложенъ на головъ и цѣловальниковъ. „А бурмистрамъ не быть для того, говорится въ указѣ, что въ сибирскихъ нѣкоторыхъ городахъ посадскихъ людей нѣтъ, а въ которыхъ есть, то тѣ людишки худые, скудные и ссыльные, и за тѣмъ въ бурмистры выбрать некого; и въ которыхъ городахъ торговые люди и есть, и тѣмъ въ сборѣ денежной казны ясачной и ни въ какихъ сборахъ вѣрить некому, для того, что они люди скудные, и для того посылаются къ большимъ сборамъ въ сибирскіе города въ таможенные и въ кабацкіе головы московскихъ городовъ люди добрые, кому въ томъ вѣрить можно“ (П. С. З. № 1708). „Склонность сибирскаго купечества къ мошенничеству, говоритъ г. Андріевичъ, должна была разстроить добрыя отношенія пограничныхъ властей (съ Китаемъ), и недоразумѣнія по торговымъ дѣламъ росли съ каждымъ годомъ, и, съ этимъ вмѣстѣ, всякій малѣйшій посторонній поводъ способствовалъ осложненію и росту неладовъ и между властями, и между пограничными обывателями“ [1]). Напримѣръ, въ 1719 г. китайское правительство жаловалось на цѣловальника П. Лобиткова за его остроумный способъ торговать: онъ роздалъ всѣ товары въ долгъ такимъ людямъ, которые были не въ состояніи заплатить, зная, что китайское правительство уплотитъ за нихъ, что и случилось на самомъ дѣлѣ. Ту-же склонность къ обману и мошенничеству обнаружили и сибирскіе купцы, бывшіе въ Екатерининской коммиссіи: желая освободиться отъ всякихъ торговыхъ пошлинъ, они увѣряли, напримѣръ, что выплачиваютъ ихъ по 470 р. съ каждой тысячи оборотнаго капитала. Въ на-

1) „Краткій очеркъ исторіи Забайкалья“, 127.

казахъ, данныхъ сибирскими купцами ихъ представителямъ въ упомянутой коммиссіи, они остаются неизмѣнно вѣрными своимъ основнымъ экономическимъ принципамъ. Вотъ, напримѣръ, каковы желанія жителей г. Енисейска: предоставить имъ монополію винокуренія и виноторговли; просить о введеніи крѣпостнаго права, объ юридическомъ признаніи кабалы дѣтей нищихъ, чтобы за воспитаніе утвердить ихъ въ холопствѣ; просить о вспомоществованіи городу отъ казны; отдать имъ въ монополію торговлю въ Енисейскомъ и Туруханскомъ краяхъ и запретить торговлю инородцамъ; дать имъ монополію воднаго сообщенія между Енисейскомъ и Иркутскомъ [1]). Эта ненависть между городами, которую мы встрѣтили въ енисейскомъ наказѣ, имѣла на сибирской почвѣ старинное происхожденіе, именно отъ тѣхъ временъ XVII столѣтія, когда изъ каждаго города отправлялись экспедиціи для объясачиванія новыхъ инородцевъ, при чемъ интересы разныхъ городовъ часто сталкивались между собою, такъ какъ эти экспедиціи горожане устраивали не столько для прибытка государевой казнѣ, сколько для собственнаго обогащенія. При такихъ столкновеніяхъ обыватели одного города морили своихъ соперниковъ голодомъ (напр., енисейцы красноярцевъ въ 1-й половинѣ XVII в.), предавали ихъ на жертву возставшимъ инородцамъ, даже вступали въ бой (таковы, напримѣръ, битвы между якутскими казаками подъ предводительствомъ Галкина и мангазейскими подъ начальствомъ Корытова). Въ XVII столѣтіи енисейцы вели тяжбу съ красноярцами за право собирать ясакъ съ якутовъ, красноярцы тягались съ томичами за право собирать дань и аманатовъ съ киргизскихъ и тубинскихъ волостей. Въ XVIII вѣкѣ стремленіе городовъ объясачивать инородцевъ переродилось въ стремленіе кабалить и эксплуатировать ихъ

[1]) Щегловъ, 284.
[2]) См. выше.

и крестьянъ, уже не прикрываясь государевымъ дѣломъ, въ чемъ обыватели разныхъ городовъ нерѣдко сталкивались другъ съ другомъ. Въ половинѣ XVIII в. звѣроловный періодъ сибирской колонизаціи оканчивался, и многіе прежніе звѣроловы занялись земледѣліемъ и скотоводствомъ, отъ чего послѣдовало крайнее обиліе сельскихъ продуктовъ, переполненіе ими рынка и ихъ крайняя дешевизна, которой такъ удивлялись путешественники. Это показало на назрѣвшую потребность выдѣлить часть сельскаго населенія въ города для занятія ремеслами и торговлей — вотъ почему возникъ приливъ населенія въ города за наживой, явились новые и многочисленные конкурренты прежнему купечеству. Отсюда понятны тѣ всеобщія и постоянныя требованія сибирскихъ купцовъ монополій, запрещеній и пр., которыми наполнены купеческіе наказы. Томскій депутатъ Ѳоминъ представилъ порученныя ему его согражданами такого рода „разныя изнеможенія“: „крестьянамъ и прочимъ, кому запрещено указами, не слѣдуетъ торговать никакими товарами, кромѣ какъ опредѣленными крестьянскими издѣліями, и тѣмъ, что отъ ихъ деревенской экономіи и рукодѣлія происходитъ“ [1]; въ лавкахъ имъ не сидѣть; лавокъ, погребовъ, амбаровъ и прочихъ промысловъ и заводовъ отнюдь не имѣть и съ купечествомъ ни подъ какимъ видомъ „кредитами не обязываться“ чтобы черезъ это не дѣлать купечеству „никакого помѣшательства и подрыва“: крестьянамъ единственно слѣдуетъ прилежать къ своимъ обязанностямъ и имѣть крайнее стараніе и ревность къ хлѣбопашеству; въ купеческое сословіе принимать возможно, но не временно, а навсегда. Депутатъ отъ Барнаульскаго завода Карышевъ, представивъ въ другомъ мѣстѣ въ собраніе о „злоупотребленіяхъ“ въ торговыхъ дѣлахъ со стороны крестьянъ и всякаго званія людей, предлагаетъ введеніе внутреннихъ пош-

[1] Сб. Р. И. О., VIII, 257.

линъ, уничтоженныхъ въ 1753 г.. чѣмъ „и государевъ интересъ получилъ бы свою прибыль", и легкость покушеній на торговлю была бы прекращена. Онъ не отвергаетъ права каждаго записаться въ купеческое состояніе, но находитъ только относительно разночинцевъ вообще. что „неприлично вступать въ ту степень. въ которой они не рождены". Тотъ-же Карышевъ, приводя цѣлую массу статей и указовъ. настаиваетъ. чтобы всѣ, не принадлежащіе къ купеческому сословію, никакой торговлей не занимались, ибо „купечество, по своимъ обязанностямъ, имѣетъ всевозможное попеченіе къ приведенію россійскаго государства въ цвѣтущее состояніе". „Что касается до произведеній крестьянскаго хозяйства и рукодѣлій, какъ-то: всякаго рода хлѣба, рогатаго скота, лошадей и т. п., то я согласенъ. говоритъ Карышевъ, на дозволеніе крестьянамъ продавать оные. но только съ тѣмъ, чтобы каждый продавалъ свои собственныя издѣлія и въ тѣхъ городахъ и ярмаркахъ, гдѣ кто по близости живетъ, и чтобы они не имѣли права ничего перекупать другъ у друга и ѣздить для продажи въ другіе отдаленные города и мѣста и тѣмъ не дѣлали бы купечеству никакого помѣшательства" [1]). Тобольскій депутатъ Яковъ Медвѣдевъ высказалъ мнѣніе, что каждое сословіе должно „упражняться въ приличныхъ ему должностяхъ, а потому и нельзя дозволять воинскимъ и прочимъ чинамъ, а также и крестьянамъ торговлю всякими товарами" [2]). Особеннымъ паѳосомъ въ доказательствѣ того, что купцы—необыкновенно важное сословіе для государства, отличался барнаульскій депутатъ Карышевъ. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, нѣтъ другого. болѣе надежнаго средства къ обогащенію государства, которое бы могло сравниться съ коммерціей. Она, не довольно того, что обогащаетъ свое

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ., VIII, 200.
[2]) Сб. Р. И. О. VIII, 204.

государство извѣстнымъ уже ходомъ торговли, но и находитъ еще скрытые до того отъ глазъ, лежащіе въ окрестности государства, способы къ новому обогащенію. Она не только даетъ знать своему отечеству о состояніи невѣдомыхъ ему народовъ, но и привлекаетъ ихъ во взаимную торговлю, заключаетъ союзъ съ ними и тѣмъ, прославляя свое отечество, наводитъ страхъ непріятелямъ. Но возможно ли объяснить всѣ пользы коммерціи?" Далѣе Карышевъ распространяется о томъ значеніи, какое торговля доставила Тиру, Карѳагену, Аѳинамъ, Англіи, Голландіи и Россіи послѣ открытія русскихъ портовъ въ 1697 г. Но все это было предисловіемъ, ораторскими украшеніями къ существеннымъ пунктамъ: „чтобы купечество другихъ городовъ своей перекупкой и продажей въ розницу товаровъ не приводило въ разореніе сибирскаго купечества, а велась бы ими торговля подобно тому, какъ сибирскіе купцы сдаютъ нынѣ оптомъ свои товары купечеству иныхъ городовъ" [1]). Енисейскій депутатъ Самойловъ требуетъ, чтобы покупающихъ въ городахъ и уѣздахъ разные товары и торгующихъ въ лавкахъ записывали въ купечество или запрещали имъ торговать, подъ опасеніемъ конфискаціи всѣхъ ихъ товаровъ. Изъ этого мы видимъ, какъ ревниво сибирское купечество охраняло свои монополіи и свои юридическія права на неограниченную эксплуатацію населенія. Городское ремесленное населеніе также зорко стояло на стражѣ своихъ монополій; тарскій депутатъ Бекишевъ требуетъ, чтобы фабрики и заводы безъ изъятія оставить купечеству: купцамъ слѣдуетъ пользоваться правами купеческими, а дворянамъ дворянскими [2]). Возражая казанскому дворянскому депутату Есипову, енисейскій депутатъ Самойловъ заявилъ, что никакъ невозможно позволить помѣщичьимъ людямъ производить свои ре-

---

1) Ibid., VIII, 274 и слѣд.
2) Сб. Р. И. О., VIII, 49.

месла такъ же свободно, какъ настоящимъ цеховымъ: подобное установленіе противно регламенту главнаго магистрата. Бекишевъ объяснилъ о безпорядкахъ, существующихъ вообще въ дѣлахъ, относящихся до ремесленниковъ, и въ примѣръ тому привелъ, что не записанные въ цехъ мастера, пріѣзжая въ городъ и продавая тамъ издѣлія своего ремесла нѣсколько дешевле противъ ремесленниковъ, записанныхъ въ цехъ, дѣлаютъ имъ подрывъ, и именно потому, что сами не платятъ цеховыхъ денегъ. Многіе изъ мастеровъ, записанныхъ въ цехи, переименовавшись купцами, занимаются торговлей. Нѣкоторые мастеровые, забравъ работу съ задатками, промотываютъ взятыя деньги, а работы не выполняютъ; заказчики же, не получая оной, жалуются въ полицію и въ суды, но остаются безъ удовлетворенія. Для приведенія этой части въ надлежащее устройство Бекишевъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) чтобы всякій ремесленникъ былъ гражданиномъ города и имѣлъ въ немъ постоянное жительство, но чтобы онъ ни къ кому не былъ прикрѣпленъ и въ другое ремесло, кромѣ своего, не входилъ; 2) чтобы каждое ремесло отдѣлить отъ другого и для каждаго изъ нихъ выбрать старосту, который смотрѣлъ бы за исправностью работъ и поведеніемъ ремесленниковъ; 3) чтобы ремесленники селились въ одномъ мѣстѣ для болѣе удобнаго за ними надзора; 4) доходъ распредѣлять по промысламъ и по тому числу душъ, сколько можетъ ихъ собраться въ цехъ, и за тѣмъ уже особыхъ сборовъ съ нихъ не производить; распредѣленіе это сдѣлать въ присутствіи самихъ ремесленниковъ такимъ образомъ, чтобы доходъ не былъ уменьшенъ противъ прежняго и возобновлять его черезъ каждые 3 года; всѣхъ ремесленниковъ исключить изъ подушнаго оклада; 5) крестьянамъ, не записаннымъ въ цехъ, запретить производить всякія работы въ городахъ; 6) владѣльческихъ людей и крестьянъ въ цехъ не записывать, кромѣ развѣ тѣхъ, которые пожелаютъ наняться у го-

родовыхъ мастеровъ; за точнымъ соблюденіемъ этого порядка надъ цеховыми людьми и самыми ихъ мастерствами долженъ наблюдать городовой магистратъ на основаніи XIV ст. уст. магис., и 7) въ городахъ у дворянъ въ ихъ домахъ не запрещать собственнымъ ихъ людямъ работать на себя; отъ постороннихъ же людей работы не принимать и вывѣсокъ не имѣть подъ опасеніемъ штрафа [1]). Сибирское купечество въ своихъ стремленіяхъ къ неограниченной монополіи, кромѣ занимающихся мелкой торговлей крестьянъ, встрѣтило и другихъ соперниковъ—казаковъ сибирскихъ линій. „Не одни купцы, говоритъ г. Ядринцевъ, но и сибирскіе казаки, на значительномъ протяженіи вовсе не занимающіеся земледѣліемъ, спекулируютъ на счетъ киргиза. Они берутъ у купцовъ товары и развозятъ ихъ также въ кредитъ киргизамъ, обмѣривая и обвѣшивая ихъ при этомъ“ [2]). Жажда наживы на счетъ киргизовъ и калмыковъ и нежеланіе упустить такой выгодный предметъ эксплуатаціи вызвала сильный антагонизмъ между купцами и казаками, который и выразился въ довольно рѣзкихъ формахъ во время преній коммиссіи. Депутатъ отъ сибирскихъ казаковъ Анциферовъ, возражая на мнѣніе тобольскаго депутата Медвѣдева о недопущеніи воинскихъ чиновъ къ занятію торговлей, саркастически замѣтилъ, что, вѣроятно, наше правительство имѣетъ попеченіе не объ одномъ только сословіи купцовъ и не считаетъ всѣ прочія „за ненадобностью“ въ государствѣ. Если же „степенное купечество желаетъ захватить въ свои руки всю мелочную крестьянскую торговлю, то пусть де возьметъ на себя и всѣ повинности крестьянъ, какъ денежныя, такъ и натуральныя, а также не согласится ли оно и на пролитіе своей крови противъ непріятеля?“ На жалобы, сѣтованія и требованія купцовъ объ освобожденіи ихъ

---

[1]) Сб. Р. И. О., IV, 136 и слѣд.

[2]) „Сибирь какъ колонія“, 277.

отъ выборныхъ безвозмездныхъ службъ Анциферовъ рѣзко отозвался о „достоинствѣ службы купцовъ“, говоря, что сѣтованія ихъ на большіе начеты и взысканія и на нахожденіе подъ отчетностью въ теченіе долгаго времени происходятъ, какъ и во всякихъ службахъ, „отъ ихъ невоздержности и мотовства, а не отъ всякаго иного нечаяннаго случая... за такіе ихъ поступки они такъ долго и удерживаются не только подъ отчетами, но и подъ карауломъ, и это, въ чемъ я и не спорю, весьма справедливо. Полицейскую же должность, я думаю, отправляютъ не одни купцы, но и прочіе живущіе въ городахъ граждане для своего и общаго охраненія“. Въ заключеніе онъ заявилъ, что тѣ купцы заслуживаютъ почтенія, отличія и преимущества, которые ведутъ заграничный торгъ и приносятъ имъ „всему народному обществу пользу“, а не тѣ, которые „внутри городовъ и уѣздовъ, перекупая мелочи, на подобіе мытаря, безпошлинно торгуютъ и въ работы нанимаются“ [1]). Когда же, въ отвѣтъ на эти насмѣшки, подалъ голосъ тобольскій депутатъ Медвѣдевъ, поддержанный почти 70-ю купеческими депутатами, что если депутатъ Анциферовъ считаетъ торговлю возмездіемъ за недостаточное состояніе сибирскихъ казаковъ, то было бы приличнѣе имъ просить о прибавкѣ жалованья или земли, и что отъ незаконной торговли казаковъ болѣе всего страдаютъ Ямышевская и Семипалатинская таможни. На это казакъ Анциферовъ, со своей стороны поддержанный 46-ю депутатами отъ пахотныхъ крестьянъ и инородцевъ, выставилъ правительственные указы отъ 1691 по 1766 годъ, по которымъ, съ одной стороны, дозволялась торговля ясачнымъ и служилымъ пахотнымъ людямъ, а съ другой запрещалось торговцамъ „опричь гостиннаго двора по деревнямъ ѣздить“, а также сибирскимъ купцамъ по татарскимъ юртамъ и улусамъ и, наконецъ, екатерининскимъ наказомъ выра-

[1]) Сб. Р. И. О., VIII, 156.

жалось желаніе, видѣть весь народъ нашъ счастливымъ и довольнымъ. На всѣхъ этихъ основаніяхъ онъ доказывалъ, что представленное депутатомъ Медвѣдевымъ будто-бы „вымогательство у купцовъ такими малыми и безвластными людьми“ есть съ его стороны „одно только голословное поношеніе“, и что такихъ людей, на которыхъ онъ прежде указалъ, „лучше исключить изъ купеческаго честнаго званія“, чѣмъ устранить крестьянъ отъ необходимой для нихъ торговли. Анциферовъ даже просилъ коммиссію не торгующимъ купцамъ отвести землю, а въ замѣнъ ихъ записать въ купечество желающихъ земледѣльцевъ и разночинцевъ [1]). Теперь не лишне взглянуть на тѣ мѣстности, гдѣ происходила та пограничная торговля, монополіи на которую такъ домогались и купцы, и казаки. „Противъ крѣпости Усть-Каменногорской, по лѣвой сторонѣ Иртыша до Омска, говоритъ Словцовъ, начали съ 1758 г., по опустошенной Джунгаріи, распространяться кочевья киргизъ-кайсацкихъ волостей, въ скотоводствѣ зажиточныхъ, что и было не безполезно для нашей жилой границы. Между водворяющимися сосѣдями и крѣпостными жителями завязалась мѣна; къ томужъ не замедлили подходить къ крѣпости для торга ташкентцы, кашгарцы и другіе бухарцы (изъ Малой Бухаріи) съ своими и китайскими товарами. Часть ихъ расходилась въ Усть-Каменной, а болѣе въ крѣпости Семипалатинской, гдѣ съ 1754 г. существовалъ мѣновой дворъ и таможня, а слѣдственно, было кое какое купечество“ [2]). Въ Семипалатинскѣ киргизы предлагали для мѣны овецъ, лошадей, быковъ, коровъ, овчины, мерлушки, армяки изъ верблюжьей шерсти, войлоки, называемые полтями. Отъ бухарскихъ купцовъ получались бязи, дабы, халаты, бумага пряденая и въ охлопкахъ, лисьи, бобровые, волчьи, куньи мѣха, плоды, китайскія шелковыя

---

[1]) Сб. Р. И. О., VIII, 245 и слѣд.

[2]) „Историч. обозрѣн. Сиб.“, II, 223.

ткани. Русскій отпускъ состоялъ въ разномъ хлѣбѣ зерномъ и мукой, въ винѣ, чугунныхъ и желѣзныхъ подѣлкахъ, котлахъ, таганахъ, черныхъ и простыхъ кожахъ, не дорогихъ сукнахъ и пр. Въ 1764 г. Семипалатинская таможня дала 1467 р. дохода ($^1/_{10}$ часть общей стоимости провозимыхъ товаровъ—14670 р.) При Ямышевской крѣпости торговля началась въ 1720 г., и въ 1765 г. таможеннаго дохода тамъ было только 496 р.; при Желѣзнинской крѣпости—съ 1764 г., и эта таможня за періодъ времени въ 18 лѣтъ (1764—1782) дохода дала 518 р. Значитъ, во всѣ 18 лѣтъ весь торгъ былъ не болѣе какъ на 6000 р. Въ Петропавловской крѣпости торгъ начался съ 1759, а въ Прѣсногорьковской—съ 1760 [1]). Цифры таможеннаго сбора, столь незначительныя даже и для того времени, ясно указываютъ на огромное распространеніе контробандной торговли, очень удобной для пограничныхъ казаковъ, но опасной и рискованной для купцовъ, особенно не мѣстныхъ. Это обстоятельство въ значительной степени объясняетъ тотъ пылъ, съ которымъ купцы возставали противъ торговли казаковъ. Купцы не могли выносить, что не они, а казаки эксплуатируютъ инородцевъ. Другой тенденціей, которую сибирскіе купеческіе и казацкіе депутаты проводили въ коммиссіи съ такимъ же жаромъ, какъ и тенденцію монополіи, была тенденція кабалы. Правительство XVII в. къ вопросу о закабаленіи инородцевъ относилось безразлично; оно только запрещало купцамъ покупать у нихъ соболей, чтобы не было убытка государственной казнѣ. Въ XVIII в. его отношеніе къ этому вопросу не было одинаково: оно то защищало инородцевъ, то отдавало на жертву кабальникамъ. Такъ въ 1726 г., какъ это видно изъ исторіи церкви Филарета, по просьбѣ Филоѳея Лещинскаго, объявлено указомъ, что всѣ новокрещенные, находящіеся въ кабальной зависимости у разныхъ

---

[1]) Словцовъ, ibid.

хозяевъ, освобождаются, не смотря ни на какія крѣпости, и имъ положено выдать паспорты, чтобы никому ихъ не кабалить и въ неволѣ не держать. Въ одномъ только Березовѣ таковыхъ оказалось 50 человѣкъ. То же самое было подтверждено въ 1745 г. въ указѣ коммиссіи Вульфа. Въ 1733 г., по окончаніи разслѣдованія о злоупотребленіяхъ камчатскаго управителя, произведеннаго майоромъ Якутскаго полка Мерлинымъ,— приказано освободить отъ крѣпостной неволи камчадаловъ, закабаленныхъ казаками [1]. Но въ 1737 г., въ указѣ отъ 16 ноября, въ § 7, императрица Анна постановила: „калмыкъ и другихъ націй, которые, какъ извѣстно, крещены бываютъ и хозяевамъ достаются больше малолѣтніе, дозволяется всякому покупать, крестить и у себя держать безъ всякаго платежа подушныхъ денегъ, одной запиской въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ“. Въ 1742 г. по ходатайству оренбургскаго губернатора Неплюева позволено: „у башкирцевъ людей покупать не только партикулярнымъ людямъ, но и на казенныхъ людей мѣнять“. Въ 1756 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ исходатайствовалъ купцамъ и торговымъ бухарцамъ крестить въ неволю купленныхъ инородцевъ, хотя въ 1753 г. было запрещено тобольскому купцу Корнильеву, купившему на свой стекольный заводъ 45 душъ, покупать болѣе. Главнымъ основаніемъ сибирскаго рабства служилъ законъ 9 января 1757 г., утверждавшій слѣдующее представленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ: „привозимыхъ киргизами разныхъ націй плѣнниковъ, всякаго званія людямъ по недостатку въ Сибири пахотныхъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть велѣно, покупать и на товаръ вымѣнивать, а потомъ и крестить не только воспрещать не надлежитъ, но еще и пріохочивать къ тому надобно для того, дабы лучшее стараніе было

[1]) Шашковъ, „Ист. Эт.“, II; Андріевичъ, „Кратк. очеркъ сиб. ист.“, II.

изъ магометанъ и идолопоклонниковъ приводить въ православный христіанскій законъ. Такихъ покупаемыхъ плѣнниковъ объявлять немедленно въ крѣпости Ямышевской и Семипалатной командирамъ, описывая при томъ ихъ лѣта, ростъ и примѣты. А потомъ, какъ оные пообучатся россійскому языку, объявлять ихъ въ губернскихъ или воеводскихъ канцеляріяхъ и брать на нихъ владѣнныя записки. Всѣмъ у киргизъ-кайсаковъ покупаемымъ плѣнникамъ у такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть не велѣно, быть крѣпкимъ по смерть оныхъ покупателей". (П. С. З. XVI, 587 и 329). Но въ 1763 г. предписывалось „присылаемыхъ изъ Оренбурга и Сибири крещенныхъ азіатцевъ отсылать для водворенія въ дворцовыя волости казанской, астраханской и оренбургской губерній, а партикулярнымъ людямъ въ услуженіе за деньги болѣе ихъ не отдавать, а издержанныя на нихъ казенныя деньги на провозъ и воспитаніе ихъ до Москвы числить казеннымъ расходомъ безвозвратно".

Возникшее при Екатеринѣ новое теченіе въ пользу инородцевъ встревожило сибирскихъ крѣпостниковъ. Такъ тарскій депутатъ Бекишевъ, особенно ярый крѣпостникъ, основываясь, очевидно, на практикѣ, введенной законами 1737 и 1757 годовъ, представлялъ, „дабы вывозимыхъ изъ за границы разныхъ ордъ военноплѣнныхъ людей по прежнимъ законамъ дозволялось всякому покупать, крестить и держать у себя безъ подушнаго оклада" [1]). Тотъ же Бекишевъ въ засѣданіи 28 мая 1768 г., возражая депутату отъ казаковъ Новохоперской крѣпости Алейникову, говоритъ, что покупать на срокъ разныхъ инородцевъ и, по достиженіи узаконеннаго возраста (25 лѣтъ), отпускать, охотниковъ не найдется—не выгодно; „россійскіе люди, говоритъ онъ, льстясь въ силу прежнихъ законовъ тому, что тѣ покупные люди будутъ отъ нихъ неотъемлемы, и вы-

---

1) Сб. Р. И. О., т. 32, 50.

возятъ въ Россію оныхъ, чѣмъ размножаютъ народъ, черезъ что прославляется христіанскій законъ; ибо они прежде были идололаторцы и магометанцы, и сдѣлались христіанами при покупкѣ оныхъ". „А по мнѣнію моему, заканчиваетъ онъ, надлежитъ не только отъ покупки тѣхъ народовъ тѣмъ увольненіемъ удерживать, но еще пріохочивать, чтобы въ другія земли не продавали, а вывозили бы на россійскія границы и продавали россійскому народу, и отъ покупателей быть неотъемлемыми и имѣть ихъ безъ подушнаго платежа, а родившихся дѣтей ихъ писать съ прочими наряду въ подушный окладъ, какъ прежніе законы о томъ повелѣваютъ". „Древнерусская ревность о православіи, говоритъ Шашковъ, не позволяла и думать о возвращеніи въ родные улусы тѣхъ невольниковъ, которые во время плѣна приняли добровольно или невольно русскую вѣру. Сначала вошло въ мѣстный обычай, а потомъ и въ законъ, возвращать инородцамъ только тѣхъ ясырей, которые не были крещены. По всей вѣроятности, въ созданіи этого правила участвовало не одно только благочестивое чувство христіанина, а также корыстный, совершенно оскорбительный для религіи разсчетъ рабовладѣльца; во всякомъ случаѣ, въ старинной Сибири пользовались этимъ правиломъ для того, чтобы укрѣпить въ рабской зависимости извѣстныхъ инородцевъ. Плѣнниковъ русскіе обыкновенно крестили, чтобы сдѣлать невозможнымъ ихъ освобожденіе Крещеніе въ неволю дикарей было чрезвычайно распространено въ Сибири и долго считалось средствомъ, дающимъ крестившимъ полное право собственности на крещеннаго; крестившій владѣлъ такимъ рабомъ, продавалъ его и оставлялъ въ наслѣдство по завѣщанію" [1]). Конечно, не ревность къ православію и не процвѣтаніе государства, а просто корыстный эгоистическій разсчетъ двигалъ и Бекишевымъ. Особен-

[1]) „Историч. этюды", II, 113.

но были достойны сожалѣнія дѣти, окрещенныя отъ родителей.

Такъ въ августѣ 1745 года Аблай-Султанъ снова трогательно пишетъ Павлуцкому о возвращеніи плѣнныхъ, особенно о возвращеніи холопей и дѣтей уже возвращенныхъ въ орду плѣнниковъ. „Отецъ о дѣтяхъ тужитъ такожде. Дѣтищей ко отцамъ своимъ сообщите, какъ аргамака къ табунамъ сообщить. И которые крещены, и не крещены, извольте-ко намъ прислать; и наши которые воры вашихъ въ полонъ брали, привезя къ себѣ и обасурманятъ, и нашихъ ваши такожде воры, увезя, да окрестятъ, это хорошее ли дѣло“? [1]) Незаконнорожденныя дѣти и дѣти нищихъ представляли другой объектъ для крѣпостническихъ поползновеній сибиряковъ того времени. Въ 54-мъ засѣданіи коммиссіи Бекишевъ проситъ, чтобы подкидыши вѣчно принадлежали тѣмъ, кѣмъ они приняты и воспитаны будутъ. Впослѣдствіи онъ же проситъ „незаконнорожденныхъ приказать для воспитанія каждому брать, воспитывать и имѣть ихъ, какъ крѣпостныхъ, съ платежемъ подушнаго оклада“ [2]). Принимающіе на воспитаніе незаконныхъ дѣтей или отдаваемыхъ бѣдными вдовами, говоритъ тотъ же депутатъ, „во младенчествѣ до возраста имѣютъ не малую скуку и своему капиталу въ расходъ употребленіе, обучаютъ грамотѣ и разнымъ ремесламъ, черезъ то дѣлаютъ ихъ добрыми людьми; а если ихъ только подержать до урочныхъ лѣтъ, то тѣ хозяева, какъ отъ покупки разныхъ ордъ народовъ, такъ и отъ воспитанія незаконнорожденныхъ, немалый понесутъ убытокъ и разореніе и тѣ люди, чувствуя себѣ отпускъ отъ хозяевъ, не рачительны будутъ къ наукамъ и ремесламъ и болѣе употреблять себя станутъ въ мотовства и воровства и въ прочія неудобства, чтобы ихъ хозяева и до сроку освобождали, и изъ

---

[1]) Потанинъ, „Матер. для ист. Сиб.“, 152.

[2]) Сб. Р. И. О., т. 32, 50.

этого, какъ государству, такъ и хозяевамъ, будутъ они не только безплодны, но и вредители; почему и впредь всякій человѣкъ къ покупкѣ такихъ людей уже отваживаться, я думаю, не будетъ, да и тѣ военоплѣнные всякіе народы продаваться будутъ въ другія орды, а младенцы незаконнорожденные помирать безъ просвѣщенія св. крещенія преждевременной смертью" [1]). Страннымъ можетъ показаться такое очевидное обиліе незаконнорожденныхъ и подкидышей въ слабо-населенной Сибири XVIII в.; но этотъ фактъ объясняетъ, во 1) общій развратъ, царившій тамъ по отзывамъ всѣхъ путешественниковъ, во 2) многочисленное купеческое сословіе, бывшее, какъ мы видѣли выше, болѣе отхожимъ, кочевымъ, чѣмъ осѣдлымъ, надолго покидавшимъ свои дома и разъѣзжавшимъ повсюду. Эти рыскающіе повсюду торговцы, „прельщали женщинъ на блудъ, обѣщая пояти въ супружество", приживали дѣтей, а потомъ бросали ихъ. Подобные случаи были такъ часты, и возмутительны, что вызвали даже указъ отъ 29 октября 1723 г., спеціально посвященный имъ. Указъ этотъ повелѣвалъ насильно женить этихъ развратниковъ на обольщенныхъ ими женщинахъ, а въ случаѣ упорства отсылать ихъ „вмѣстѣ съ любодѣющими" къ гражданскому суду. Митрополитъ Филоѳей свидѣтельствуетъ объ огромномъ количествѣ дѣтоубійствъ, совершившихся въ Сибири въ его время; то же самое говоритъ Иннокентій Неруновичъ о Восточной Сибири; въ 3) нерѣдко практиковавшіяся правительствомъ ссылки на поселеніе преступницъ изъ Россіи, годныхъ для замужества, особенно на сибирскія линіи. Такъ въ 1759 г., какъ сообщаетъ Шашковъ [2]), было опредѣлено поселить на сибирскую линію годныхъ для замужества

[1]) Ib., т. 32, стр. 517—519, прилож. № 66 (мнѣніе депут. А. Бекишева).

[2]) „Очерки русск. нравовъ въ старинной Сибири". Отеч. Зап. 1867, № 10 и 11.

ссыльныхъ женщинъ. Сибирская губернская канцелярія предписывала тарской воеводской канцеляріи „посланныхъ для распредѣленія на поселеніе присыльныхъ женокъ собравъ, самимъ воеводѣ и управителю персонально учинить имъ осмотръ и годныхъ для замужества отправить въ Омскъ къ бригадиру Фрауэндорфу“. Колодницы отправлены въ Омскъ по Иртышу подъ солдатскимъ конвоемъ. Фрауэндорфу же предписывалось опредѣлять ихъ въ назначенныя имъ мѣста по сибирской линіи. Изъ Омска колодницы разсылались по всей линіи, и нѣкоторое число оставалось въ самомъ городѣ. Многія изъ нихъ беременѣли или въ Омскѣ, или по дорогѣ, нѣкоторыя тащились съ грудными ребятами, другія кое какъ волочили свои ноги отъ дорожнаго изнуренія и угнетавшихъ ихъ болѣзней; по неимѣнію подводъ, всѣ, кромѣ серьезно больныхъ, шли пѣшкомъ. Матери по дорогѣ раздавали желающимъ своихъ дѣтей, нести которыхъ подъ палящими лучами солнца имъ было невозможно и отъ которыхъ онѣ желали избавиться, чтобы лучше устроить свою брачную карьеру. Голода, часто случавшіеся среди инородцевъ, доставляли также большое количество дѣтей, отдаваемыхъ въ кабалу русскимъ купцамъ и служилымъ. „Закладывать дѣтей иногда побуждала отцовъ нужда въ деньгахъ для какого нибудь дѣла или просто для пьянства, говоритъ Шашковъ; чаще всего это дѣлалось отъ нищеты или для предупрежденія какого нибудь бѣдствія, грозившаго отцу“. Такъ въ 1760 г. писчикъ П. Бекишевъ насчиталъ на разночинцѣ Оконешниковѣ 25 р. при пріемѣ мірскихъ денегъ. Бекишевъ пожаловался на него управителю Куличкину, который началъ стращать Оконешникова плетьми; и, убоясь такихъ угрозъ, за неимѣніемъ денегъ, Оконешниковъ заложилъ сына своего Ѳеодора поручику Меньщикову. „Не довольствуясь толпами инородческихъ рабовъ, сибиряки не пропускали случая пріобрѣтать себѣ въ рабство и русскихъ“, за-

мѣчааетъ по этому поводу Шашковъ [1]). Это подтверждаетъ предложенiе депутата отъ казаковъ сибирскихъ линiй Өедора Анциферова, выяснившаго, что изъ находящихся на отдаленныхъ сибирскихъ линiяхъ начальниковъ оказываются такiе, которые, получивъ въ свою команду государевыхъ людей, въ томъ числѣ и служилыхъ, черезъ различныя домогательства неволей принуждаютъ ихъ къ тому, чтобы они своихъ дочерей отдавали въ замужество за ихъ холопей, которыхъ они и укрѣпляютъ навсегда за собой. Поэтому, для отвращенiя впредь подобныхъ злоупотребленiй, Анциферовъ проситъ, чтобы такое насильное сочетанiе и укрѣпленiе было пресѣчено, подъ страхомъ отбиранiя таковыхъ съ женами и дѣтьми и записыванiя ихъ въ казаки или черносошные крестьяне, куда кто будетъ способенъ [2]). Притязанiя закабалить ссыльныхъ находили себѣ опору въ правительственныхъ постановленiяхъ. Такъ сенатскимъ указомъ отъ 29 апрѣля 1747 г. разрѣшено было: „сибирскимъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и разночинцамъ отдавать изъ ссыльныхъ женатыхъ съ дѣтьми и холостыхъ, написанныхъ въ подушный окладъ такихъ, кто домовъ своихъ не имѣетъ, изъ платежа подушныхъ, кто взять похочетъ“. De facto это существовало раньше; Словцовъ (I, 288) говоритъ, что чиновники подъ видомъ крѣпостныхъ записывали то бѣглыхъ, то ссыльныхъ, какъ при 2-й ревизiи открылось.

Какъ мы видѣли выше, сибирскiе депутаты хлопотали о подтвержденiи за ними права покупать военноплѣнныхъ „разныхъ ордъ и народовъ“. И дѣйствительно, полонъ давалъ сибирскому населенiю массы рабовъ. Экспедицiи для добычи плѣнниковъ, „ясырей“, устраивались очень часто. Такъ въ началѣ XVIII в. сержанты Игнатьевъ и Бѣлобородовъ ходили съ командой „для искорененiя“ бунтующихъ инородцевъ сѣверо-восточной Сибири, изъ которыхъ и было взято въ плѣнъ

---

[1]) „Оч. рус. нрав. въ стар. Сиб.“, От. Зап. 1867 г., № 11.

[2]) Сб. Р. И. О., т. 32-й, стр. 36.

и продано въ неволю 141 человѣкъ. Въ 1735 г. Павлуцкій, ходившій на башкирцевъ, вывелъ въ плѣнъ 200 человѣкъ, въ 1740 г.—1655. Въ 1704 г. на киргизовъ, воевавшихъ на Божьихъ Озерахъ, ходилъ томскій казачій голова Цицуринъ съ командою въ 738 человѣкъ. Въ битвѣ съ киргизами пало убитыми 113 киргизовъ и татаръ, а въ плѣнъ уведено 237 человѣкъ об. пола. „Въ тѣхъ мѣстностяхъ, говоритъ Щаповъ, гдѣ больше можно было поживится кабалой, невольничествомъ и полономъ иноплеменныхъ людей, чѣмъ добычей пушныхъ звѣрей,—въ тѣхъ мѣстностяхъ, вмѣсто охоты на звѣрей, вошла въ обычай и получила юридическое утвержденіе охота на людей, на инородцевъ. Такъ въ иртышскихъ степяхъ цѣлыя артели или команды казачьи, по свидѣтельству одного экстракта сибирской губернской канцеляріи въ 1745 г., „соединясь всѣ обще, по 150, отправлялись въ улусы киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ на охоту за полономъ непріятельскихъ людей мужеска и женска пола, которыхъ забирали и считали наравнѣ съ жеребцами, кобылами, лошаками и верблюдами“. „И тотъ де полонъ мужеска и женска пола 42 человѣка—сказано въ одномъ экстрактѣ—за помощіею Божіею вывелъ сотникъ Дороховъ съ командой въ Омскую крѣпость во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ де онъ, Дороховъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеписанную добычу людей, такожъ лошадей и верблюдовъ, отдать ему съ командой въ раздѣлъ, дабы де впредь многіе вѣрноподданные къ поиску непріятельскихъ людей охоту и не малую ревность имѣли. И сибирская губернская канцелярія, по силѣ указа 1737 г., велѣла взятыхъ въ полонъ людей мужеска и женска пола, и ихъ багажъ и скотъ дѣлить, кто ихъ въ полонъ добылъ, и чтобы де служилые люди и татары къ поиску и добычѣ непріятельскихъ людей и впредь охоту имѣли“ [1]). По донесенію оренбургской канцеля-

[1]) О развитии высшихъ человѣческихъ чувствъ“, От. Зап. 1872 г., № 10.

ріи, военныя сибирскія партіи ходили подъ киргизскіе улусы безъ нужды и дѣлали свои разбойничьи набѣги противозаконно, подъ предлогомъ развѣдки „о джунгарскихъ обращеніяхъ“, или „для искорененія калмыковъ, яко сущихъ непріятелей“; таковы были, напримѣръ, походъ де-Гаррига въ 1757 и Широкова въ 1760 г. Но еще болѣе рабовъ добывалось покупкой. „Не было сословія, не было учрежденія въ Сибири, говоритъ г. Ядринцевъ, которое бы не эксплуатировало инородца. Кромѣ имущества инородца, онъ и самъ дѣлался на всю жизнь собственностью. Рабы добывались путемъ торговли. Для этого существовалъ вывозъ рабовъ изъ за границы воюющими между собою инородцами. Голода и бѣдствія способствовали тому, что русскіе покупали инородческихъ дѣтей. Въ Березовскомъ краѣ мальчиковъ покупали за 25 к., а дѣвочекъ за 20 к.“ [1]). Полковникъ фонъ-Энденъ купилъ молоденькую и хорошенькую калмычку за 1 корову, 2 суконныхъ кафтана желтаго сукна, 1 портище и 2 конца китайки; но это была уже высокая цѣна: калмыцкихъ ребятъ можно было купить по 10—15 коп. за штуку даже и позже, особенно послѣ паденія Джунгаріи, происшедшаго въ 1756 г. и давшаго Сибири громадное количество инородческихъ рабовъ. Въ „Матеріалахъ для исторіи Сибири“ г. Потанина приведены существовавшія въ 1756 г. цѣны на рабовъ: бухарка 12 лѣтъ продавалась за одного мерина и 2 желтыя зендени, бухарка 15 л.—за 12 руб., киргизъ—за 10 р. [2]) По словамъ Шашкова, „продажа женщинъ какъ воеводами, такъ и людьми другихъ сословій, какъ ихъ мужьями и родственниками, такъ и ихъ господами, не прекращалась въ Сибири вплоть до конца прошлаго столѣтія“ [3]). Поэтому очень понятны заявленія Ѳ. Анциферова о полномъ разрѣшеніи казац-

[1]) „Сибирь какъ колонія“, 280 и 181.

[2]) „Матеріалы“, стр. 160.

[3]) „Историческіе этюды“, II, 101.

кимъ командирамъ покупать дворовыхъ людей и крестьянъ для домашнихъ работъ [1])—громадный рынокъ дешевыхъ рабовъ былъ подъ бокомъ у казаковъ. Паденіе Джунгаріи въ 1756 г. было главнымъ событіемъ, повліявшимъ на особенное развитіе сибирскихъ крѣпостническихъ тенденцій: джунгарскіе плѣнники и массы обницавшихъ, обездоленныхъ джунгарцевъ, бѣжавшихъ въ русскіе предѣлы, за ничтожную плату давали цѣлыя толпы рабовъ. „Со временемъ паденія Джунгаріи, говоритъ Шашковъ, главнымъ мѣстомъ процвѣтанія рабства становится юго-западная Сибирь; по всей джунгарской и китайской границѣ развивается обширная работорговля, главнымъ внутреннимъ рынкомъ которой дѣлается ирбитская ярмарка". „Поборы людьми были такъ обыкновенны, что каждый офицеръ, каждый чиновникъ, даже множество простыхъ солдатъ обзавелись въ это время многочисленной челядью. Вслѣдствіе крайней бѣдности перебѣгавшихъ русскую границу джунгарцевъ, многіе родители продавали своихъ дѣтей, чтобы спасти ихъ и себя отъ голодной смерти; мужья продавали женъ; родовые старшины продавали приставшихъ къ нимъ бездомныхъ скитальцевъ" [2]). Происшедшее вслѣдствіе разгрома Джунгаріи очищеніе болѣе южныхъ частей Сибири отъ немирныхъ и опасныхъ енисейскихъ киргизовъ и джунгаровъ повлекло за собой отливъ туда изъ сѣверныхъ малоплодородныхъ областей значительнаго количества народа, такъ что эти части стали нуждаться въ работникахъ, крѣпостныхъ невольникахъ. Изъ этого видно, что крѣпостническій духъ, проявившійся такъ рѣзко въ предложеніяхъ сибирскихъ депутатовъ, не нужно считать перенесеннымъ изъ Россіи, какъ, кажется, дѣлаетъ г. Ядринцевъ: [3]) старинный русскій человѣкъ, не развитой ни умствен-

[1]) Сб. Р. И. О., VIII, 344.
[2]) Шашковъ, II, 143.
[3]) См. „Сиб. какъ колонія", 286.

но, ни нравственно, всѣмъ складомъ старинной жизни напоялся, такъ сказать, крѣпостничествомъ: привилегированный классъ видѣлъ въ немъ фактическую возможность „препровождать жизнь свою въ изобиліи", „народъ подлый" стремился къ такой жизни, какъ къ идеалу, а средства достиженія этого идеала ясно указывала практика привилегированнаго класса. Если русскій человѣкъ считалъ совершенно законнымъ кабалить себѣ другого, принадлежащаго къ той же національности, исповѣдующаго ту же религію, какъ и онъ, то, понятно, для него не мыслимо было иное отношеніе къ сибирскимъ инородцамъ, идолопоклонникамъ, „поганымъ татаровямъ", которыхъ онъ презиралъ и иначе не называлъ, какъ „тварью". Этимъ взглядомъ на инородца были проникнуты всѣ представители побѣдившей расы, какъ свѣтскіе, такъ даже и духовные, между которыми мы тщетно стали бы искать что нибудь подобное Ласъ-Касасу испанской Америки. Итакъ, крѣпостничество было въ крови у стариннаго русскаго человѣка, а историческія обстоятельства Сибири XVIII вѣка особенно благопріятствовали его проявленію.

IV.

Разсмотрѣвъ крѣпостническія тенденціи сибирскихъ депутатовъ и почву, на которыхъ онѣ выросли, мы переходимъ теперь къ мнѣніямъ о разныхъ дворянскихъ правахъ и привилегіяхъ, высказанныхъ сибирскими депутатами; этотъ вопросъ, кажется намъ, по духу тѣсно связывается съ предшествующими. Въ сентябрѣ 1767 г. енисейскій депутатъ Самойловъ изложилъ нужды и желанія сибирскихъ дворянъ г. Енисейска. Они жаловались, что не сравнены съ дворянами россійскими въ полученіи жалованья (съ 1725 г. енисейскіе дворяне получали въ годъ 8 р. 82 к. деньгами, 5 четвертей 8 четвериковъ ржи, по стольку же овса, а дѣти боярскіе—по 7 р. 4 к. деньгами, 5 четвериковъ ржи и 4 четверти 5 четвериковъ овса), а также и на то,

что, не будучи удовольствованы землями, а занимая притомъ мѣста, которыя обыкновенно поручаются штабъ или, по крайней мѣрѣ, оберъ-офицерамъ, они находятся въ совершенномъ упадкѣ духа и терпятъ большое разореніе. Они просятъ поэтому утвердить ихъ въ равныхъ дворянскихъ правахъ съ русскими дворянами, награждать ихъ чинами, надѣлить землей и „для обработки оной дать имъ", откуда признано будетъ возможнымъ, людей съ дозволеніемъ пріобрѣтать ихъ покупкой и, наконецъ, „доколѣ они будутъ находиться на службѣ, производить ихъ въ чины и положить имъ определенное жалованье" [1]). Таковы желанія енисейскихъ сибирскихъ дворянъ. Такъ называемые „сибирскіе дворяне" были просто служилые люди и происходили отъ выслуги въ чины, а не изъ дипломированнаго дворянства. Каждый рядовой казакъ за заслуги могъ быть записанъ въ боярскіе дѣти, потомъ въ дворяне городовые, затѣмъ могъ попасть въ дворяне по московскому списку. Такъ, напр., въ Енисейскѣ былъ приверстанъ въ дѣти боярскіе Галкинъ за выслуги его предковъ въ Сибири и за собственныя въ выбылой денежный окладъ умершаго енисейскаго сына боярскаго Ивана Перфильева. Денегъ ему положено 7 р., соли 2 пуда, „а за хлѣбное жалованье пашню пахать ему, Василью, на заимкѣ отца его съ нимъ вмѣстѣ". Въ 1707 г. поверстали въ Енисейскѣ въ боярскіе дѣти нѣкоего Ст. Евдокимова за заслугу его сына, купившаго въ Китаѣ драгоцѣнный камень „лалъ красный вѣсомъ двѣнадцать золотниковъ съ полузолотникомъ", подарившаго его царю и умершаго въ Москвѣ [2]). По указу 1725 г. велѣно было разобрать дворянъ и дѣтей боярскихъ сибирской губерніи и съ годныхъ къ службѣ не брать подушныхъ денегъ впредъ до указа. Губернская канцелярія въ штатъ одного Тобольска для разныхъ порученій опредѣлила 50 дворянъ и 100 дѣтей боярскихъ. Пер-

---

[1]) Сб. Р. И. О., IV, 155—160.

[2]) „Памят. сиб. ист. XVIII в.", I, 52 и 76 стр.

воначально жалованья имъ было: дворянамъ 20 р. деньгами и, вмѣсто хлѣба, 10 юфтей, а дѣтямъ боярскимъ— 10 р. и 5 юфтей. Опредѣленныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ окладовъ не было; особенно дѣтямъ боярскимъ въ разныя времена, при разныхъ начальствахъ, бывали и разные штаты. „Изъ надѣлки участками земли, около городовъ и остроговъ отводимыми вмѣсто жалованья и для сына, говоритъ Словцовъ, вышло у сибиряковъ ошибочное заключенiе о принадлежности тѣхъ земель, какъ бы наслѣдственныхъ. Потомки рядовыхъ даже казаковъ, не только атамановъ и дѣтей боярскихъ, продавали свои участки, а другiе скупали, начиная съ окрестностей городовъ Березова и Туруханска до окрестностей южныхъ городовъ и остроговъ. На этомъ зыбкомъ основанiи явились посадскiе, купцы, архiерейскiе служители, ямщики и отдавали участки въ наемъ или селили на нихъ вымѣниваемыхъ азiатцевъ, не говоря о губернскихъ уже чиновникахъ, которые записывали при ревизiяхъ въ видѣ своихъ крѣпостныхъ то ссыльныхъ, то бѣглыхъ, какъ при 2-й ревизiи открылось“ [1]). Такимъ же путемъ и образовались усадьбы чиновниковъ-помѣщиковъ, владѣльцы которыхъ „препровождали жизнь свою въ изобилiи“ [2]). Но возвратимся къ сибирскимъ дворянамъ. Въ 1744 г. было пояснено, что званiе сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ не предоставляетъ такихъ преимуществъ и не имѣетъ никакого значенiя для потомства. Раньше въ Сибири существовали боярскiе дѣти, росписанные по городамъ или считавшiеся при архiерейскомъ домѣ въ Тобольскѣ, и т. п. сибирскiе дворяне, составлявшiе отдѣльное сословiе. Боярскими дѣтьми были или потомки московскихъ боярскихъ дѣтей, или, какъ мы видѣли выше, произведенные воеводами или губернаторами. Изъ постановленiй и указовъ Петра I видно, что, 1) и сибирскiе дворяне, и дѣти

---

[1]) Словцовъ, I, 287.

[2]) См. объ этомъ въ „Домовой лѣтописи“ Андреева, „Чтенiя въ общ. ист. и древ.“, 1870, IV.

боярскіе, и казаки были служилые люди; 2), что назначеніе ихъ было—„быть для посылокъ и службъ“: 3) что въ званіе это и при немъ вступали лица изъ крестьянства и купечества; 4) что они были свободны отъ податей и всякихъ платежей; 5) что въ эти чины изъ подушнаго оклада никого принимать не велѣно; 6) что сословіе сибирскихъ дворянъ, боярскихъ дѣтей и казаковъ надлежитъ комплектовать только дѣтьми лицъ, принадлежащихъ только къ этимъ тремъ разрядамъ и, 7) что имъ не дозволялось ни покупать крестьянъ, ни имѣть деревень, ни принимать то или другое себѣ въ закладъ, ни совершать какія-либо крѣпости. Въ 1737 г. въ Сибири оставлено по штату 76 сибирскихъ дворянъ и 277 боярскихъ дѣтей; прочіе же сданы въ солдаты. Но, должно быть, эти указы плохо исполнялись въ Сибири, потому что въ 1746 г. опять вышелъ указъ, которымъ запрещалось сибирской канцеляріи безъ указовъ опредѣлять разночинцевъ въ дворяне и дѣти боярскіе. Таково было прошлое сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, этихъ parvenus, противъ которыхъ такъ возсталъ депутатъ ярославскаго дворянства кн. Щербатовъ, когда они вздумали было претендовать на равноправность съ благороднымъ россійскимъ дворянствомъ. Онъ заявилъ, что „сибирскій дворянинъ“ не есть званіе, а чинъ, и предложилъ, для лучшаго порядка управленія, учредить тамъ постоянный дворянскій корпусъ, но, сбиваясь на установившіеся порядки и забывъ собственное предложеніе объ отмѣнѣ права выслуги въ дворянство, князь Щербатовъ допускаетъ Высочайшее дозволеніе тамошнимъ губернаторамъ жаловать дворянствомъ того, кто, будучи произведенъ въ офицеры самъ, или имѣя отца, дослужившагося до офицерскаго чина, представитъ аттестатъ, что служилъ не менѣе 20 лѣтъ и никогда ни въ подозрѣніи, ни въ штрафахъ и ни въ какихъ неприличныхъ дворянину поступкахъ не замѣченъ. Въ Россіи „сибирскій дворянинъ“ долженъ считаться въ „высшей степени среднихъ лю

дей“ и только тогда можетъ считаться принадлежащимъ къ дворянскому званію, когда получитъ дипломъ отъ самой государыни. Для дворянъ въ Сибири нужно устроить школы, изъ коихъ лучшихъ посылать въ академію и въ университетъ. Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, случайно присутствовавшій въ коммиссіи, предложилъ переименовать сибирскихъ дворянъ въ коммиссары съ правомъ губернатора производить въ уѣздные коммиссары и съ оставленіемъ на волю высшаго правительства производства въ губернскіе коммиссары. Стремленіе къ чинамъ замѣтно и у сибирскаго купечества: тарскій депутатъ Бекишевъ просилъ, чтобы купцамъ, бывшимъ въ магистратѣ судьями, было дано шляхетство, а имѣющимъ фабрики и заводы были даны чины [1]). Ѳ. Анциферовъ, указавъ на заслуги казаковъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири, устройства городовъ, усмиренія инородцевъ, и упомянувъ, что въ ихъ числѣ есть и дворяне по московскому списку, проситъ сравнить ихъ по производству въ чины, особенно начальствующихъ („головъ, атамановъ и прочихъ начальныхъ людей“) хотя съ украинскими слободскими полками Новороссійской губерніи [2]). При разсужденіяхъ „о правахъ благородныхъ“ обнаружилось, на сколько велика была въ Сибири демократическая тенденція, выработанная самой жизненной практикой и не имѣвшая въ себѣ ничего принципіальнаго. Это было очень естественно для Сибири, гдѣ, по словамъ г. Андріевича, „былъ силенъ демократическій элементъ; принципъ сословности не существовалъ, уступивъ свое значеніе силѣ власти, произволъ которой былъ великъ, такъ какъ она имѣла возможность, помимо царскихъ указовъ, производить въ чины“ [3]). Поэтому сибирскіе депутаты соглашались съ мнѣніемъ, что дворянство получаютъ всѣ, дослу-

---

1) Сб. Р. И. О., VIII, 171.

2) Ibid., 345.

3) „Очеркъ сиб. ист.“, II. 113.

жившіеся до оберъ-офицерскаго чина, и чтобы этимъ правиломъ пользовались какъ раньше достигшіе этого чина, такъ и могущіе достигнуть впредь (подавали мнѣніе 5), и чтобы достигнутое выслугой право на дворянство распространялось и на потомство (мнѣніе 8 депутатовъ). Сибирскіе депутаты соглашались съ мнѣніемъ, что дворянство пріобрѣтается военными и гражданскими заслугами, а также „и по наукамъ". Отголосокъ существовавшихъ въ Сибири порядковъ производства въ чины мѣстною властью находимъ въ мнѣніи Бекишева. Онъ говоритъ, что не всегда заслуги могутъ дойти до свѣдѣнія монарха, а потому считаетъ нужнымъ, чтобы въ отдаленныхъ мѣстахъ командующіе имѣли право возводить въ дворянство, съ чѣмъ согласился и Ѳ. Анциферовъ. Бекишевъ же заявилъ, что дворяне должны употребляться на всякую службу государству, кто куда потребенъ и способенъ. Такъ какъ сибирскіе дворяне и дѣти боярскіе были людьми служилыми, то сибирскіе депутаты и считали службу непремѣнной обязанностью дворянства; поэтому 8 сибирскихъ депутатовъ заявили свое согласіе съ мнѣніемъ дерптскаго депутата профессора Урсинуса, что дворяне, владѣющіе вотчинами, должны служитъ, или, вообще, быть полезными государству; а верхотурскій депутатъ Глазуновъ согласился даже съ мнѣніемъ яранскаго депутата Антонова, что не служащіе лишаются дворянскаго званія. За какія нибудь постыдныя дѣйствія дворянинъ исключается изъ этого сословія и можетъ подвергнуться тѣлесному наказанію. Пребываніе дворянства заграницей, по мнѣнію сибирскихъ депутатовъ, позволительно только тогда, когда оно „отечеству въ самомъ дѣлѣ въ пользу служитъ", что совершенно согласно съ основнымъ взглядомъ сибиряковъ на служилое значеніе дворянства. Этимъ, быть можетъ, и объясняется согласіе 4 подававшихъ голоса сибирскихъ депутатовъ съ мнѣніемъ Урсинуса, высказавшагося противъ привилегій благородныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ—

сибиряки не мало страдали отъ произвола сибирскаго служилаго дворянства. Таковы всѣ главнѣйшія мнѣнія сибирскихъ депутатовъ по вопросу „о правахъ благородныхъ“. Вслѣдствіе отсутствія на сибирской почвѣ дворянства, какъ сословія, и разсужденія о немъ не вызвали особеннаго жара у сибирскихъ депутатовъ. Иное значеніе имѣли для сибиряковъ суды и администрація того времени, и надо только удивляться, что сибирскіе депутаты говорятъ объ этихъ вопросахъ сравнительно мало. Жестокіе судебные обычаи того времени, когда только и дѣлали, что били „кнутомъ нещадно“ и выспрашивали „подъ жестокимъ истязаніемъ“, когда полагалось за плохую выкурку вина въ винокурняхъ „сѣчь кнутомъ нещадно“ (наказъ полковнику Ельчину въ 1716 г.), когда самыя суровыя наказанія были обѣщаны за вывозъ „заповѣдныхъ товаровъ“,—тогда, конечно, въ далекой, безгласной Сибири эти суровые порядки были еще суровѣе. Всевозможныя злоупотребленія чиновъ судебнаго вѣдомства были неисчислимы. Такъ напримѣръ, въ 1725 г. до свѣдѣнія высшаго правительства дошло о вымогательствѣ судебныхъ коммиссаровъ Ялуторовскаго и Ишимскаго дистрактовъ Д. Петрова и Л. Черкасова, которые при этомъ употребляли даже пытки. Сами судьи надворнаго суда, допрашивая бѣглыхъ солдатъ, одному учинили смертную казнь. Выяснилось также, что съ вершенныхъ дѣлъ пошлинъ нѣтъ, да и свѣдѣній о томъ, сколько должно было поступить этихъ пошлинъ за время съ 1721 г., истребовать отъ коммиссаровъ невозможно—обѣщаютъ и не исполняютъ. Въ надворномъ судѣ судьи „чинятъ только волокиты и разоренія“; они же учинили наказаніе старцу Флавіану, присланному для допроса по заявленному имъ государеву „слову и дѣлу“, били его кнутомъ, не допрашивая. На сколько велико было безправіе населенія и самое варварское неправосудіе, видно изъ слѣдующаго: часто обыватель, отчаявшись получить защиту и правосудіе, выкрикивалъ „слово и

дѣло", послѣ чего его отправляли въ кандалахъ въ Петербургъ или Москву въ тайную канцелярію, гдѣ онъ обыкновенно и подвергался пыткѣ. Такой способъ получить правосудіе обыватель часто предпочиталъ сибирской волокитѣ и сибирскимъ судамъ—инымъ путемъ вопли его никакъ не могли доходить до высшаго правительства. Но даже если бы судьи и были лично честны и порядочны и исполняли бы свое дѣло всегда по силѣ указовъ и законовъ, то и тогда въ Сибири не могло бы существовать порядочнаго суда. Самое его устройство было какъ бы нарочно приспособлено къ путаницѣ и медленности. Разнаго рода формальности при производствѣ слѣдственныхъ уголовныхъ дѣлъ крайне тормозили ходъ дѣла. Еще хуже было положеніе гражданскихъ дѣлъ. Здѣсь и при нормальномъ, опредѣленномъ законами и указами, ходѣ дѣла, тяжущіеся могли только разоряться, а не получать правосудіе—это происходило отъ самого порядка разбирательства гражданскихъ дѣлъ, который особенно тяжелъ былъ въ Сибири вслѣдствіе ея исключительныхъ мѣстныхъ условій. Разборъ подобныхъ дѣлъ производился въ данное время на основаніи указа Петра Великаго отъ 5 ноября 1723 г.; это былъ такъ называемый „судъ по формѣ". Поданная истцомъ просьба, написанная по пунктамъ, сообщалась отвѣтчику, которому давался недѣльный срокъ для приготовленія своего отвѣта. По истеченіи этого срока отвѣтчикъ и истецъ должны были явиться въ судъ лично. Это одно уже составляло крайнее отягощеніе въ Сибири, гдѣ суды были только въ городахъ, гдѣ разстоянія такъ громадны и гдѣ они измѣрялись не верстами, а недѣлями и мѣсяцами пути. Отвѣтчикъ по закону могъ не явиться до трехъ разъ: часто случалось, что онъ не являлся и по пятому зову и въ концѣ концовъ совершенно исчезалъ изъ мѣста своего жительства: бродячіе, кочевые инстинкты и привычки еще въ полной силѣ царили въ Сибири въ 1-й половины XVIII в.; земли и всякихъ угодьевъ повсюду

было довольно, и перемѣнить мѣсто жительства для тогдашняго сибиряка было привычнѣе и легче, чѣмъ для современнаго горожанина перемѣнить квартиру. Самое разбирательство дѣла происходило такъ: читалась просьба истца; по прочтенiи 1-го пункта отвѣтчикъ долженъ былъ отвѣчать на него словесно, письменные отвѣты не дозволялись, хотя можно было имѣть для памяти записку. Затѣмъ истецъ въ свою очередь долженъ былъ опровергать показанiя отвѣтчика, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не истощались всѣ аргументы обѣихъ сторонъ. Потомъ переходили къ чтенiю и разсмотрѣнiю слѣдующаго пункта просьбы. Такiя словопренiя, очевидно, были не подъ силу старинному сибиряку, привыкшему къ тишинѣ и молчанiю лѣсовъ и пустынь. Дѣло еще болѣе усложнялось требованiями нѣкоторой логической и стилистической обработки: требовалось, чтобы какъ въ просьбѣ истца, такъ и въ отвѣтахъ противной стороны не было написано или сказано не только чего либо не относящагося къ самому дѣлу, но чтобы и въ пунктахъ прошенiя, и въ отвѣтахъ отвѣтчика не заключалось повторенiй. Всѣ заявленiя тяжущихся записывались въ особую книгу. Затѣмъ изъ всего дѣла составлялась выписка, которая и читалась тяжущимся, указывавшимъ при этомъ на неточности и пропуски. Въ заключенiе постановлялось рѣшенiе съ приведенiемъ къ каждому пункту соотвѣтственныхъ законовъ. Изъ приведеннаго ясно, что на практикѣ, особенно на сибирской почвѣ, этотъ „судъ по формѣ" обладалъ такими серьезными недостатками, которые могли совершенно уничтожить его значенiе. Самое судоговоренiе представляло массу неудобствъ. При крайней рѣдкости грамотныхъ людей въ старинной Сибири, истецъ съ трудомъ могъ отыскать человѣка, который бы написалъ ему просьбу, и эти грамотные люди были почти всѣ поголовно изъ разныхъ россiйскихъ ссыльныхъ подъячихъ. Затѣмъ истецъ на судѣ самъ долженъ былъ опровергать отвѣты против-

ной стороны словесно; это осложнялось тѣмъ, что возраженія отвѣтчика истцу были неизвѣстны. Такой порядокъ вещей создалъ необходимость порученія дѣлъ повѣреннымъ людямъ, умѣлымъ по части веденія дѣлъ въ „судѣ по формѣ". Въ Сибири такими людьми являлись штрафованные подъячіе, которые оказались нетерпимыми въ Россіи даже въ то классическое время взятокъ и лихоимства. Эти повѣренные и въ Россіи являлись настоящей язвой тогдашняго суда: они употребляли всѣ усилія лишь для того, чтобы всякими уловками и придирками затянуть по возможности дѣло и запутать противника, для чего съ обѣихъ сторонъ употреблялись разныя хитрости и уловки: истецъ, напримѣръ, при подачѣ прошенія излагалъ дѣло крайне кратко, чтобы не дать возможности отвѣтчику подготовиться къ отвѣту на него. Въ свою очередь отвѣтчикъ подавалъ отвѣты тоже весьма короткіе. Въ результатѣ получалось затруднительное положеніе обѣихъ сторонъ и затягиваніе дѣла. Затѣмъ, хотя по формѣ и запрещалось при разбирательствѣ дѣла говорить что либо лишнее, не относящееся къ дѣлу, но тѣмъ не менѣе тяжущіеся поступали какъ разъ наоборотъ. Повѣренные при этомъ заводили всевозможные споры. чтобы выиграть время; а между тѣмъ все, сказанное на судѣ, должно было быть записано въ шнуровую книгу. Къ этому нужно присоединить, что судьи, угрожаемые громадными штрафами за неправильныя рѣшенія, старались тянуть дѣла и тянули ихъ лѣтъ по 10, по 20. Кромѣ того, по обилію дѣлъ и за другими казенными надобностями, они не могли безпрерывно заниматься однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Отъ этого одно записываніе судоговоренія занимало иногда годъ и два. Въ концѣ концовъ судебныя дѣла тянулись десятки лѣтъ, переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію и обыкновенно имѣли результатомъ только разореніе тяжущихся и обогащеніе судей и „ябедниковъ". Эти „ябедники", штрафные подъячіе, не только дѣлались въ

Сибири ходатаями по дѣламъ, но часто, по недостатку грамотныхъ людей, попадали въ судебный персоналъ. „Развитіе мѣстной администраціи, говоритъ г. Андріевичъ, вызвало большое количество алчущихъ, которые разсѣялись въ краѣ и забрались въ самыя отдаленныя мѣста“ [1]). Можно подозрѣвать, что сибирскіе депутаты боялись распространяться о такихъ опасныхъ для нихъ вопросахъ, какъ вопросы о сибирскомъ судѣ и администраціи того времени, боялись много жаловаться на судей и администраторовъ, въ руки которыхъ они должны были попасть, возвратившись на родину. Но и при этомъ условіи мы встрѣчаемся съ мнѣніями, достаточно обрисовывающими судъ и администрацію Сибири XVIII в. Вотъ что говоритъ по этому поводу иркутскій депутатъ А. Сибиряковъ: „Нигдѣ такъ не потребны люди добрыхъ качествъ по производству судовъ, слѣдствій и всякихъ этого рода дѣлъ, какъ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ столичныхъ городовъ. Тамъ, ежели случится такой человѣкъ, который испорченъ нравомъ и имѣетъ скрытый ядъ въ своемъ сердцѣ, то многіе порядочные люди могутъ быть напрасно порабощены и приведены въ самое жалостное состояніе. Но чтобы вывести въ скорости сіе наружу, тому могутъ препятствовать многія причины и особенно дальнее разстояніе, такъ что пройдетъ не мало времени, пока помянутое бѣдствіе не сдѣлается извѣстнымъ. Не могу безъ ужаса вспомнить, какому несчастію г. Иркутскъ былъ подверженъ черезъ слѣдственную коммиссію, продолжавшуюся съ 1758 по 1760 г. Тогда многіе первостепенные купцы отъ несноснаго мученія бѣдственно скончали свою жизнь, а имѣнія ихъ предались расхищенію; словомъ сказать, что городу Иркутску нанесено убытку не менѣе какъ до 300 тыс. рублей. Съ того времени и до нынѣ сей городъ и вида того не имѣетъ, какой имѣлъ прежде. Въ немъ не

---

[1]) „Истор. очеркъ Сибири“, II, 279.

осталось ничего болѣе, какъ тягостные долги, которые оставшіеся купцы должны платить. Вотъ, почтенное собраніе, для чего надлежитъ взирать на дальнія страны государства и располагать, чтобы въ нихъ царствовало такое же правосудіе, какъ и въ городахъ столичныхъ" [1]). Оставимъ на нѣкоторое время Сибирякова и остановимся на событіи, о которомъ онъ упоминаетъ и которое послужило Шашкову темой для спеціальной статьи. Крыловъ, предсѣдатель слѣдственной коммиссіи, былъ по истинѣ „бичъ божій" для иркутянъ. Послѣ арестованія многихъ членовъ магистрата и заключенія ихъ въ тюрьму, Крыловъ отправился по домамъ богатыхъ купцовъ. „Произошли отвратительныя, потрясающія сцены. Крыловская ватага (онъ выписалъ изъ Селенгинска 77 солдатъ и 3 офицеровъ и держалъ ихъ у себя на дому) врывалась въ домъ, вверхъ дномъ переворачивала его, рылась въ сундукахъ, запечатывала ихъ, жилыя комнаты и амбары, выгоняя жильцовъ куда нибудь въ кухню; женщины и дѣти выли, или, разбѣгаясь, прятались на сѣновалахъ, въ садахъ, въ баняхъ. Хозяевъ, къ общему ужасу ихъ семей, арестовывали, забивали въ кандалы и отправляли въ острогъ. Осмотрѣвъ и запечатавъ дома, крыловская шайка отправлялась по лавкамъ и, порядочно поживившись въ нихъ, запечатывала и лавки. Всего было арестовано 44 человѣка" [2]). Потомъ къ слѣдствію привлекли еще 100 человѣкъ. Арестованныхъ подвергли истязаніямъ и пыткамъ. Купца Бичевина запытали до смерти, взявъ съ него 30.000 руб. Со 120 человѣкъ Крыловъ получилъ 155.295 р. 80 к. однѣми деньгами. И все это Крыловъ совершалъ безнаказанно, потому что ему покровительствовалъ генералъ-прокуроръ сената Глѣбовъ, такъ что даже иркутскому вице-губернатору Вульфу былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ осмѣлился жаловаться

---

[1]) Сб. Р. И. О., XIV, 133.

[2]) Шашковъ, „Ист. этюды", II, 337.

на Крылова самой государынѣ. Крыловъ между тѣмъ хозяйничалъ въ Иркутскѣ: за ничтожныя суммы продавалъ съ аукціона все имущество арестованныхъ, держалъ подъ арестомъ цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ губернаторскаго товарища, полковника Слободского, менѣе же важныхъ чиновниковъ билъ и сѣкъ безъ пощады, не оставлялъ въ покоѣ ни одной хорошенькой дѣвушки и женщины, перехватывалъ оффиціальные пакеты Вульфа и, наконецъ, арестовалъ даже его самого. Судъ и расправа на крыловскихъ началахъ были распространены въ Сибири прошлаго столѣтія повсюду. Такъ въ 1723 г. генералъ Геннингъ пишетъ съ Урала секретарю кабинета Макарову, что въ тамошнихъ мѣстахъ крестьяне разорены, бѣдны и на нихъ множество недоимокъ, и что онъ нигдѣ такого разоренія, какъ тамъ, не видалъ; нѣтъ никакого правосудія и судьи сами воруютъ; нѣкоторыхъ судей онъ принужденъ былъ сковать: краденыхъ крестьянскихъ лошадей они принимали къ себѣ, а воровъ отпускали; заводскимъ крестьянамъ нѣтъ никакого суда, а только одна волокита; судьи держали у себя въ домахъ убійцъ и отпускали ихъ безъ наказанія; земскіе коммиссары всячески разоряютъ крестьянъ, а воеводы обращаются съ государственными крестьянами, какъ съ своими собственными [1]). „Хотя всѣмъ извѣстенъ экземпелъ, который учиненъ кн. Гагарину, говорится въ приказѣ предсѣдателя надворнаго суда въ Тобольскѣ кн. Козловскаго, однако же здѣсь въ Сибири не уничтожаются бездѣльники, а именно: отъ земскихъ коммиссаровъ излишніе сборы собираются и народу обиды чинятся, и судебные коммиссары, которые по слободамъ дѣлаютъ великія пакости и неправды, и хотя челобитныя и доношенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыску и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ, и знатно, что потачка такимъ ворамъ отъ надворныхъ судей;

[1]) „Памятн. Сиб. ист. 18 в.“, т. II, № 98.

таковъ объ учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ и отъ прочихъ разсмотрѣнія и резолюціи не чинятъ и такихъ бездѣльниковъ не арестуютъ, отъ чего де большія пакости дѣлаются, а камериръ де Барготинъ своимъ подчиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ подчиненнымъ потакаютъ“ [1]). Таковъ былъ общій характеръ дѣйствій представителей судебной власти въ Сибири XVIII в., хотя и безъ этого „судъ по формѣ“ былъ очень тяжелъ и неудобенъ для обывателей, какъ это показано нами выше. Но возвратимся къ дальнѣйшему изложенію мнѣній Сибирякова. Онъ съ восторгомъ приводитъ 127 статью наказа, гдѣ говорится: „также бы надлежало нѣсколькимъ изъ судей быть чина по гражданству такого же, какъ и отвѣтчикъ, то есть, ему равнымъ, чтобы онъ не могъ подумать, будто онъ попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ“. „Кромѣ того, кажется, полезно было бы, продолжаетъ Сибиряковъ, чтобы по городамъ въ магистраты и ратуши присутствующихъ опредѣлять не изъ другихъ дальнихъ городовъ, а изъ мѣстнаго купечества по 3 человѣка баллотировать, которымъ и быть по 6 лѣтъ безсмѣнно, такъ же, какъ и прежде происходило; отъ такого порядка и тѣ другихъ городовъ купцы не понесутъ отягощенія, и мѣстные жители будутъ получать больше правосудія. Ежели въ городахъ, кромѣ столичныхъ, возложить сію должность на магистраты и ратуши, съ строгимъ подтвержденіемъ наблюдать за всѣмъ, тогда жители получатъ облегченіе отъ излишняго притѣсненія, и всякіе торги, промыслы и рукодѣлія будутъ производиться съ лучшимъ успѣхомъ [2]). Кажется, и это надлежало бы ввести въ законъ, что если кто обидитъ купца безъ всякой причины и самымъ наглымъ образомъ, то такого чина обидчикъ, исключая изъ того лю-

---

[1]) „Памятн. Сиб. ист. XVIII в.“, т. II, № 107.
[2]) Полиція учреждена въ Иркутскѣ въ 1757 г.

дей самыхъ безпутныхъ, то же обиженному и долженъ заплатить безчестье; подлаго же состоянія да накажется за это тѣлесно“. Въ этомъ мнѣніи особенно характерно заявленіе, что полиція мѣшаетъ производить съ надлежащимъ успѣхомъ „всякіе торги, промыслы и рукодѣлія“. Этого одного уже достаточно, чтобы составить себѣ мнѣніе объ иркутской полиціи того времени. О желаніи лучшей организаціи словеснаго суда въ городахъ упоминаетъ и Бекишевъ. „Судей, говоритъ онъ, надлежитъ выбирать ото всѣхъ родовъ въ ономъ городѣ живущихъ людей по баллотировкѣ по одному человѣку“. Разбирать въ этихъ судахъ надлежитъ слѣдующія просьбы: въ ссудахъ, въ поклепахъ, въ дачѣ векселей, въ подрядахъ, въ спорахъ о земляхъ, въ обидахъ, въ грабежѣ, воровствѣ и убійствѣ; имъ должно вѣдать должность полицейскую и письменныя крѣпостныя дѣла, придавъ приказныхъ для письмоводства, а изъ отставныхъ военныхъ дать имъ пристойное число для караула и разсылки. Раньше въ словесныхъ судахъ засѣдало по 2, по 3 купца. Эти суды имѣли очень малое вліяніе; въ случаѣ тяжебъ купцовъ съ лицами другихъ сословій, особенно съ чиновниками, послѣдніе часто не являлись на судъ, о чемъ словесный судъ долженъ доносить магистрату, а тотъ—„той командѣ, гдѣ оные ослушники вѣдомы“. Сплошь и рядомъ не обращалось вниманія и на просьбы магистрата. „А находящіеся нынѣ въ городахъ у полицейскихъ дѣлъ гг. офицеры, продолжаетъ Бекишевъ, которые, захватывая въ свою полицію всѣхъ чиновъ людей и во всякихъ дѣлахъ судятъ, не смотря на то, что не ихъ команды тѣ люди; и за малыя вины, а прочихъ и безвинно, берутъ и сажаютъ подъ караулъ; но всего того важнѣе, сѣкутъ плетьми и кошками, чѣмъ уродуютъ плоть человѣческую безъ всякаго милосердія“ [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что хотя сибирскіе депутаты и не

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. 32, приложеніе № 17.

возбуждали принципіальнаго вопроса о всѣхъ неудобствахъ „суда по формѣ", однако на практикѣ желали какъ можно рѣже прибѣгать къ нему, расширяя компетенцію и усиливая вліяніе словесныхъ судовъ. Отъ полиціи, очевидно, и въ западной Сибири страдали не меньше, чѣмъ въ восточной. Обыватели особенно страдали отъ смѣшенія судебной и административной властей, которыя были предоставлены сибирскимъ воеводамъ указомъ отъ 2 января 1728 года, о чемъ мы упоминали выше. Впрочемъ, и безъ этого указа сибирская жизненная практика давала воеводамъ право чуть не жизни и смерти надъ обывателями, что также мы постараемся иллюстрировать многими примѣрами. Депутатъ Ѳ. Анциферовъ въ своемъ заявленіи по интересующему насъ вопросу напоминаетъ указъ Петра отъ 4 апрѣля 1722 года о посылкѣ ежегодно сенатора и чиновника отъ коллегій по одному, „чтобы во всѣхъ дѣлахъ была правда"; но за отдаленностью Сибири посылать сенатора туда неудобно, почему Анциферовъ и рекомендуетъ учредить во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ особыхъ инспекторовъ, которые бы объѣзжали ввѣренные имъ округа, разбирали жалобы на мѣстѣ, словесно, отрѣшали начальниковъ и провѣряли на мѣстѣ представленія, которыя тѣ посылаютъ высшему правительству. „Штрафовать такихъ преступниковъ, говоритъ Анциферовъ, не вычетомъ изъ жалованья, не арестомъ на время, а меньше того и не выговоромъ при собраніяхъ, но единственно, за сходственность 214 отдѣл. Больш. наказа, лишать команды и врученнаго мѣста, которое всуе отъ нихъ же потеряно будетъ вовсе, дабы имъ впредь подобныхъ сему злоупотребленій не чинить, а кольми паче челобитчикамъ своимъ за справедливую, а имъ вредную жалобу, отмстить времени и способа (что нерѣдко случиться можетъ), отнюдь не оставить, для чего уже къ прежнимъ дѣламъ явныхъ обидчиковъ и продерзателей никуда не опредѣлять". Быть можетъ, нѣкоторые скажутъ, что этотъ

институтъ потребуетъ громадныхъ затратъ; таковымъ Анциферовъ отвѣчаетъ слѣдующее: „въ такомъ случаѣ не будетъ ли соотвѣтственно данное коммиссіи Е. И. В. по Большому наказу 570 отдѣленія дополненіе, гдѣ говорится тако: мало въ свѣтѣ человѣкомъ дѣлается, чтобы не для человѣка же было, и большею частью всѣ вещи черезъ него дѣлаются" [1]). Изъ этого можно видѣть, насколько слабъ былъ контроль правительства надъ судебнымъ и административнымъ персоналомъ, насколько мало освѣжался составъ этого персонала за полнымъ отсутствіемъ грамотныхъ людей, какъ трудно было подвести чиновника подъ отвѣтственность, и какъ часто самый выигрышъ дѣла могъ быть опасенъ для человѣка, дерзнувшаго идти вопреки всесильнаго администратора. Кромѣ произвола, сибирское правосудіе страдало еще однимъ важнымъ недостаткомъ—медленностью, на которую жалуется тобольскій депутатъ Медвѣдевъ. „Въ нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстахъ, говоритъ онъ, судъ производится весьма долговременно и не только годъ или два, но въ отдаленныхъ мѣстахъ и по 10-ти лѣтъ дѣло продолжается въ одномъ судебномъ мѣстѣ, кромѣ аппелляціи: почему же этотъ судъ такъ долго продолжается, о томъ считаю нужнымъ представить высокопочтенному гг. депутатовъ собранію: судьи не всегда приходятъ всѣ въ присутствіе въ положенные по законамъ дни и часы, а рапортуются больными, или говорятъ, что не могутъ быть якобы за домашними нуждами. Между тѣмъ въ эти часы уѣзжаютъ въ компаніи (въ гости) или въ другое какое мѣсто, а при неналичности всѣхъ судей дѣло не можетъ разбираться". Противъ этого Медвѣдевъ предлагаетъ внимательно слѣдить и вписывать въ журналы, почему кто изъ судей не былъ, и вычитать изъ жалованья по 10 рублей за день съ тѣхъ, которые проманкировали. Слѣдить за этимъ нужно поручить въ канцеляріяхъ во-

[1]) Сб. Р. И. Об., т. 32, приложеніе № 49.

еводамъ, а въ магистратахъ и ратушахъ опредѣленнымъ изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, знающихъ грамоту, и содержать ихъ на жалованье изъ купеческихъ средствъ, сколько правительство назначитъ. Дѣла же должны слушаться при наличномъ числѣ судей [1]). Вслѣдствіе крайней слабости контроля и подобнаго отношенія судей къ своему дѣлу, очень понятно, что судебныя пошлины были весьма ничтожны и поступали весьма медленно. Напримѣръ, изъ Березова съ 1723 по 1725 годъ пошлинъ совсѣмъ не поступало, а въ Пелымѣ на 1725 г. показано приходомъ только 5 копеекъ [2]). Отъ этого стариннаго суда особенно страдали инородцы, что и засвидѣтельствовано въ коммиссіи нерчинскимъ депутатомъ кн. Павломъ Гантимуровымъ. Онъ высказался въ защиту тунгусовъ и „братскихъ людей", которые терпятъ всякое притѣсненіе, когда у нихъ возникаютъ судебные процессы, „а нерчинская воеводская канцелярія, помимо начальника и старшинъ, забираетъ изъ волостей тунгусовъ и братскихъ людей по небольшимъ ихъ дѣламъ и содержитъ ихъ подъ карауломъ по нѣскольку лѣтъ, чинитъ производство безъ ихъ старшинъ; а эти инородцы, по незнанію ими русскаго языка и приказнаго порядка, запутываются подъячими, и многіе изъ нихъ бываютъ обвиняемы иногда совершенно безъ вины. Сверхъ того, нарочно посылаемые за упомянутыми инородцами разные люди, пріѣзжая въ ихъ улусы, бьютъ ихъ и вымогаютъ взятки и дѣлаютъ другія притѣсненія. Отъ этого тунгусы и братскіе люди, какъ народъ безсловесный, приходятъ въ крайнее разореніе и скудость и дѣлаются несостоятельными къ платежу въ казну ясака". Гантимуровъ предлагаетъ, чтобы въ малыхъ дѣлахъ эти инородцы судились своими старшинами и въ городъ бы не забирались. Такимъ образомъ Гантимуровъ предлагаетъ этимъ только подтвердить

---

1) Сб. Р. И. О., т. XIV, стр. 153.

2) Андріевичъ, „Ист. оч. Сиб.", II, 280.

приказъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, данный 8 ноября 1729 г. сибирскому вице-губернатору Болтину, чтобы сей послѣдній подтвердилъ иркутскому воеводѣ Измайлову о соблюденіи бо̀льшаго правосудія въ дѣлахъ съ инородцами. По этому приказу въ городскіе суды приказано направлять инородцевъ только въ уголовныхъ дѣлахъ, а по всѣмъ прочимъ вѣдаться по своему обычаю по родамъ. (П. С. З. № 5479). Въ случаѣ процесса между инородцемъ и русскимъ, судей, по предложенію Гантимурова, должно быть поровну. Въ случаѣ дѣлъ уголовныхъ, инородцы должны доставляться въ города черезъ старшинъ, а не черезъ нарочныхъ людей, а при процессѣ при нихъ должны находиться старшины и толмачи. Наказанія должны исполняться черезъ старшинъ въ мѣстахъ ихъ жительства, „не чиня онаго въ городахъ“ [1]). Упомянувъ о сибирскомъ судѣ XVIII в., мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о сибирской администраціи того времени, во 1-хъ потому, что судъ и администрація постоянно смѣшивались въ старинной Сибири, частію вслѣдствіе мѣстныхъ условій, а частію и по указамъ самого правительства [2]), во 2-хъ потому, что въ наказахъ и мнѣніяхъ сибирскихъ депутатовъ говорится о ней, хотя кратко и безъ точныхъ указаній, и въ 3-хъ, чтобы частными случаями и примѣрами иллюстрировать то, что нами высказано въ общихъ чертахъ, когда, въ началѣ нашего этюда, мы говорили вообще о положеніи дѣлъ въ Сибири прошлаго вѣка. На общей канвѣ произвола, насилія и взяточничества воеводы и губернаторы вышивали свои узоры сообразно личному вкусу каждаго. „Тѣлесныя наказанія, говоритъ г. Ядринцевъ, кнуты, темницы, пытки, огонь и желѣзо были орудіями управленія. Нигдѣ самовластіе не достигало такихъ размѣровъ, нигдѣ правители не являлись такими все-

[1]) Сб. Р. И. О., т. XIV, стр. 211.

[2]) Напомнимъ указъ отъ 2 сент. 1728 г.

могущими, какъ въ Сибири въ прошломъ столѣтіи. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Кн. Гагаринъ употребилъ свою власть въ Сибири на то, чтобы скопить огромное состояніе; онъ устроилъ домъ свой, какъ дворецъ; на потолкѣ у него былъ акварій съ дорогими рыбами; лошади подковывались золотомъ и серебромъ. Дворы губернаторскіе были набиты челядинцами. У Чичерина было 150 гайдуковъ, Нѣмцевъ завелъ лейбъ-стражу подъ названіемъ „глухой команды". Въ Иркутскѣ одинъ губернаторъ изъ подражанія архіерею, которому звонили, приказалъ при своемъ выѣздѣ стрѣлять изъ пушекъ. Главный начальникъ нерчинскихъ заводовъ Нарышкинъ устраивалъ пиры, разбрасывалъ казенныя деньги, составилъ себѣ лейбъ-стражу изъ крестьянъ и каторжниковъ, изъ бурятъ сформировалъ „красный гусарскій полкъ" и бралъ мирные города [1]). Словомъ, сибирскіе правители стремились постоянно къ „вицеройству", ихъ охватывало упоеніе властью, и они желали выказать себя безотвѣтственными и вполнѣ независимыми. Кн. Гагарина даже подозрѣвали, что онъ хотѣлъ отдѣлить Сибирь и сдѣлаться независимымъ. Другіе правители не уступали ему въ пышности и гордости. Стремленіе къ вицеройству отзывалось и далеко позднѣе въ сибирской исторіи: оно вошло въ привычку правителей" [2]). Такъ въ 1717 г. иркутскій воевода Ракитинъ за Байкаломъ обобралъ возвращавшійся изъ Китая караванъ, захвативъ себѣ золото, серебро и другія цѣнныя вещи [3]). Объ иркутскомъ же вицегубернаторѣ Жолобовѣ, который „злохитростными вымыслами изъ великихъ себѣ взятокъ составилъ огромное состояніе", извѣстно изъ указа отъ 9 іюня 1736 г., что онъ, особенно въ Забайкальѣ, бралъ взятки и про

---

[1]) Подробности о Нарышкинѣ у Максимова: „Сибирь и каторга", III.

[2]) „Сиб. какъ колонія", 300.

[3]) Щегловъ, „Хронологія сиб. ист.", 160.

являлъ свой произволъ. Онъ, напримѣръ, съ нерчинскихъ обывателей: казака Максима Бѣлокопытова и посадскаго Алексѣя Судейкина, обвинявшихся въ важныхъ преступленіяхъ, взялъ 729 р. деньгами, „косякъ бархату, 27 тюней китайки, да парчу соломенку“ и за это рѣшилъ дѣло своимъ судомъ, подвергъ ихъ только мягкому взысканію и затѣмъ освободилъ. Съ нерчинскаго коммиссара Лоншакова, не уплатившаго въ казну пошлины съ товаровъ, а также и съ другихъ лицъ, виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, Желобовъ бралъ взятки и освобождалъ отъ преслѣдованія. Онъ забралъ также тунгусскихъ зайсановъ и шуленгъ въ Нерчинскъ, отобралъ отъ нихъ указы, выданные изъ нерчинской канцеляріи и, взявъ съ нихъ взятки, давалъ указы отъ себя; бралъ также взятки съ тунгусскихъ шамановъ, которыхъ пыталъ [1]). Изъ этого видно, что онъ чувствовалъ себя настолько независимымъ и самостоятельнымъ, что, недовольствуясь взяточничествомъ, перешелъ къ самоуправству, вымогательству и пыткамъ. Его преемникъ Андрей Плещеевъ такъ разсчитывалъ на безнаказанность по своему званію, что пошелъ по стопамъ Жолобова и съ небольшимъ черезъ годъ смѣненъ тоже за взятки. О царившемъ въ Омскѣ въ половинѣ XVIII в. бригадирѣ Фрауэндорфѣ капитанъ Андреевъ разсказываетъ слѣдующее: „былъ жестокъ, немилосердъ, или лучше сказать, мучитель; не стыдился одного дня до обѣда пересѣчь плетьми и кошками иногда и невинныхъ до 170 человѣкъ. Ходя за нимъ, ординарцы всегда имѣли съ собою орудія: кошки, плети, грабли, палки, вилы и тому подобное нелѣпое“ [2]). Даже повидимому образованные люди, попавъ въ Сибирь, заражались царившей въ ней атмосферой произвола и самодурства. Такъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка экспедиція Беринга безобразничала и насильствовала въ Якутскѣ.

[1]) Андріевичъ, „Ист. очеркъ Сиб.“, II, 161.
[2]) Чтенія въ общ. ист. и др., 1870, IV.

Офицеры силой врывались въ дома обывателей и производили въ нихъ всякіе безпорядки. Однажды они привели даже во время обѣдни въ соборѣ собакъ, которыя подняли шумъ, перепугали молящихся и, забѣжавъ въ алтарь, искусали тамъ протопопа Тарлыкова. А Берингъ любовался всѣми этими подвигами своей команды [1]). Или, напримѣръ, когда въ 1735 г. Миллеръ отправилъ изъ Нерчинскихъ заводовъ геодезистовъ Скобельцина и Шатилова для отысканія ближайшаго пути къ Камчатскому морю, то они во время этого путешествія вели себя крайне непристойно: били батогами за малѣйшую провинность, отбирали у конвойныхъ провіантъ, порохъ, быковъ, оставили въ глухой тайгѣ на произволъ судьбы заболѣвшаго служилаго человѣка Чернецкаго, нѣкоего Судакова довели до того, что онъ бѣжалъ отъ экспедиціи безъ припасовъ и оружія и, конечно, погибъ [2]). Высшая власть употребляла всѣ усилія искоренить сибирскія злоупотребленія. Первая дѣятельность фискаловъ была на сибирской почвѣ: въ 1719 г. оберъ-фискалъ Нестеровъ доносилъ сенату: 1) о взяткахъ и прочемъ сибирскому народу разореніи, учиненныхъ сибирскими комендантами, майорами, коммиссарами и самимъ губернаторомъ кн. Гагаринымъ; 2) что Гагаринъ, сверхъ прежнихъ 48 человѣкъ, опредѣленныхъ изъ сената къ дѣламъ, „набралъ туда же въ Сибирь другихъ разныхъ, кроющихся отъ службы и смотровъ, недорослей съ 55 человѣкъ и опредѣлилъ къ дѣламъ, отъ которыхъ есть тамъ такое же разореніе и грабежъ“ [3]). Правительство издавало указы, посылало слѣдственныя коммиссіи, наказывало воеводъ плетьми, тюрьмой, учиняло даже „экземпелы“ вродѣ казни Гагарина, Желобова, Ракитина,—но все было безполезно, и дѣла въ Сибири шли прежнимъ поряд-

---

[1]) Шашковъ, „Оч. рус. нрав. въ стар. Спб.“, От. Зап. 1867 г., № 11

[2]) „Восточное Обозрѣніе“ 1882 г. №№ 25, 26 и 29.

[3]) Щегловъ, „Хронологія сиб. ист.“, 168.

комъ. Сибирскіе правители чувствовали себя настолько сильными и независимыми, что иногда не обращали вниманія на самые указы высшей власти и не исполняли ихъ.

Такъ какой-то воевода Вяземскій не только „дворовъ и пашенъ и сѣнныхъ покосовъ охотникамъ, согласно царскому указу, не далъ, но и посыльщика. съ которымъ была царская грамота, убилъ и изувѣчилъ“. Иногда случалось, что правители не хотѣли оставлять своихъ мѣстъ, не смотря на смѣну, и тогда наступала анархія, Такъ въ 1733 г. на смѣну взяточника Желобова въ Иркутскъ пріѣхалъ новый губернаторъ Сытинъ, но вскорѣ по пріѣздѣ захворалъ и умеръ, оставивъ исполненіе своей должности полковнику Бухгольцу. Послѣдній, не имѣя предписанія свыше, опасался ѣхать въ Иркутскъ, а Желобовъ не признавалъ своей смѣны. Тогда въ Иркутскѣ образовалось временное правительство изъ подъячаго Татаринова, атамана Лисовскаго и епископа Иннокентія. Они убѣдили иркутское населеніе просить сибирскую канцелярію о назначеніи иркутскимъ вице-губернаторомъ малолѣтняго сына умершаго Сытина подъ опекой полковника Бухгольца. Но Желобовъ снова добился исправленія должности, убѣдивъ, путемъ разныхъ происковъ, бургомистра и купцовъ подать голосъ за него. Получивъ указъ о назначеніи, онъ началъ жестоко мстить всѣмъ, кого считалъ своимъ врагомъ: ставилъ на правежъ, билъ палками, истязалъ. Только пріѣхавшій слѣдователь, бригадиръ Сухаревъ, прекратилъ эти гоненія. Смѣнить же Желобова нужно было силой—понадобилась цѣлая рота солдатъ. Подобно Желобову, и многихъ другихъ правителей приходилось смѣнять только силой, какъ, напримѣръ, слѣдователя Крылова [1]). Въ сибирской исторіи еще одинъ разъ имѣлъ мѣсто случай, подобный избранію въ губернаторы малолѣтняго. Это было въ 1695 г. въ Нерчинскѣ: когда посланный туда воеводою Семенъ Пол-

1) Ядринцевъ. „Сиб. какъ колонія“, 302.

тевъ умеръ на пути, то мѣстные жители выбрали сами себѣ въ начальники малолѣтняго сына Полтева — „ребенка, котораго на рукахъ носили въ присутствіе; онъ до 1699 г. управлялъ краемъ подъ руководствомъ приданнаго ему въ товарищи боярскаго сына Порфирьева“ [1]). Иногда сибирскіе жители, выведенные изъ всякаго терпѣнія притѣсненіями властей, возставали противъ нихъ, самовольно смѣняли, заковывали въ кандалы, забивали въ колодки, выбирали временнаго атамана, и сами посылали челобитниковъ въ Москву. Такъ напримѣръ, разные восточно-сибирскіе казаки-землеискатели не только смѣняли, но и убивали своихъ атамановъ. Въ началѣ XVIII в. красноярскіе воеводы Семенъ и Миронъ Башковскіе и Семенъ Дурново жаловались на красноярцевъ, что они „отъ воеводства имъ отказали, въ осадѣ ихъ много время ссыльными людьми держали и животовъ награбили больше чѣмъ на 18.000 р., думнаго дьяка Полянскаго въ городъ для розыска не пустили“. Хотя слѣдствіе и выяснило, что многія изъ этихъ обвиненій не вѣрны, однако то была правда, что красноярцы, выведенные изъ терпѣнія воеводами,—которые ихъ безъ всякаго повода забирали, пытали, отнимали имущество,—дѣйствительно имъ „отъ воеводства отказали“. Правда была и то, что Артюшка Смоляниновъ Данилу Берестова и Данилу Полянскаго, плывшихъ изъ Енисейска въ Красноярскъ на дощаникахъ, встрѣтивъ недалеко отъ Красноярска „съ ружьемъ и многолюдственнымъ собраніемъ“ въ городъ не пустилъ [2]). Подобныя отношенія къ властямъ въ старинной Сибири не считались не нормальными, по крайней мѣрѣ въ теоріи: сибиряки уважали власть не изъ принципа, а потому только, что она была силой, могущей во всякое время лишить ихъ имущества и даже жизни. Теряя силу, власть теряла съ тѣмъ вмѣстѣ всякій престижъ. От-

---

[1]) Щегловъ, „Хронол. сиб. истор.“, 130.
[2]) „Памятникъ сиб. ист. XVIII в.“, I, № 9.

раженіе стариннаго взгляда на власть можно усмотрѣть и въ мнѣніи енисейскаго депутата Самойлова: онъ изъявилъ полное согласіе съ 15-й статьей наказа саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ о смѣнѣ полицеймейстера и о порученіи впредь этой должности другому, хотя Самойловъ былъ человѣкъ довольно образованный для своего времени и большой законникъ. Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ купеческихъ и казацкихъ наказовъ и мнѣній сибирскихъ представителей отъ этихъ сословій, намъ остается еще познакомиться съ нѣкоторыми отдѣльными мнѣніями, заслуживающими особеннаго вниманія. Такъ отъ барнаульскаго депутата Карышева [1]) узнаемъ мы о нѣкоторыхъ неудобствахъ для сибирской торговли въ Кяхтѣ; особенно жалуется онъ на неудобство мѣста, избраннаго для таможеннаго осмотра товаровъ при кяхтинскомъ форпостѣ. Упомянувъ о несчастномъ расположеніи этого форпоста, вслѣдствіе чего, при раскрытіи товаровъ, на нихъ наносится масса песку, отъ котораго заводится моль,—онъ особенно останавливается на неравномѣрности выгодъ китайскихъ и русскихъ купцовъ, происходящей отъ того, что русскіе до обмѣна не видятъ предлагаемыхъ имъ товаровъ и пріобрѣтаютъ ихъ „на азартъ"; китайцы же, находясь тутъ же на форпостѣ во время осмотра русскихъ товаровъ, впередъ знакомятся съ качествомъ ихъ и, слѣдовательно, пріобрѣтаютъ почти навѣрняка, съ большей для себя пользой и часто въ ущербъ русскимъ торговцамъ. Въ виду этого Карышевъ находитъ, что если торговля съ китайцами въ Кяхтѣ возобновится, то для постройки магазина, гдѣ производился бы осмотръ русскимъ товарамъ, слѣдуетъ отвести мѣсто у т. н. Новотроицкой крѣпости, которая лежитъ въ 4-хъ верстахъ не доѣзжая до Кяхты. Тогда китайцы будутъ уравнены съ русскими въ „азартномъ вымѣнѣ" товара, а черезъ это увели-

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. VIII, 279.

чится выгода русскихъ торговцевъ до равной степени съ теперешними выгодами китайскихъ, и „государеву интересу было бы приращеніе“. Затѣмъ онъ указываетъ, что въ прежнее время въ сибирской губерніи были „откупаемы разными людьми таможенные и питейные сборы [1]) и камчатскіе бобры и мерлушки“; но объ этомъ въ свое время принесены были просьбы и было уже доказано, „на сколько сіи откупы причинили ущербъ казенному интересу“, а потому, по мнѣнію Карышева, „никоимъ промысломъ въ сибирской губерніи на отпуску быть не слѣдуетъ, но быть всему „на вѣрѣ“. Невыгодность торговли въ Кяхтѣ, на которую указываетъ Карышевъ, зависѣла отъ смысла трактата 1728 г., по которому установлена была постоянная такса для однихъ китайскихъ товаровъ (напр., мѣсто байховаго чаю стоило 60 р., цвѣточнаго 120 и т. д.), а относительно цѣны русскихъ товаровъ предоставлено было обѣимъ сторонамъ торговаться. Обыкновенно при этомъ маймачинскіе купцы, составляя нѣсколько торговыхъ товариществъ, сговаривались между собою и успѣвали понизить цѣну русскихъ товаровъ. Русскіе купцы, какъ мы знаемъ изъ мнѣнія Карышева, не могли даже видѣть раньше покупаемыхъ товаровъ. Отпускъ русскихъ товаровъ былъ довольно незначителенъ: въ лучшій, 1759-й годъ, онъ не былъ выше 718.000 р., а пошлинный доходъ восходилъ до 240,000 р. [2]). Часто эта торговля прерывалась; инціатива этихъ перерывовъ шла почти всегда со стороны китайскаго правительства, и такой разрывъ, о которомъ упоминаетъ Карышевъ, продолжался съ 1763 по 1780 г., хотя по указу отъ 30 іюля 1762 г. только отмѣнена отправка казен-

---

[1]) Въ 1756 г. состоялся указъ объ отдачѣ на откупъ питейнаго сбора въ сибирской губерніи, а въ 1765—о сравненіи сибирскихъ губерній по откупу и подряду съ прочими губерніями о составленіи для сего купеческой компаніи. Щегловъ, „Хрон. сиб. ист.“, 257, 283.

[2]) Словцовъ, „Ист. обозр. Сиб.“, II, 221 и слѣд.

ныхъ каравановъ въ Китай, но разрѣшено торговать и на границѣ, и въ самомъ Пекинѣ всѣмъ, кто ни пожелаетъ. Интересенъ взглядъ енисейскаго депутата Самойлова на образованіе. Самъ онъ по тому времени былъ человѣкомъ образованнымъ и даже предложилъ своимъ избирателямъ просить у правительства объ учрежденіи въ Енисейскѣ школы и аптеки, но енисейцы отказались отъ этого, какъ отъ ненужной и излишней роскоши. Образованіе купеческихъ сиротъ (дѣло шло объ обезпеченіи судьбы купеческихъ сиротъ), по его мнѣнію, должно состоять въ слѣдующемъ: въ знаніи закона Божія, россійской грамматики, въ „чистомъ письмѣ", нѣмецкомъ и др. языкахъ, ариѳметикѣ, знаніяхъ разныхъ товаровъ и цѣнъ ихъ, также мѣръ и вѣсовъ, также географіи и исторіи". Едвали и теперь найдется въ Сибири много купцовъ, которые бы удовлетворили этимъ требованіямъ. Малолѣтнихъ дѣвочекъ сиротъ Самойловъ рекомендуетъ отдавать въ „порядочныя семейства, гдѣ бы онѣ обучались закону Божію и приличествующимъ ихъ полу рукодѣліямъ" [1]). До чего доходила регламентація въ старинной Сибири, видно изъ мнѣнія того же Самойлова: онъ проситъ объ отмѣнѣ закона, которымъ повелѣно было строить въ Сибири лѣсопильныя мельницы и за непостройку ихъ и за дѣланіе судовъ изъ топорнаго лѣса положена пеня [2]); но для живущихъ въ енисейской провинціи „партикулярныхъ людей" постройка этихъ мельницъ была крайне неудобна. Также повелѣно было дѣлать юфтяныя кожи съ ворваннымъ жиромъ, а для отпуска за границу съ дегтемъ. Но въ сибирскихъ городахъ, особенно столь отдаленныхъ, какъ Енисейскъ, ворванный жиръ былъ очень дорогъ, почему и кожъ этихъ тамъ

[1]) Сб. Р. И. О., т. VIII, 162.

[2]) Хотя въ данномъ случаѣ намъ кажется странной эта просьба при существованіи 6 ст. указа отъ 24 мая 1723 г., гласящей: „и въ сибирской губерніи судовъ новыхъ манеромъ не строить, а строить по прежнему".

выдѣлывалось самое малое количество, едва достаточное для потребностей самихъ жителей. Самойловъ просилъ коммиссію „учинить разсмотрѣніе этихъ 2-хъ неудобствъ“ [1]). При разсмотрѣніи наказа исетскихъ крестьянъ, Самойловъ и Бекишевъ обращаютъ вниманіе на жалобы послѣднихъ по поводу излишнихъ поборовъ духовенства и просятъ внимательно разслѣдовать, точно ли это обвиненіе справедливо; такое вниманіе не даромъ: если даже и въ наше время сибирское духовенство далеко не свободно отъ подобныхъ обвиненій, то можно себѣ вообразить, каково оно было въ прошломъ вѣкѣ, принимая во вниманіе его умственный и нравственный уровень, о чемъ мы скажемъ ниже. Словомъ, и Бекишевъ, и Самойловъ обратили вниманіе на это обстоятельство по пословицѣ: „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“. Этой же пословицей можно объяснить и подозрѣніе, высказанное при этомъ Самойловымъ: нѣтъ ли среди исетскихъ крестьянъ раскольниковъ? „Насколько было слабо православіе, говоритъ Шашковъ, на столько былъ силенъ расколъ, распространенію котораго въ Сибири содѣйствовала слабость вліянія духовенства, крайняя невѣжественность населенія и возможность найти въ тайгѣ совершенно безопасное убѣжище отъ преслѣдованія начальства“ [2]). Главными распространителями раскола въ Сибири были: Аввакумъ, чернецъ Іосифъ Истоминъ, попъ Деметіанъ, атаманъ Яковъ Лепехинъ, Василій Шапошниковъ и другіе. Въ Сибирь, въ обѣтованное „Бѣловодье“, бѣжали раскольники со всѣхъ сторонъ, особенно послѣ 1682 и 1683 г. Ссылки раскольниковъ въ Сибирь также способствовали распространенію тамъ раскола, такъ что въ 1722 г. Петръ I приказалъ ссылать ихъ вмѣсто Сибири въ Рогервикъ (нынѣ Балтійскій Портъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскольники были такъ сильны, что

[1]) Сб. Р. И. О., т. VIII, 162.

[2]) „Оч. рус. нрав. въ стар. Сиб.“ От. Зап. 1867 г., № 10.

даже закупали начальство. Такъ въ 1727 г. сибирская губернская канцелярія доносила, что на уральскихъ заводахъ Демидова раскольниковъ вовсе нѣтъ и совращенія въ расколъ тамъ „неуповаемо быть“; между тѣмъ прикащикъ Демидова Гладиловъ писалъ, что заводы исключительно населены раскольниками [1]); то же подтвердилъ и Татищевъ. Часто сами духовные не давали хода доносамъ: напр., въ 1738 г. томскій архимандритъ за „нѣкакій отъ сребреницъ“ не далъ хода доносу на расколоучителя В. Шапошникова. Даже сами духовныя лица переходили въ расколъ: въ 1739 г. открылось, что попъ томской Богоявленской церкви Михаилъ со всѣмъ причтомъ давно уже перешелъ въ расколъ [2]). Еслибы раскольники не закупали начальства, то имъ рѣшительно нельзя бы было жить въ старинной Сибири: указы высшей власти противъ нихъ были весьма суровы. При Петрѣ епископъ Филоѳей просилъ у государя, чтобы „церковныхъ раскольщиковъ, отступившихъ отъ св. церкви и въ упрямствѣ необратно стоящихъ, истреблять, а прочихъ всякими наставленіями приводить въ соединеніе св. церкви, а непокоряющихся—домы ихъ разграблять на государя, а ихъ смерти предавать“. Петръ согласился на это и велѣлъ самыхъ ярыхъ раскольниковъ жечь. Различныхъ указовъ о преслѣдованіи раскольниковъ было не мало. Упомянемъ главнѣйшіе, начиная съ 30-хъ годовъ: въ 1735 г. состоялся указъ о посылкѣ монаховъ въ сибирскіе монастыри для увѣщанія раскольниковъ, живущихъ при заводахъ, „а буде не исправятся, объ употребленіи оныхъ въ монастырскія работы, а бѣльцовъ и прочаго званія раскольниковъ, въ лѣсахъ живущихъ, въ заводскія работы, размѣщая ихъ такимъ образомъ, чтобы съ прочими не имѣли сообщенія“. Въ 1737 г. состоялся указъ объ употребленіи раскольниковъ при казенныхъ заво-

[1]) Что подтверждаетъ подозрѣнія Самойлова.
[2]) От. Зап. 1867 г., № 10.

дахъ къ горнымъ работамъ и о содержанiи ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ; въ 1764—о ссылкѣ на нерчинскiе заводы тѣхъ изъ раскольниковъ, которые въ двойной раскольническiй окладъ не запишутся и отъ намѣренiя къ самосожигательству не отстанутъ[1]). Самосожигательства были страшно распространены въ старинной Сибири, и не столько вслѣдствiе фанатизма, сколько изъ боязни властей. Такiе инциденты бывали даже въ сравнительно либеральное время императрицы Екатерины: 19 iюня 1761 г. крестьяне деревни Кузиной исетскаго острога въ числѣ 150 человѣкъ заперлись въ одномъ крестьянскомъ домѣ и сожглись изъ страха передъ тобольской коммиссiей, ѣздившей тогда по деревнямъ и забиравшей всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ расколѣ [2]). Эта коммиссiя была учреждена въ половинѣ прошлаго вѣка, и ея дѣятельность напоминаетъ подвиги испанской инквизицiи. Митрополитъ Антонiй Нарожницкiй циркулярно извѣстилъ всѣхъ благочинныхъ своей епархiи, что „отъ его архiерейства къ исправленiю дѣлъ тѣхъ, что „о духовности надлежитъ" учреждена коммиссiя, въ которую благочинные должны доносить о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ расколѣ, и о церковникахъ, покровительствующихъ ему. Коммиссiя приняла за правило посылать команды всюду, гдѣ по донесенiю оказывались раскольники. Прибывъ въ какое-нибудь село, эти команды захватывали всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ расколѣ и заковывали ихъ въ ручные и ножные кандалы; ограбивъ дома арестованныхъ, команды увозили ихъ самихъ въ Тобольскъ, гдѣ они подвергались всѣмъ ужасамъ отвратительнаго тюремнаго заключенiя и жестокихъ истязанiй [3]). Таковы были правительствен-

---

1) Щегловъ, „Хронол. сиб. ист.", 210, 219 и 281.

2) Словцовъ „Ист. обоз. Сиб.", II, 18. Много подобныхъ фактовъ съ подобными же мотивами встрѣчаемъ у Потанина въ „Мат. для сиб. ист.", въ „Памят. сиб. ист. XVIII в.", въ „Русской Старинѣ" и друг.

3) „От. Зап." 1867 г., № 10.

ныя репрессаліи сибирскаго раскола. Не можемъ пройти молчаніемъ мнѣнія того же депутата Самойлова объ отдачѣ казенной земли въ Сибири въ полную частную собственность; онъ проситъ, чтобы жителямъ сибирской губерніи имѣющіяся у нихъ земли оставить во владѣніе; тѣмъ же изъ нихъ, которые совсѣмъ не имѣютъ земель, отдать земли не заселенныя и лежащія впустѣ. Точно также тарскій депутатъ Бекишевъ просилъ, чтобы купцамъ, какъ распространителямъ искусствъ, дозволено было покупать потребное число людей и даже земель [1]).

V.

Содержаніе крестьянскихъ наказовъ обѣихъ сибирскихъ губерній извѣстно намъ изъ прекрасной и обстоятельной статьи В. И. Семевскаго „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II-й“, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ 1879 года, въ 1—6 №№. Матеріаламъ, находящимся въ этой статьѣ, мы постараемся дать различныя дополненія и поясненія. Изъ нея видно, что Сибирь дала всего 122 крестьянскихъ наказа, размѣщенныхъ по губерніямъ слѣдующимъ образомъ: изъ тобольской провинціи—70, изъ енисейской—33 и изъ иркутской губерніи—19. Такое обиліе наказовъ происходило оттого, что депутаты не умѣли свести воедино всѣ нужды и желанія отдѣльныхъ мѣстностей въ одинъ общій наказъ для каждой провинціи, а просто подшивали одинъ наказъ къ другому. Разсматривая разныя крестьянскія „изнеможенія“, о которыхъ говорится въ этихъ наказахъ, мы можемъ познакомиться и съ земельными отношеніями, и особенно съ различными повинностями, возложенными на крестьянъ, познакомиться не изъ сухихъ, оффиціальныхъ статей закона, но изъ устъ самого народа. Хотя сибирскіе

[1]) Сб. Р. И. О., VIII, 49.

крестьяне XVIII вѣка имѣли очень много земли, но едвали они были особенно рады этому изобилію, потому что на нихъ была возложена обязательная обработка этой земли, ради чего, какъ мы увидимъ ниже, они часто отрывались отъ насиженныхъ гнѣздъ и должны были переселяться за тысячи верстъ въ совершенно глухія, дикія мѣстности. Въ теченіи всего XVII столѣтія и даже первой половинѣ XVIII, когда не окончился еще звѣроловный періодъ сибирской колонизаціи, правительство не столько нуждалось въ деньгахъ, сколько въ провіантѣ и фуражѣ для служилыхъ людей, стоявшихъ въ разныхъ городахъ и острогахъ, часто страдавшихъ отъ голода. Эти отряды часто сидѣли безъ хлѣба, безъ одежды, питались падалью и кореньями, поджаренными ремнями и глиной; „едва стѣнь свою носятъ, какъ бы всѣ не умерли, чего Боже избави" — постоянно доносили начальству ихъ командиры. Достать провіантъ было крайне трудно: инородцы, конечно, земледѣліемъ не занимались, а русскіе предпочитали заниматься звѣроловствомъ, какъ дѣломъ несравненно болѣе выгоднымъ. Доставлять провіантъ изъ отдаленныхъ мѣстъ было невозможно за дальностью разстоянія и непроходимостью дорогъ. Поэтому еще въ 1623 г. тобольскій воевода кн. Сулешевъ установилъ опредѣленный хлѣбный сборъ съ земледѣльческаго населенія страны, такъ называемую „десятинную пашню". Крестьянинъ обязательно долженъ былъ брать извѣстное количество земли, седьмую, а иногда и четвертую часть которой онъ долженъ былъ обрабатывать для государства [1]). Также получая по 10-ти десятинъ покоса, крестьяне должны были съ одиннадцатой поставить сѣно для казны. Но въ XVIII вѣкѣ эта пропорціональность утратилась: по распоряженію

[1]) Напримѣръ, въ Пелымѣ, Туринскѣ, Тюмени и Тобольскѣ за каждыя $1^1/_2$ десятины, обработанныхъ для государства, давалось 5 и болѣе, въ тагильскихъ селахъ за $2-12^1/_2$; съ 1684 г. въ енисейской провинціи давали въ 5 разъ болѣе.

князя Черкасскаго, съ 1722 года каждый взрослый работникъ долженъ былъ обработывать въ пользу казны три десятины, независимо отъ того, сколько земли находится въ его распоряженіи. Съ теченіемъ времени все больше и больше расширялась область, на которой практиковалась „десятинная пашня“. 19 февраля 1758 г. сибирскому губернатору было предписано приступить къ распространенію десятинной пашни въ нерчинскомъ вѣдомствѣ, о чемъ онъ представлялъ раньше. Еще въ 1728 г. было предположено имѣть въ нерчинскомъ округѣ 395 десятинъ казенной запашки, которыя и обработывало 510 человѣкъ крестьянъ, доставляя казнѣ 15,344 п., чего было однако недостаточно для мѣстныхъ нуждъ, а покупать провіантъ „за малымъ тамъ сѣвомъ неуповательно“. Для устраненія этого неудобства Соймоновъ предложилъ слѣдующія мѣры, ясно показывающія точку зрѣнія правительства того времени на населеніе: во 1-хъ, добавить пашенныхъ крестьянъ на десятинную пашню; во 2-хъ, оброчныхъ крестьянъ, которые съ 15 десятинъ платятъ по 45 пудовъ оброчнаго хлѣба, посадить на десятинную пашню, сложивъ съ нихъ оброчный хлѣбъ; въ 3-хъ, вдобавокъ къ упомянутымъ крестьянамъ, посадить на десятинную пашню всѣхъ годныхъ для хлѣбопашества разночинцевъ, проживающихъ въ нерчинскомъ округѣ; въ 4-хъ, тѣхъ нерчинскихъ посадскихъ, которые торговъ не имѣютъ, а, проживая въ деревняхъ, занимаются хлѣбопашествомъ, опредѣлить на казенную десятинную пашню и, въ 5-хъ, посадить также на пашню всѣхъ годныхъ монастырскихъ выводчиковъ, изъ какихъ бы мѣстъ они ни прибыли — изъ Россіи, изъ новокрещенныхъ тунгусовъ, изъ посадскихъ, изъ казаковъ и т. п., а остальныхъ употребить на другія казенныя службы. И желаемое Соймоновымъ добавленіе было сдѣлано: въ 1759 г. сенатъ приказалъ изъ томскаго и кузнецкаго уѣздовъ набрать 2868 человѣкъ для приписки къ нерчинскому вѣдомству, да еще для той же цѣли 1100, итого 3918 человѣкъ; въ случаѣ не-

достатка—добрать изъ посадскихъ и цеховыхъ енисейской и иркутской провинцій, а если и этихъ не хватитъ, то изъ посадскихъ тобольскаго округа. Половину всѣхъ переведенныхъ приказано посадить на десятинную пашню, а половину приписать къ нерчинскимъ заводамъ [1]). Въ 1760 г. десятинную пашню велѣно ввести и въ селенгинскомъ округѣ „по Хилкѣ рѣкѣ на проѣзжихъ мѣстахъ, для той пользы, что по оному Хилку водяная между Селенгинскомъ и Нерчинскомъ коммуникація обыскалась". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ крестьяне отъ 18 до 50 лѣтъ были посажены на десятинную пашню: такъ изъ справки въ омской управительской канцеляріи отъ 17 февраля 1762 г. видно, что, въ силу указовъ изъ тарской воеводской канцеляріи, омскіе крестьяне и разночинцы были посажены, по распоряженію сибирскаго губернатора Соймонова, „на казенную пашню: отъ 15 до 50 лѣтъ каждому работнику пахать ржи по десятинѣ, овса по тому жъ, имъ же со своей семьей и съ поля собирать, а нынѣ, по мнѣнію того же Соймонова, вмѣсто десятинной пашни, по примѣру исетской провинціи, положены они на оброчномъ провіантѣ, котораго и собирается въ годъ съ каждой души—ржи по 6 четвериковъ, овса также, пенька чистаго по 2 фунта" [2]). При наложеніи этихъ казенныхъ повинностей регламентація доходила до крайности; такъ въ 1760 г. крестьяне Убинской деревни просили „позволить имъ оставаться на ночь на пашняхъ и держать стреноженныхъ лошадей, а не прогонять ихъ въ общій выгонъ, гдѣ они оставались цѣлое утро, пока разъѣзды не осмотрятъ окрестности, отчего лошади и исхудали" [3]). „Соймонову хотѣлось, по выраженію Словцова, имѣть провіантъ даровой, а чтобы хлѣбъ продавался по 5 коп. пудъ". И дѣйствительно, дешевизна хлѣба и

---

[1]) Андріевичъ, „Краткій очеркъ ист. Забайкалья", 189—191 стр.
[2]) Потанинъ, „Матеріалы", 219.
[3]) Потанинъ, „Матеріалы", 210.

вообще жизненныхъ продуктовъ въ Сибири 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго вѣка была баснословна, по общему отзыву всѣхъ путешественниковъ. Во времена Лепехина въ Тюмени пудъ ржаной муки стоилъ 6—7 к., пшеничной — 12, а 8 пудовъ овса—28—30 коп. Палласъ радуется, что въ Боготолѣ (красноярскаго дистрикта) будетъ выстроена винокурня, которая будетъ очень полезна и для крестьянъ красноярскихъ: будетъ служить пособіемъ, „поелику они будутъ имѣть куда продавать богатыя свои жатвы, кои они по нуждѣ принуждены за предешевую отдавать цѣну; поелику недавно цѣна за пудъ хлѣба находилась во всей странѣ между 3 и 4 копейками, рогатый скотъ по рублю и т. п., поелику нужду имѣющій крестьянинъ не имѣлъ купцовъ для продажи лишняго“ [1]). Нельзя, конечно, утверждать, что такое обиліе и такая дешевизна жизненныхъ продуктовъ произошла исключительно вслѣдствіе усиленной дѣятельности администраціи по введенію обязательной десятинной пашни; этому помогла другая, болѣе общая причина — именно, окончаніе 1-го періода сибирской исторіи, звѣроловнаго. Хищническое звѣроловное хозяйство не мало уменьшило количество дорогихъ звѣрей въ сибирскихъ тайгахъ, промыселъ этотъ сдѣлался менѣе выгоденъ, — и звѣроловы стали выходить изъ лѣсовъ, селиться на берегахъ рѣкъ и заниматься хлѣбопашествомъ.

Эти и вообще всѣ вновь приселяющіеся люди уже не находили прежняго обилія звѣрей, а также и повинности уже не всегда были пропорціональны съ количествомъ занимаемой земли. Поэтому, естественно, явился вопросъ объ уравненіи земельныхъ участковъ и повинностей, котораго въ 50-хъ годахъ касалась туринская и енисейская канцелярія. „Иные, пишетъ туринская канцелярія, имѣютъ земли много, а другіе мало и противъ казеннаго исправленія недостаточно, и въ

[1]) Палласъ, II, 440.

исправленіи казеннаго платежа оные люди состоятъ не противъ владѣнія своею землею равномѣрно: иные имѣютъ казеннаго исправленія мало, а собственной земли во владѣніи много, а другіе отправляютъ того казеннаго исправленія довольно, а собственной земли во владѣніи имѣютъ мало". Поэтому канцелярія проситъ о дозволеніи всѣ угодья раздѣлить „по семействамъ и душамъ на казенное исправленіе по равномѣрному числу", отобравъ ихъ у излишнеземельныхъ и отдавъ, сколько слѣдуетъ, скудоземельнымъ. Заявленіе о передѣлѣ было поднято Соймоновымъ, мѣсто котораго въ 1763 г. занялъ Чичеринъ, а между этимъ годомъ и 1767 въ туринскомъ дистриктѣ былъ сдѣланъ передѣлъ: туринская канцелярія къ вышеупомянутому донесенію, составленному для коммиссіи Елизаветинской, прибавила и послала въ новую коммиссію слѣдующее: „крестьяне и ясачные татары въ бытность... сибирскаго губернатора... Д. И. Чичерина въ земляхъ раздѣлены на каждую душу по ровному числу". Этотъ передѣлъ имѣлъ мѣсто и между инородцами, что видно изъ наказа туринскихъ крестьянъ, сходнаго съ туринскимъ наказомъ. Хотя мы и не встрѣчаемъ свѣдѣній о земельныхъ передѣлахъ въ другихъ мѣстахъ, но можно думать, что они были, если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ, принимая во вниманіе энергичный и настойчивый характеръ Чичерина, быстро приводившаго въ исполненіе всѣ свои намѣренія. Это же неравномѣрное распредѣленіе земель имѣло мѣсто и въ енисейской провинціи, какъ это удостовѣряетъ въ 1757 г. енисейская провинціальная канцелярія; она сообщаетъ, что землями енисейскаго уѣзда въ это время владѣли слѣдующія категоріи лицъ: во 1-хъ, крестьяне оплатившіе семигривенныя подушныя деньги, а вмѣсто четырехгривенныхъ оброчныхъ поставлявшіе оброчный провіантъ; во 2-хъ, разночинцы, платившіе податныя деньги, и въ 3-хъ, посадскіе, не занимающіеся торговлей, а живущіе въ уѣздѣ на пашнѣ, какъ и крестьяне, и только называющіеся

посадскими. „Крестьяне, разночинцы, а особливо посадскіе, пишетъ канцелярія, съ прежнихъ лѣтъ по даннымъ многіе имѣютъ земель съ излишествомъ, а которые жъ послѣ въ присылкѣ и разными случаи прибыли, земель къ довольствію имѣютъ весьма съ оскудѣніемъ, и таковые есть, что и ничего не имѣютъ, а какъ подушныя деньги, такъ и прочія тягости несутъ противъ тѣхъ въ равенствѣ“. На большое количество посадскихъ въ енисейской провинціи, живущихъ по деревнямъ къ отягощенію крестьянъ, указываетъ и депутатъ отъ енисейскихъ черносошныхъ государственныхъ крестьянъ П. Бяковъ: онъ говоритъ, что въ енисейской провинціи вѣдомства города Красноярска многіе посадскіе люди живутъ въ деревняхъ, пашутъ пашни, пользуются всѣми угодьями, платя за это только 40 алтынъ въ казну, „но крестьянамъ отъ нихъ какъ въ подводахъ, мостовыхъ починкахъ, рѣчныхъ перевозахъ и прочихъ крестьянскихъ и деревенскихъ раскладкахъ никакой помощи нѣтъ, кромѣ одного притѣсненія въ пашенныхъ земляхъ, въ сѣнокосныхъ лугахъ, лѣсныхъ и прочихъ угодьяхъ; да они жъ еще въ тѣхъ же мѣстахъ нашимъ крестьянамъ чинятъ запрещенія, чтобы какъ въ добычахъ и продажахъ звѣрей и прочихъ мелочей, кромѣ нихъ никому продавано не было и ничѣмъ бы тѣмъ крестьянамъ помимо такихъ деревенскихъ купцовъ другъ съ другомъ не перебиваться“. Бяковъ проситъ таковыхъ записать въ землелѣльцы или выслать въ тѣ города, куда они приписаны [1]). „Выгодный промѣнъ хлѣба на выдръ и бобровъ на правомъ берегу Енисея, говоритъ Словцовъ, по нагорнымъ рѣчкамъ промышляемыхъ инородцами, также рысьихъ и россомашьихъ шкуръ и ихъ перепродажа поддерживали хлѣбопашество до заведенія винокуренныхъ заводовъ, Богатольскаго, Краснорѣченскаго и Каменскаго. Здѣсь и надобно искать причину, почему красноярскіе посад-

[1]) Сб. Р. И. О., т. 32, приложеніе № 78.

скіе предпочитали жить въ уѣздѣ, а не въ городѣ. Пашня близъ огорода, удобное пастбище для скота, льгота отъ городскихъ требованій, свобода отъ полицейскихъ придирокъ, посѣвъ табаку, тайное, можетъ быть, корчемство и выгодное знакомство съ татарами-звѣроловами за цѣну послѣднихъ двухъ статей, для нихъ лакомыхъ,—вотъ сколько было побужденій, чтобы уклоняться отъ города, въ которомъ не было ничего привлекательнаго" [1]). На фактъ возникновенія сельскаго купечества въ Сибири XVIII в. указываетъ и депутатъ отъ приписныхъ государственныхъ крестьянъ г. Кунгура [2]), Ѳ. Полежаевъ; хотя купцы и просятъ, говоритъ онъ, чтобы другимъ сословіямъ было запрещено заниматься торговлей, а сами между тѣмъ въ кунгурскомъ уѣздѣ, поселясь въ острожкахъ, селахъ, деревняхъ и станахъ, на мѣстахъ, приписныхъ къ горнымъ мѣдноплавиленнымъ заводамъ, пашутъ землю и косятъ сѣно и черезъ то пользуются крестьянскимъ правомъ съ не малою для крестьянъ обидою и притѣсненіемъ, вовсе позабывъ купеческія обязанности. Тѣ же самыя жалобы на утѣсненія со стороны этихъ пришлыхъ сельскихъ владѣльцевъ и на неисполненіе ими обязанностей, связанныхъ съ пользованіемъ землей, встрѣчаются въ наказахъ крестьянъ тюменскаго уѣзда тобольской губерніи. А между тѣмъ, при пріобрѣтеніи тяглой земли отъ крестьянъ, даже въ купчія крѣпости заносились обязательства покупщиковъ платить подать съ этой земли соразмѣрно ея количеству и отбывать другія повинности наравнѣ съ крестьянами. Администрація, въ случаѣ жалобъ крестьянъ, понуждала такихъ лицъ къ исполненію ихъ обязательствъ, но, какъ

---

[1]) Истор. обоз. Сиб., II,72.

[2]) Хотя Кунгуръ и не причислялся съ 1737 года къ сибирской губерніи, но это отдѣленіе имѣло только административное, а не жизненное, бытовое значеніе, и въ 60-е годы Кунгуръ, по выраженію Словцова, былъ городъ, „съ сибирской простотой живущій", а также и его округъ.

видно, это дѣлалось далеко не всегда, иначе мы не встрѣчали бы такъ много указаній въ наказахъ объ уклоненіи деревенскихъ владѣльцевъ отъ несенія общаго тягла. Подобный порядокъ вещей былъ, съ одной стороны, результатомъ стариннаго сибирскаго многоземелья, а съ другой — свободнаго перехода земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки путемъ заклада и продажи разными сибирскими дворянами и боярскими дѣтьми, которымъ часто давали землю вмѣсто хлѣбнаго жалованья. Жалобъ на малоземелье въ сибирскихъ наказахъ встрѣчается очень мало; гораздо чаще — на относительную малость земель сравнительно съ инородцами, у которыхъ, по просьбамъ крестьянъ, земли часто отнимались администраціей, вслѣдствіе чего, понятно, отношенія между инородцами и крестьянами не могли быть хороши, такъ что инородцы не соглашались отдавать крестьянамъ своихъ праздныхъ земель даже въ аренду. „Изъ насъ, уѣздныхъ крестьянъ, говорятъ въ своемъ наказѣ туринскіе крестьяне, до 170 душъ, положенныхъ въ подушный окладъ, жительствуютъ деревнями съиздавна между жительствами новокрещенныхъ ясачныхъ татаръ, у которыхъ за множественнымъ числомъ земель, покосовъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловлей и прочихъ угодій, а у насъ, за самымъ малоимѣніемъ земель, по указамъ главныхъ командъ велѣно земли удѣлять намъ на означенныя 170 душъ, а прочимъ намъ на тѣ ясачныя земли опредѣлено намъ и переселяться. А оныхъ ясачныхъ татаръ, замѣчаютъ крестьяне въ своемъ наказѣ, всего въ туринскомъ уѣздѣ имѣется 149 душъ, а ясаку по нынѣшнему окладу всего съ нихъ... 129 р. 60 к., а на насъ, крестьянахъ, на 170 душахъ, кои между оными ясачными татарами жительствуютъ, подушныхъ денегъ состоитъ и съ плакатными безъ малаго 300 р. въ годъ, а земель, покосовъ и угодій у нихъ, ясачныхъ новокрещенныхъ татаръ, противу насъ будетъ развѣ вчетверо или больше, но и за тѣмъ насъ хотятъ не только съ удѣленныхъ

отъ нихъ земель, но и съ прежнихъ и съ изстаринныхъ нашихъ селенiевъ и деревень выживать, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ жили только они, новокрещенные татары. а насъ бы, русскихъ людей, духу не было, яко бы ихъ облавливаемъ звѣрьми". Въ наказахъ тюменскаго уѣзда мы тоже встрѣчаемъ просьбы объ уравненiи съ иноверцами, которые живутъ деревнями среди русскихъ и имѣютъ несравненно больше земель и рыбныхъ ловель; однако тюменскiе крестьяне не просятъ, чтобы владѣнiя инородцевъ были отобраны въ ихъ пользу [1]. Какъ извѣстно, до 1801 г. у инородцевъ нельзя было ни покупать земли, ни арендовать; этимъ и объясняется просьба нарымскихъ крестьянъ покупать у инородцевъ хотя тѣ земли, гдѣ они не промышляютъ звѣрей. Кромѣ инородцевъ, у сибирскихъ крестьянъ прошлаго вѣка, какъ видно изъ наказовъ, бывали столкновенiя изъ-за земельныхъ угодiй и съ монастырями. Сибирскiе монастыри того времени, которыхъ всѣхъ вообще было къ половинѣ XVIII вѣка 13. далеко не имѣли столь большихъ доходовъ, какъ монастыри великороссiйскiе; не велико было и количество земельныхъ угодiй, приписанныхъ имъ правительствомъ или пожертвованныхъ частными лицами (хотя, какъ сейчасъ увидимъ, они расширяли ихъ сами); за то громадно было число монастырскихъ крестьянъ сравнительно съ числомъ монаховъ: въ Сибири въ 1764 году болѣе 1300 крестьянъ духовнаго вѣдомства обращены въ такъ называемые экономическiе [2], между тѣмъ какъ монаховъ было, по разсчету Щеглова, не болѣе 130. Даже имѣя въ виду и такiе сравнительно многолюдные монастыри, какъ Далматовъ, можно утверждать, что число монаховъ не превышало 200; въ томскомъ монастырѣ было всего 11 монаховъ, на которыхъ, однако, работало 104 чело-

---

[1]) Эти крестьяне двухъ селъ какъ пашни, такъ и покосы арендовали у инородцевъ.

[2]) Щегловъ, „Хронол. сиб. ист.“, 278.

вѣка одной монастырской прислуги. При преобладанiи въ Сибири натуральнаго хозяйства, монастырямъ дѣлались приклады пашнями, покосами, рыболовными мѣстами; эти угодья, кромѣ того, дарились имъ государями или воеводами, или прiобрѣтались отъ инородцевъ путемъ покупки, пожертвованiя или иногда просто захвата. Имъ было предоставлено право призывать на эти земли гулящихъ людей. Вслѣдствiе того, что эти земли были всегда хороши, а положенiе монастырскихъ крестьянъ гораздо лучше, чѣмъ государственныхъ,— гулящiе люди шли къ нимъ очень охотно; а такъ какъ это были люди неимущiе, то сами на себя надѣвали ярмо кабалы и селились на монастырскихъ земляхъ. Каждому изъ нихъ давалась корова, лошадь съ упряжью и земледѣльческiя орудiя; за то съ гулящихъ людей бралась кабальная запись, что они вѣчно будутъ работать на монастырь и давать 5-й снопъ своего хлѣба. Кабальная запись не устрашала не имѣющихъ ничего за душою гулящихъ людей и они во множествѣ стремились на монастырскiя земли. Для характеристики отношенiй между монастырями и ихъ кабальниками можно привести данныя, находящiяся въ наказѣ крестьянъ троицкаго тюменскаго монастыря. Повинности, относимыя ими въ пользу монастыря, оцѣнивались ими въ 1 р. 27 к.; но случались года, когда эти повинности были гораздо тяжелѣе. Напримѣръ, въ 1756 году архимандритъ Софронiй обложилъ ихъ тяжелыми сборами и барщинами: всѣ, начиная съ 15 лѣтъ, должны были работать; старики наряжались въ караулы, такъ что съ каждой окладной души приходилось 173 рабочихъ дня, да 88 коп. деньгами, кромѣ положенныхъ по силѣ указовъ помѣстныхъ денегъ; „а ежели когда изъ нашего брата, писали крестьяне, платежемъ таковыхъ податей явиться кто не въ состоянiи или за старостью и болѣзнью таковыхъ чрезвычайныхъ работъ снесть не могутъ, то онъ, архимандритъ Софронiй, повелѣваетъ таковыхъ всякими муками мучить, немилостиво плеть-

ми билъ, въ студеные чуланы садилъ, отчего пришли наши братья крестьяне почти многіе въ отчаяніе, что своихъ женъ и домовъ лишилися, и многихъ крестьянъ билъ плетьми немилостиво, давалъ ударовъ ста по три и до 500". Архіерейскіе крестьяне находились не въ лучшемъ положеніи, особенно во времена митрополита Павла Конюшкевича и эконома архіерейскаго дома о. Іакинѳа. Справедливость этихъ жалобъ подтверждаетъ губернаторъ Соймоновъ. Вслѣдствіе громаднаго количества рабочихъ рукъ, монастыри смѣло принимались за сельское хозяйство en grand, заводили заимки, пашни, лѣса, рыбныя ловли, соляныя варницы, множество овецъ, рогатаго скота, лошадей. Вообще, съ теченіемъ времени хозяйство ихъ расширялось и количество гулящихъ людей на ихъ земляхъ увеличивалось. Вслѣдствіе этого расширенія и увеличенія монастырямъ приходилось иногда сталкиваться изъ-за земельныхъ угодій съ сосѣдями, государственными крестьянами, какъ это видимъ мы изъ наказа Бугучанскаго станка енисейскаго вѣдомства. Иванъ Рукосуевъ и Яковъ Куликовъ съ товарищи, крестьяне Чадобскаго погоста, издавна владѣли на законномъ основаніи землей на р. Тунгускѣ; на этой же землѣ, съ разрѣшенія енисейской канцеляріи, поселился крестьянинъ П. Колпаковъ и сталъ „пахать въ обществѣ съ означеннымъ Рукосуевымъ и Куликовымъ въ поваль безъ всякихъ неудовольствій". Но въ 1696 г. „на ту же данную землю Ивана Рукосуева съ товарищи добылъ на оной же рѣкѣ Тунгускѣ ниже Сосноваго острова отъ Коды рѣки вверхъ до Ковы рѣки старецъ Іоакимъ Путиловъ и построилъ выше Кашиной Шиверы пустыню; а рѣченнаго Колпакова съ той земли сослали и приказали пахать Чадобскаго погосту съ крестьянами въ поваль съ Иваномъ Рукосуевымъ съ товарищи". Старецъ Іоакимъ однако отдалъ впослѣдствіи Рукосуеву землю отъ рѣчки Кежмы до Коды, гдѣ жилъ и самъ Рукосуевъ, и дѣти его, и внучата, при чемъ они пахали десятинную пашню

и несли другія повинности. Но вдругъ въ 1766 г. одинъ крестьянинъ Кашино-шиверскаго монастыря,—безъ сомнѣнія, по приказу монастырскихъ властей,—подалъ въ енисейскую провинціальную канцелярію челобитную, будто эти крестьяне насильно завладѣли упомянутой землей, и назвалъ ее монастырской, тогда какъ по показаніямъ государственныхъ крестьянъ она издревле принадлежала ясачнымъ инородцамъ. Енисейская канцелярія для освидѣтельствованія земли и отвода по межамъ и урочищамъ послала сибирскаго дворянина, который и измѣрилъ ее въ присутствіи однихъ только монастырскихъ крестьянъ и отписалъ къ монастырю не только землю, заселенную черносошными крестьянами, но и владѣнія инородцевъ Мурской и Ковенской волостей, на что тѣ и жаловались въ коммиссію объ инородцахъ, учрежденную въ Енисейскѣ. Потомки крестьянина Колпакова, коихъ было уже 36 душъ, были согнаны, и земля ихъ, изъ коей 44 десятины уже было вспахано, отдана крестьянамъ монастырскимъ. Точно также у крестьянъ Бугучанскаго станка Ивана Рукосуева и Григорія Колюпанова съ товарищи было отнято 200 десятинъ. Потомки кр. Колюпанова, которымъ не дали косить сѣно, „пришли во всевозможное разореніе и нищету, и за неимѣніемъ сѣна скотъ весь выпалъ, а отъ непосѣва почти въ самую пришли погибель и не въ состояніи платежа въ казну подушныхъ денегъ и прочихъ податей". Они пробовали подавать челобитную въ енисейскую провинціальную канцелярію, но тамъ ея не приняли. Не зная, куда, наконецъ, жаловаться, они приложили свое прошеніе къ наказу крестьянъ Бугучанскаго станка. Крестьяне при этомъ указывали, что у монастырскихъ крестьянъ и безъ того множество земли, что значительную часть ея при измѣреніи монастырскихъ владѣній они утаили, что хотя монастырю было уступлено земли на 30 верстъ [1]), но

---

[1]) Изъ челобитной видно, что одинъ тунгусъ уступилъ старцу

они захватили отъ Коды до Ковы рѣки съ прибавкою по рѣкѣ Тунгускѣ не менѣе какъ на 80 верстъ. Согласно съ этимъ и въ наказѣ бугучанскихъ крестьянъ заявлялось, что у монастырскихъ крестьянъ земли въ окружности верстъ на 300, а пашенъ и покосовъ 3000 десятинъ, между тѣмъ этихъ крестьянъ всего 65 душъ. Изъ всего этого видно, что спорная земля сначала принадлежала тунгусамъ, а въ XVII в. часть ея заняли русскіе, быть можетъ, простымъ захватомъ, но, быть можетъ, по уплатѣ тунгусамъ нѣкоторой суммы; у тѣхъ же тунгусовъ одинъ благочестивый старецъ добываетъ нѣкоторое количество земли, и черезъ 70 лѣтъ монастырское владѣніе расширяется и вытѣсняетъ крестьянъ. Таковъ, по всей вѣроятности, былъ ходъ земельныхъ отношеній въ восточной Сибири, и особенно тамъ, гдѣ были монастыри. Познакомившись съ земельными отношеніями сельскаго сибирскаго населенія въ прошломъ вѣкѣ, мы естественно переходимъ теперь къ государственнымъ повинностямъ, лежавшимъ на немъ, указанія на что мы также находимъ въ наказахъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ не было передѣловъ, подати распредѣлялись или по количеству земли, находившейся во владѣніи того или другого крестьянина, или по числу душъ, при чемъ приходилось платить за умершихъ, но попавшихъ въ ревизскую запись, за неимущихъ, на что почти постоянно указываютъ крестьяне въ своихъ наказахъ. Количество тяглыхъ крестьянъ въ Сибири уменьшилось еще тѣмъ, что часть ихъ была зачислена въ такъ называемые „выписные казаки“, которые хотя и платили подати, но не участвовали въ несеніи разныхъ натуральныхъ повинностей, которыя были особенно обременительны въ старинной Сибири, какъ мы увидимъ ниже. Въ г. Тарѣ, напримѣръ, изъ 1223 ревизскихъ душъ, за исключеніемъ 104 выписныхъ

Іоакиму землю „подъ часовню всемилостивому Спасу“ на 30 верстъ въ окружности.

казаковъ, также умершихъ, стариковъ и малолѣтнихъ, оставалось только 740 человѣкъ работниковъ, несшихъ всѣ общественныя повинности; въ одной слободѣ тарскаго вѣдомства изъ 1275 ревизскихъ душъ было 444 умершихъ и малолѣтнихъ. Крестьяне ишимскаго уѣзда тобольской губерніи жаловались на то, что они платили подати не только за стариковъ и дѣтей, но и за написанныхъ въ подушный окладъ „присланныхъ за разныя вины на поселеніе крестьянъ, которые за негодностью, дряхлостью, старостью и увѣчьемъ работать не способны“, такъ что имъ во всѣхъ 5 слободахъ приходится платить за 700—1000 человѣкъ, не способныхъ къ труду. Въ концѣ 50-хъ годовъ XVIII в. сибирскіе крестьяне также или пахали десятинную пашню, или поставляли извѣстное количество провіанта, а иногда, какъ, напримѣръ, въ Туринскѣ, одновременно отбывали ту и другую повинность. Иногда крестьяне просили замѣнить хлѣбный сборъ денежнымъ оброкомъ, что объясняется злоупотребленіями при сборѣ натурой; такъ напримѣръ, крестьяне Маковскаго острога енисейскаго уѣзда заявляютъ въ своемъ наказѣ, что въ прошлыхъ годахъ енисейскій воевода наложилъ на нихъ немалый хлѣбный сборъ для пополненія утраченнаго казеннаго провіанта, такъ что съ нихъ взыскивалось лишнихъ по 170—180 четвертей въ годъ, для взноса коихъ нѣкоторымъ приходилось даже отдавать своихъ дѣтей въ кабалу. Выше было упомянуто, что выписные казаки освобождались отъ многихъ крестьянскихъ повинностей, но это было не всегда: да и вообще положеніе ихъ было довольно печально. Въ XVIII в. въ Сибири, вслѣдствіе незначительности регулярнаго войска и постоянной опасности отъ плохо замиренныхъ инородцевъ, особенно на пограничныхъ линіяхъ, была постоянная потребность въ иррегулярномъ войскѣ, которое и вербовалось изъ крестьянъ. Положеніе этихъ воиновъ было не завидно: отъ казны они получали только по немногу свинца и пороха, но лошадь, сбруя, платье

и даже оружіе они должны были имѣть свое собственное. Часто они жаловались, что „одеждою и обувью весьма обносились, а лошади волею божьею повыпали", что жалованье имъ выдается неисправно, и что они во всемъ терпятъ всекрайнѣйшую нужду [1]). Особенно бѣдствовали такъ называемые бѣломѣстные и выписные казаки, которые совсѣмъ не получали жалованья, а служили „изъ земли и изъ травы". Съ 1724 г. они были обязаны, кромѣ службы, еще подушными и рекрутскими повинностями; на нихъ же лежала и подводная гоньба „безъ платы прогонныхъ и поверстныхъ денегъ" [2]). Они „въ разныхъ многихъ трудностяхъ, форпостахъ и станцахъ, въ караулахъ и разъѣздахъ, а паче у хлѣбопашества и въ посылкахъ употребляются". Изъ нихъ же вербовались деньщики для чиновниковъ, посыльные въ присутственныхъ мѣстахъ, къ городскимъ карауламъ, къ винной и пивной продажѣ, „у завожденія башенныхъ часовъ", въ переплетчики, слесаря, кузнецы, къ торговой банѣ, въ заплечные мастера и пекаря. Вотъ сколько разнообразныхъ повинностей должны были относить выписные казаки и какъ плохо они вознаграждались за это! Поэтому мы не удивимся, встрѣтивъ сѣтованія на свою судьбу въ наказахъ выписныхъ казаковъ ялуторовскаго и ишимскаго дистрактовъ. Они служили съ 1732 г. и не получали за это никакого денежнаго жалованья, но даже во время службы на форпостахъ содержали себя на свой счетъ и должны были имѣть не только собственное платье и оружіе, но даже и боевые припасы. Зимой и лѣтомъ ихъ посылали съ военными командами, потому что они содержали караулы и бывали въ разъѣздахъ на своихъ коняхъ; лѣтомъ косили сѣно вмѣстѣ

---

[1]) Просьба тобольскихъ служилыхъ отъ 7 іюня 1745 г. От. З. 1867 г., № 11.

[2]) Просьба тарскихъ выписныхъ казаковъ отъ 29 мая 1745 г. (ibidem).

съ драгунами для ихъ лошадей. Не разъ они бывали и въ сраженіяхъ съ киргизами, особенно во время башкирскаго бунта, и наряду съ регулярными войсками ревностно исполняли свои служебныя обязанности. Не смотря на всю эту службу, они платили подушныя, какъ за наличныя души, такъ и за умершихъ, взятыхъ въ рекруты и плѣненныхъ киргизами и башкирами, а также вносили оброчный сборъ деньгами, провьянтомъ или исправленіемъ десятинной пашни. Не получая прогоновъ, они должны были возить разныя письменныя дѣла, курьеровъ и военныхъ; наконецъ, наряду съ другими крестьянами, отбывать рекрутскую и конскую повинности. Вербовались они изъ семейныхъ людей не въ строго опредѣленномъ процентномъ отношеніи; такъ напримѣръ, изъ 14690 душъ ялуторовскаго уѣзда было 860 выписныхъ казаковъ, т. е. $5^1/_2$ %, изъ 8814 ишимскаго—600, т. е. 7%; изъ нихъ $^1/_3$ находилась дома, а остальные по форпостамъ, смѣняясь помѣсячно. Въ 1747 г. они, не исхлопотавъ отмѣны отъ назначенія въ выписные казаки, просили давать имъ жалованье и все, что нужно для службы, выключить ихъ изъ подушнаго оклада и облегчить имъ подводную гоньбу. Въ 1751 году они были оставлены на службѣ, но за то освобождены отъ десятинной пашни и поставки провьянта, подушная же подать осталась по прежнему; также они получили тогда казенный порохъ, свинецъ, зимой на форпостахъ фуражъ и прогонныя деньги за провозъ курьеровъ и провьянта. Въ 1753 и 1754 гг., по новымъ указамъ сената, велѣно ихъ далеко отъ домовъ не отправлять, а если понадобится ихъ содѣйствіе, пока не будутъ собраны регулярныя войска, посылать ихъ по опредѣленіямъ сибирскаго губернатора, при чемъ давать имъ старыя ружья; находящимся же на новой линіи при строеніи крѣпостей и редутовъ и для защиты отъ набѣговъ давать провьянтъ и жалованье наравнѣ съ сибирскими казаками. Но не смотря на все это, выписные казаки старались избѣгать ненавистной имъ

службы. Въ 60-хъ годахъ ихъ положеніе нѣсколько улучшилось: они не несли подводной гоньбы и другихъ повинностей, кромѣ конвоированія денежной казны и колодниковъ, но подати платили наравнѣ съ другими крестьянами. Таково было положеніе выписныхъ казаковъ, почти насильно вербуемыхъ въ казачью службу. Были у крестьянъ еще и другія обязательныя выборныя службы, на которыя они не мало жаловались въ своихъ наказахъ. Они, напримѣръ, должны были выбирать изъ своей среды цѣловальниковъ къ продажѣ вина и соли. Изъ наказа крестьянъ ишимскаго уѣзда видно, какъ много рабочихъ силъ отвлекали эти выборныя службы. Кромѣ лицъ, избираемыхъ для исправленія разныхъ мірскихъ службъ, изъ крестьянъ пяти слободъ этого уѣзда выбирались: въ цѣловальники для пріема и продажи пороха—5 человѣкъ, для продажи гербовой бумаги—4, въ сторожа—6, въ караулъ къ провіантскимъ и солянымъ магазинамъ, къ подводамъ съ порохомъ и денежной казной и къ тюрьмѣ — 96, въ ссыпщики при покупкѣ въ казну провьянта и овса и раздачѣ прогоновъ за отвозъ въ крѣпости—7, въ цѣловальники для пріема купленнаго провьянта: муки, ржи, крупы и овса—25, въ разсыльщики по крестьянскимъ дѣламъ—6, въ караульные при казенныхъ домахъ, гдѣ живутъ управители и коммиссары—12, итого 167. Всѣ эти выборные служили по полугоду; затѣмъ на смѣну имъ выбирались другіе. Кромѣ того, на годъ выбирали для сбора денегъ за разныя оброчныя статьи 5 человѣкъ и для сбора штрафовъ съ небывшихъ у исповѣди и причастія тоже 5; наконецъ, для отвоза разныхъ денежныхъ сборовъ въ Тобольскъ и другія мѣста счетчиками по одному и по два. За все это, конечно, никакого вознагражденія не полагалось. Всѣ эти выборныя службы, какъ бы онѣ не отвлекали рабочія силы, ни въ какомъ случаѣ, однако, не могли сравниться по своей трудности съ подводной повинностью, тяжесть которой особенно увеличивалась отъ громадныхъ сибир-

скихъ разстояній, плохихъ дорогъ и рѣдкости населенія. Очень естественно поэтому, что наказы сибирскихъ крестьянъ наполнены жалобами на эту повинность. Тяжелая подводная и дорожная повинность изнуряла сибирскихъ крестьянъ въ теченіе всего XVIII в. Напримѣръ, въ 1713 г. велѣно кн. Гагаринымъ отъ Верхотурья до Туринска „для проѣзда его губернаторскаго по грязямъ и по болотамъ и бояракамъ мостить мосты самые добрые, а по рѣкамъ и по рѣчкамъ сдѣлать плоты, и чтобы въ дѣлѣ тѣхъ мостовъ и плотовъ и въ расчисткѣ дороги остановки отнюдь ни мало не было“; а должны дѣлать все это „верхотурскіе ямскіе охотники и подгородные и слободскіе пашенные и оброчные крестьяне“ [1]). Всѣхъ служилыхъ людей и всѣ казенныя вещи крестьяне должны были перевозить почти всегда даромъ, что видно, напр., изъ приказа енисейскаго воеводы въ 1724 г. Если случится ему или кому нибудь изъ служащихъ ѣхать для сбора казны и „прочихъ всякихъ гражданскихъ дѣлъ“ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учрежденныхъ ямовъ нѣтъ, то „брать по печатному Е. И. В. указу, уѣздные городъ отъ города и слобода отъ слободы и деревня отъ деревни безъ прогоновъ, смотря по пропорціи людей и дѣлъ безъ излишества, памятуя страхъ Божій и Е. И. В. принятыя должности“ [2]). Указомъ отъ 10 октября 1732 г. повелѣно было, чтобы для перевозки государевой казны „денежной, товарной и мягкой рухляди“, собиравшейся въ Иркутскѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недостаетъ ямскихъ подводъ, „давали городскія и уѣздныя подводы по плакату денегъ безъ замедленія“. Это распоряженіе на мѣстныхъ жителяхъ отразилось крайне тяжело, подвергая ихъ новой, чрезвычайно разорительной повинности [3]). Особенно тяжела была подводная повин-

[1]) Памятники сиб. ист. XVIII в., т. I, № 8.
[2]) Памят. сиб. ист. XVIII в., II, № 111.
[3]) Андріевичъ, „Краткій очеркъ ист. Забайкалья“, 164.

ность въ краяхъ наиболѣе отдаленныхъ, какъ, напримѣръ, между Якутскомъ и Охотскомъ, гдѣ перевозка тяжестей началась съ 1726 г. Поводомъ къ ней сначала послужила экспедиція Беринга, потомъ Креницина и Левашева (1767—68 г.). Въ первое время тяжести отправлялись водянымъ путемъ по рѣкамъ Ленѣ, Алдану, Маѣ и Юдомѣ до Юдомской заставы (724 версты) на мелководныхъ судахъ, принимавшихъ по 500 п., а отъ Юдомской заставы до Охотска сухимъ путемъ (255 в.). По рѣкамъ приходилось плыть все противъ теченія, на что требовалось масса работниковъ. Съ 1736 г. былъ предпочтенъ сухой путь. Перевозка тяжестей лежала на якутахъ, но съ 1763 г. они стали роптать, находя казенную плату крайне ничтожной. На всемъ этомъ тысячеверстномъ пути было только три станціи, и весь онъ совершался на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, верхомъ же ѣхали и путешественники. Даже въ 1835 г. этотъ путь, по словамъ протоіерея Громова, „былъ труднѣйшій, опаснѣйшій путь на верховыхъ лошадяхъ, слишкомъ черезъ 1000 верстъ, по топямъ, рѣкамъ, горамъ и пропастямъ“ [1]). „Какія изнуренія, говоритъ Словцовъ, какіе уроны въ лошадяхъ терпѣли якуты отъ перевозки тяжестей, начиная съ открытія Камчатки, можно узнать изъ записки якутскаго головы Аржакова. Но бережнѣе ли поступали съ жителями Сибири профессора нѣмцы? Въ мартѣ 1735 г. Гмелинъ съ Миллеромъ, отправляясь изъ Иркутска за Байкалъ, на-легкѣ, какъ самъ пишетъ, не удовольствовавшись 37 лошадьми, провинціальной канцеляріей назначенными, ни прибавленнымъ числомъ, повелѣлъ на базарѣ насильно отнять, сколько хотѣлъ, а въ Голоустной станціи поѣхалъ на 150 лошадяхъ. Что-жъ подумать о поѣздкѣ мірскихъ чиновъ?“ [2]). „Фактъ этотъ характеренъ въ томъ отношеніи, говоритъ г. Андріевичъ, что ярко обрисовываетъ

---

[1]) Вагинъ, „Истор. свѣд. о дѣят. Сперанск. въ Сибири“, II глава, 17.
[2]) Ист. обоз. Сиб., I., 160.

безправіе народа въ то время. Частный человѣкъ, въ главномъ городѣ провинціи, на базарѣ забираетъ чужихъ лошадей, и это ему сходитъ съ рукъ, власть не думаетъ его остановить потому только, что онъ—членъ экспедиціи, снаряженной по высочайшему повелѣнію. А разъѣзды его были продолжительны. Все лѣто 1735 г. онъ провелъ въ объѣздѣ по землямъ, лежащимъ за Байкаломъ, и по китайской границѣ въ западной части Забайкалья, за тѣмъ черезъ Селенгинскъ возвратился въ Удинскъ, гдѣ его уже ожидали товарищи—Миллеръ и Фишеръ со своими помощниками, съ которыми онъ и отправился на востокъ, къ Нерчинску. Изъ Нерчинска онъ поѣхалъ на р. Аргунь для осмотра серебряныхъ рудниковъ и заводовъ, а также для сбора образчиковъ мѣстной флоры; а осенью поворотилъ на Удинскъ, гдѣ всѣ сѣли на лодки и по р. Селенгѣ, Байкалу и Ангарѣ возвратились въ Иркутскъ" [1]). Во всемъ этомъ утѣшительно хотя то, что экспедиціи давали въ концѣ концовъ массу интереснаго матеріала для научной постановки сибиревѣдѣнія, разъѣзды же мѣстныхъ властей и перевозъ казенныхъ тяжестей единственнымъ результатомъ имѣли только народное удрученіе. Крестьяне же должны были доставлять на своихъ лошадяхъ провіантъ, купленный для воинскихъ командъ. Такъ въ 1745 г. было предписано для довольствія слѣдующихъ въ Сибирь драгунъ, пѣхотныхъ полковъ и яицкихъ казаковъ перевести изъ краснослободскаго дистракта въ Тару по зимнему пути 10,000 четвертей муки ржаной, 10,000 четвертей овса, да 630 четвертей крупы овсяной или яшной на крестьянскихъ подводахъ, которыхъ собрать въ Краснослободскѣ 970, въ Тюмени 747, въ Туринскѣ 510, въ Ялуторовскѣ 1316, всего 3543, и отправить черезъ Тюмень и Ялуторовскъ до Коркиной слободы ишимскаго дистракта. А для свозу изъ Коркиной изъ подгородныхъ крестьянъ тобольскаго дистрак-

---

[1]) Андріевичъ, „Истор. очеркъ Забайкалья", 164.

та нарядить 1170 подводъ, изъ ишимскаго дистракта 1062, да изъ Тары 1311 [1]). Крестьяне же были обязаны доставлять хлѣбъ въ мѣстности слабаго урожая. Такъ въ 1748 и 1749 г. хлѣбъ былъ дорогъ въ Томскѣ по случаю плохого урожая, и поэтому для рабочаго населенія Барнаульскаго и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ велѣно было покупать хлѣбъ (6000 четв.) въ Красноярскѣ и свозить отъ Ачинскаго острога по Чулыму и Оби на плотахъ до Томска, а оттуда въ Колывань и Барнаулъ на дощаникахъ [2]). Въ наказахъ сибирскихъ крестьянъ мы находимъ не мало указаній на тяжесть подводной повинности; напр., изъ наказа крестьянъ одной тарской слободы видно, что они давали подводы въ одну сторону черезъ Барабинскую степь до Каинскаго форпоста на разстояніи 254 вер., въ другую—37 в., въ третью—145 в.; при этомъ подъ одинъ возъ запрягали по 5 и по 6 лошадей, а прогоны получали только за одну подводу, лѣтомъ по 1 коп., а зимой по деньгѣ съ версты. Въ четвертую сторону они поставляли казенный провіантъ въ крѣпости на новую линію на разстояніи 300 в. Кромѣ того, они содержали 7 почтовыхъ станцій и 6 зимовьевъ, на коихъ находилось по 6 лошадей для возки воинскихъ людей и казенныхъ пакетовъ; это назывались „междворными подводами", и за нихъ прогоновъ крестьяне не получали. На этихъ станціяхъ, зимовьяхъ и при „междворныхъ подводахъ" изъ 1275 ревизскихъ душъ этой слободы находилось 109 человѣкъ. Кромѣ обычной подворной повинности, сибирскіе крестьяне были обязаны еще взводить по рѣкамъ дощаники съ казеннымъ провіантомъ за ничтожную поверстную плату. Депутатъ отъ 4-хъ линій сибирскихъ казаковъ Анциферовъ, возражая тобольскому депутату Медвѣдеву, указываетъ на „кровавые труды" сибирскаго крестьянства, за которые ему

---

1) Потанинъ, „Матеріалы", 204.

2) Ibidem, 307.

можно и позволить заниматься кое какою мелочной торговлей. „Въ сибирскихъ странахъ, говоритъ онъ, крестьяне посылаются отчасти неволею, каждый годъ тысячи по 2 и болѣе, чтобы доставлять на судахъ вверхъ по Иртышу воинскій провьянтъ для продовольствія воинскихъ командъ и государевыхъ лошадей. Это разстояніе отъ ихъ домовъ, начиная отъ города Верхотурья до Шульбинскаго форпоста, заключаетъ въ себѣ не менѣе 2000 в. Слѣдуя до крѣпости Омской пѣшіе, а отъ Омской до упомянутаго форпоста и до крѣпости Усть-Каменногорской водою на судахъ, въ лямкахъ, они бываютъ въ пути туда и обратно года по 2, покидая все земледѣліе и домашнее хозяйство. Плата имъ производится, когда они бываютъ на судовой работѣ, по 1 к. за версту, пропитаніе же и одежда ихъ собственныя. Хотя бы иногда за погодами, или мелководьемъ, или за другими препятствіями они и простояли на одной верстѣ болѣе недѣли, то всетаки они получаютъ ту же однокопеечную плату. На обратный путь пѣшимъ дается только по 5 коп. на 100 верстъ“ [1]). Въ наказахъ сибирскихъ крестьянъ все это иллюстрируется частными примѣрами. Напр., крестьяне, жившіе въ Тарѣ, разсказываютъ въ своемъ наказѣ, что съ 1761 г. въ мартѣ мѣсяцѣ отъ нихъ ежегодно отправляется въ Омскую крѣпость 40 и болѣе человѣкъ для взвоза по Иртышу въ верхъиртышескія крѣпости дощаниковъ съ казеннымъ провьянтомъ; эти люди бываютъ въ отлучкѣ болѣе полугода, а нѣкоторые и весь годъ, такъ какъ вслѣдствіе весьма быстраго теченія Иртыша по порогамъ отъ Ямышевской и Семипалатинской до Шульбинской крѣпостей, а также и частыхъ мелей, взвести одинъ дощаникъ на 4 или 5 в. они успѣваютъ только въ трое и болѣе сутокъ, а плату получаютъ по расписанію сухимъ путемъ по копейкѣ на версту. Вслѣдствіе долгой отлучки изъ дома, они запускаютъ свои пашни,

[1]) Сб. Р. И. О., т. IV.

впадаютъ въ нищету и дѣлаются несостоятельными къ уплатѣ податей, такъ что за нихъ приходится платить міру. Немало людей также изъ нихъ отправлялось каждое лѣто для проведенія до г. Тобольска плывущихъ изъ верхъиртышскихъ крѣпостей порожнихъ дощаниковъ; они употребляютъ на это недѣль по 5 и болѣе, между тѣмъ какъ плату получаютъ по разстоянію сухимъ путемъ отъ Тары до Тобольска (560 в. только въ одну сторону) по копейкѣ за 10 верстъ, т. е. 56 коп. на человѣка, чего не хватаетъ имъ и на содержаніе, такъ что, идя домой обратно изъ Тобольска, они принуждены бываютъ кормиться милостыней. Той же повинности подлежали и другіе крестьяне тарскаго уѣзда. Крестьянъ г. Туринска назначали въ Ямышевскую крѣпость для взвода провьянтскихъ дощаниковъ; зимой ихъ отправляли изъ дома пѣшкомъ болѣе чѣмъ за 1000 верстъ до Омской крѣпости и далѣе; хотя они и получали плакатную плату за взводъ оттуда дощаниковъ, но она была такъ ничтожна, что каждый, кто только имѣлъ возможность, нанималъ за себя другого, платя отъ 16 до 20 р., а отправлявшіеся сами едва черезъ годъ возвращались домой; нѣкоторые-же оставались въ крѣпостяхъ и на другой годъ, покинувъ свои дома и хлѣбопашество. Этихъ крестьянъ посылали также до Тобольска и въ верхъиртышскія крѣпости. Въ ишимскомъ уѣздѣ для отвода дощаниковъ ежегодно отправлялось отъ 200 до 800 человѣкъ, такъ что каждому приходилось бывать на этой работѣ черезъ 2 или 3 года. Идущему для отвода дощаниковъ остальные крестьяне давали въ подмогу отъ 8 до 12 р. и болѣе. Работники уходили ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ, а возвращались лишь въ ноябрѣ и декабрѣ; нѣкоторые „за всеконечною скудностью, болѣзнью и неимѣніемъ при себѣ никакой одежды остаются даже до тепла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стужей ихъ задержать можетъ“. Та же повинность существовала и въ восточной Сибири. Крестьяне нѣкоторыхъ слободъ иркут-

ской губ. илимскаго вѣдомства сплавляли за плакатную плату казенный провьянтъ внизъ по Ленѣ до Якутска на разстояніи 200 в.; прежде же сплавляли еще далѣе, давая отправляющимся на работу по 30 р. подмоги, такъ какъ имъ приходилось оставаться также отъ 2 до 5 лѣтъ. Кромѣ взвода дощаниковъ, по словамъ г. Семевскаго, сибирскіе крестьяне должны были еще мѣстами за плакатную плату строить ихъ, шить кули, нагружать дощаники и прочее. Такъ какъ это отвлекало ихъ отъ полевыхъ работъ въ самую страдную пору, то нѣкоторые крестьяне въ енисейскомъ уѣздѣ принуждены были нанимать за себя другихъ, „запродавая послѣдній свой скотъ и закладывая дѣтей". Поэтому крестьяне просили, чтобы такія работы исполнялись по подряду. Крестьянамъ ишимскаго уѣзда приходилось относить не мало работы и совершенно безплатно: они строили и чинили провьянтскіе и соляные магазины, выгружали казенную соль, перемѣривали провьянтъ, перевозили его на мельницы, — и за все это не получали, по ихъ словамъ, никакого вознагражденія. Въ илимскомъ вѣдомствѣ иркутской губерніи хотя крестьянамъ за постройку плотовъ и барокъ и давали плакатную плату, но они должны были прибавлять еще и своихъ денегъ рублей по 20 и болѣе. Но особенно несносно было въ теченіе всего XVIII в. положеніе сибирскихъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ. Правительство, смотря въ первую половину этого вѣка на Сибирь, какъ на колонію отчасти горнозаводскую, щедро „приписывало" ихъ, т. е. отдавало въ полную кабалу цѣлыми тысячами разнымъ частнымъ лицамъ, переводило съ одного мѣста на другое за цѣлыя тысячи верстъ, употребляло на постройку заводовъ даже частныхъ лицъ и т. п. При постройкѣ верхотурскихъ желѣзныхъ заводовъ, напримѣръ, для разныхъ деревянныхъ подѣлокъ назначено было 478 человѣкъ. Въ 1701 г. наряжено было 200 человѣкъ для ломки и возки желѣзной руды, 500 для постройки пло-

тины и пр.; поэтому верхотурскій воевода доносилъ, что строить крестьянами каменное строеніе въ Верхотурьѣ „никоими дѣлы невозможно“ [1]). Обращеніе съ крестьянами было самое возмутительное. Верхотурскіе крестьяне, напр., жаловались на Акинѳія Демидова, что онъ даже не платитъ имъ денегъ за работы на его невьянскихъ желѣзныхъ заводахъ. „Угольныя дрова рубимъ, говорили они, по 500 человѣкъ, по 5 саженъ на человѣка, и желѣзо, и всякіе военные припасы отъ него, Акинѳея, къ заводу на Чусовую рѣчку на пристань возимъ на вся года, наймуючи дорогой цѣной. А отъ Невьянской слободы тѣ заводы удалены верстъ на 100. И держитъ онъ, Акинѳей, у себя на заводѣ для перевозки и сѣчки угольныхъ дровъ недѣли по 4 и больше; и принимая къ себѣ отъ него, Акинѳея, всякую бѣдность и голодъ терпимъ, потому что дровяныя сѣчки бываютъ у него намъ не во время, зимнею порою по снѣгу; а онъ, Акинѳей, за тое работу за рубку дровъ и за кладку кучъ и за возку желѣза и припасовъ денегъ намъ не даетъ, невѣдомо для чего, и отъ чего мы его, Акинѳіевой, непомѣрной изгони обнищали и задолжали, и всеконечно разорились, и многіе наша братья крестьяне разбрелись невѣдомо куда и всеконечно разорились отъ него, Акинѳея“ [2]). Въ 20-хъ годахъ положеніе крестьянъ было еще хуже, въ чемъ можно убѣдиться изъ вышеприведеннаго нами письма генерала Геннинга. При Елизаветѣ, въ 50-хъ годахъ, началась особенно щедрая раздача заводовъ и крестьянъ частнымъ лицамъ (Воронцову, Шувалову и пр.), а съ этимъ вмѣстѣ и крайне тяжелыя времена для крестьянъ. Вотъ что говоритъ о приписныхъ заводскихъ крестьянахъ академикъ Лепехинъ: „отъ Ерзовки въ 10 верстахъ была станція Туринская, въ которой съ самаго пріѣзда великое можно было видѣть

[1]) Памят. сиб. ист. XVIII в., I, № 24.
[2]) Памят. сиб. ист. XVIII в., I, № 79.

различіе отъ другихъ крестьянъ: всякъ показывалъ смутное лицо, отмѣнно былъ подобострастенъ, и все ихъ сельское домостроительство было въ разстройкѣ; не видно на ихъ лицахъ такого раченія, какъ у другихъ крестьянъ; многія пашни стояли запущены и обросшія волчцемъ, да и хижины ихъ почти совсѣмъ развалились отъ ветхости и худого присмотра. Въ такое состояніе привелъ ихъ жребій, возложившій на нихъ заводскую работу; а отдаленность заводовъ въ большее ихъ привела убожество противу другихъ крестьянъ, тому же подверженныхъ жребію" [1]. Какъ мы замѣтили выше, особенно тяжело было положеніе крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ: владѣльцы ихъ могли заставлять крестьянъ работать сверхъ подушнаго оклада (1 р. 70 к.), могли сами наказывать ихъ за неповиновеніе и нерадѣніе; крестьяне должны были отбывать уроки за всѣ ревизскія души—стариковъ, дѣтей, больныхъ, умершихъ. Плата крестьянамъ была очень незначительна: лѣтомъ пѣшему платили въ день 5 коп., а конному 10 коп., зимой же пѣшему—4, конному 6. Истязанія практиковались страшныя: били батогами, плетьми, держали на цѣпи по нѣскольку дней, заковывали въ кандалы, забивали въ колодки. На демидовскихъ заводахъ наказывали кошками, надѣвали на шею огромные желѣзные рога, которыхъ иногда не снимали по нѣскольку недѣль. Жалобы крестьянъ въ сибирскую губернскую канцелярію и въ канцелярію главнаго управленія были всегда напрасны—всѣ подъячіе были задарены прикащиками частныхъ владѣльцевъ. Въ экономическомъ бытѣ крестьянъ происходило полное разстройство, какъ гласитъ одна челобитная: „и такъ по вышеписаннымъ къ заводамъ самотягчайшимъ употребленіемъ отлучкою изъ домовъ своихъ въ заводскія работы употреблялись, а при домѣхъ оставались однѣ только жены съ малолѣтними дѣтьми и старыми, дрях-

---

[1] V, 45.

лыми и работать не могущими людьми, кои не токмо подъ посѣвъ въ вешнее время ярового, а въ зимнее озимаго землю вспахать и хлѣба посѣять, но и посѣянный хлѣбъ съ поля съ превеликою нуждою едва исправляться могли, а у прочихъ, за малопашествомъ и по недостатку за несмотрѣніемъ, и скотомъ весь поѣденъ... А многіе, какъ маломочные, такъ средніе и прочіе крестьяне, и не заработавъ своихъ окладовъ изъ году въ годъ изъ тѣхъ заводовъ за дальностью не выходя, домишковъ своихъ лишились, покинувъ впустѣ" [1]). Изъ этого видно, что часто заводчикъ самовольно переводилъ крестьянъ ближе къ заводу, не потрудившись даже узнать, есть ли вблизи завода удобная для пашни земля. Къ довершенію крестьянскихъ бѣдствій, заработанныя деньги часто не выдавались; заводскія конторы захватывали себѣ монополію продажи хлѣба и прочихъ необходимыхъ продуктовъ и продавали ихъ за сравнительно высокую цѣну, наживая себѣ барышъ. Число приписанныхъ крестьянъ было довольно значительно; отъ 1757 до 1760 г. только въ двухъ демидовскихъ заводахъ—Кыштымскомъ и Кислинскомъ—показано 328 человѣкъ. Вслѣдствіе невыносимаго положенія крестьянъ на этихъ заводахъ, между ними иногда происходилъ открытый ропотъ, особенно въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ 1760 г. разразилось волненіе въ Масленскомъ острогѣ (недалеко отъ Шадринска) и въ Борщевской слободѣ, потому что крестьяне не хотѣли идти на работы въ Азяшъ-Уфимскій заводъ, отстоявшій на нѣсколько сотъ верстъ. Въ 1762 г. возникло волненіе въ Невьянской и Нижнетагильской слободахъ; въ этомъ же году бѣжали съ Ревданскаго завода крестьяне Аятской слободы. Эти волненія были настолько серьезны, что производить слѣдствіе по этому дѣлу былъ посланъ самой императрицей

---

[1]) Изъ статьи г. Семевскаго: „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ съ 1760—1764 г." В. Е. 1877 г., №№ 1 и 2.

кн. Вяземскій, бывшій впослѣдствіи генералъ-прокуроромъ сената [1]). Крестьянъ приписывали даже къ купеческимъ заводамъ, какъ, напримѣръ, къ туринскимъ и верхотурскимъ заводамъ откупщика Походяшина. Этотъ откупщикъ, для котораго въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ уже истекъ 10-ти лѣтній срокъ пользованія почти даровымъ крестьянскимъ трудомъ, старался показать передъ правительствомъ свое хорошее отношеніе къ крестьянамъ: написалъ Вяземскому обстоятельное письмо, въ которомъ говорилъ, что заводы существуютъ и для пользы крестьянъ, и что онъ своимъ крестьянамъ назначилъ плату въ 1½ раза бо̀льшую, чѣмъ на другихъ заводахъ. Къ тому же его крестьяне не приносили Вяземскому жалобъ на него. Поэтому, вѣроятно, въ 1765 г. бергъ-коллегія распорядилась о продленіи десятилѣтняго срока приписки къ его заводамъ, именно, считая его съ того времени, какъ они дѣйствительно начали работать; потомъ этотъ срокъ былъ продолженъ еще болѣе. Положеніе крестьянъ на этихъ заводахъ было, конечно, не блестяще, и въ 1767 г. они поручили своимъ депутатамъ въ Екатерининской коммиссіи просить объ освобожденіи ихъ отъ заводскихъ работъ и немедленно сами прекратили ихъ. Конечно, это волненіе тотчасъ было подавлено. Каковы были работы заводскихъ крестьянъ, видно изъ наказа приписныхъ государственныхъ крестьянъ г. Кунгура: 1) они посылаются во всѣ горные заводы въ старосты, съ дровами, для пріема и отдачи всякихъ заводскихъ припасовъ (168 человѣкъ и безъ всякой платы); 2) какъ лѣтомъ, такъ и зимою они обязаны работать при заводахъ, получая за это лѣтомъ по 5 коп. въ день, а зимой—4; а если, по какой-нибудь законной причинѣ, имъ самимъ работать нельзя, то они нанимаютъ вольныхъ, съ платою лѣтомъ 10 коп., а зимой 8 коп. въ день уже изъ своихъ денегъ; 3) въ апрѣлѣ

---

[1]) Подробности волненій въ указанной статьѣ г. Семевскаго.

высылаются къ рубкѣ куренныхъ дровъ (на человѣка по 5, 10 и 15 саженъ); за каждую сажень получаютъ по 25 коп.; не могущіе отработать этого сами, нанимаютъ вольныхъ, которымъ платятъ по 50—60 коп.; не имѣющіе средствъ для найма вольныхъ, работаютъ и май мѣсяцъ; 4) въ іюнѣ они снова высылаются, чтобы сложить означенныя дрова и ссыпать въ 20-ти саженныя кучи. Для этой работы 2 человѣка съ лошадьми должны употребить 20 дней; плата же за то только 2 руб.; между тѣмъ въ это время бываетъ посѣвъ озимаго хлѣба; 5) въ сентябрѣ крестьяне должны эти кучи сжечь и разломать на уголь. Эту работу 2 человѣка могутъ исполнить въ 7 или 8 недѣль и получаютъ за все 3 р. 40 коп. Въ зимнее время крестьяне высылаются возить изъ упомянутыхъ кучъ уголь на заводы. За нагребку, свалку и перевозъ угля они получаютъ по деньгѣ на версту; 6) эти же крестьяне должны ставить на заводы смолу и деготь, получая плату по $3^3/_4$ к. за ведро смолы и по $3^1/_2$ коп. за ведро дегтя. Для покупки того и другого они должны ѣздить за 100, за 200 и даже за 300 верстъ и покупать по 20, 25 к. за ведро, приплачивая изъ своихъ денегъ. А такъ какъ за провозъ они не получаютъ никакой платы, то отъ этого приписные къ заводамъ крестьяне въ конецъ разоряются; 7) сверхъ всѣхъ этихъ работъ, въ селахъ, деревняхъ и острожкахъ, лежащихъ при большихъ проѣзжихъ дорогахъ, они отправляютъ гоньбу, чистятъ дороги, мостятъ мосты и употребляются въ конвой; все это они должны дѣлать безъ всякой платы; 8) наконецъ, эти крестьяне отправляютъ всѣ вышеписанныя заводскія работы за старыхъ, дряхлыхъ, умершихъ и малолѣтнихъ. „Вышеозначенныя обстоятельства, говорится въ наказѣ, приводятъ черносошныхъ крестьянъ въ крайнее изнеможеніе, такъ что они приходятъ не въ состояніе платить и подушныхъ денегъ [1])“.

---

1) Сб. Р. И. О., IV, 334.

Къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ крестьянъ приписывали цѣлыми тысячами. Иногда приписывали къ заводу даже инородцевъ. Кн. Гантимуровъ проситъ передъ коммиссіей за тунгусовъ, вышедшихъ въ большемъ числѣ изъ Китая, принявшихъ православіе и поселившихся около Нерчинска; они занимались хлѣбопашествомъ столь усердно, что ржаная мука упала до 12—20 коп. пудъ. Но вдругъ въ началѣ 60-хъ годовъ они вмѣстѣ съ русскими крестьянами (всего 4 острога и 5 слободъ съ деревнями) были приписаны къ казеннымъ заводамъ и стали употребляться на заводскія работы. Ихъ экономическое положеніе очень скоро ухудшилось, земледѣліе пало, а цѣна ржаной муки поднялась въ Нерчинскѣ до 1 р. „У нихъ у самихъ хлѣбопашество умалилось, говоритъ Гантимуровъ, и сколько и въ урожаѣ бываетъ, то отъ горнаго начальства переписывается, и что на ихъ семьи для довольствія въ годъ принадлежитъ, то имъ отдается, а излишній весь въ казну для заводовъ отписывается и въ продажу имъ употреблять не можно“ [1]). И въ другихъ мѣстностяхъ восточной Сибири существовали крестьяне, приписанные къ заводамъ, иногда въ мѣста довольно отдаленныя отъ ихъ мѣстожительства. Изъ крестьянъ г. Красноярска ежегодно отправлялось около 500 человѣкъ на Ирбенскій заводъ, находившійся въ разстояніи 400 верстъ. Изъ двухъ другихъ мѣстъ енисейской провинціи крестьяне также прежде ходили на эти заводы и потому опасались, чтобы ихъ не стали вновь посылать на подобную работу.

Сличая сибирскіе купеческіе и крестьянскіе наказы, мы видимъ, что на сколько первые всецѣло проникнуты интенсивнымъ желаніемъ монополій и привилегій на счетъ другихъ сословій, особенно крестьянскаго, на столько послѣдніе чисты отъ подобныхъ стремленій; между тѣмъ какъ купцы просятъ о юридическомъ

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. 32, стр. 392.

закабаленіи имъ инородцевъ, незаконнорожденныхъ, дѣтей нищихъ, о запрещеніи заниматься крестьянамъ какою бы то ни было торговлею, о правѣ покупать землю, крѣпостныхъ людей, о казенныхъ субсидіяхъ, о строго замкнутой организаціи цеховъ и т. п.,— крестьяне, выставляя на видъ свои нужды, „изнеможенія" и притѣсненія, просятъ только объ устраненіи, о смягченіи ихъ тягостей; они не просятъ ничего *положительнаго*, никакой прибавки, они добиваются только *отрицательнаго*—отмѣны возложенныхъ на нихъ непосильныхъ повинностей; между тѣмъ какъ купцы и казаки—партія нападающая, воинствующая, крестьяне—партія защищающаяся и защищающаяся только просьбами сохранить ихъ „отъ всеконечнаго разоренія" и аргументирующая не ухищренной реторикой, а лишь краснорѣчіемъ подавляющихъ фактовъ... Но была одна еще болѣе обездоленная группа населенія въ Сибири—инородцы, обижать которыхъ осмѣливались и крестьяне, сами со всѣхъ сторонъ обижаемые. Къ сожалѣнію, мы не слышимъ голоса инородцевъ: въ коммиссіи они были такъ же безгласны, какъ въ сибирскихъ судахъ и канцеляріяхъ. Впрочемъ, отъ „иновѣрцевъ", какъ мы видѣли выше, было выслано 4 депутата. Изъ записки генералъ-прокурора кн. Вяземскаго о кангаланскихъ якутахъ можно заключить, что эти якуты сами выбрали своихъ представителей, даже безъ приказанія со стороны мѣстной администраціи [1]). Депутаты отъ бурятъ также были высланы, судя по тому, что запиской отъ 1 августа 1768 г. кн. Вяземскій сообщаетъ въ сенатъ о приказаніи императрицы выдавать по 40 руб. въ годъ депутатамъ селенгинскихъ и нерчинскихъ вѣдомствъ Конжалу Держинаеву и перекрещенцу Семену Петрову [2]). То же самое раздѣленіе на двѣ партіи--нападающихъ и защищающихся—

---

[1]) Андріевичъ, IV, 55.
[2]) Ibidem.

замѣтимъ мы, сличая наказы привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій Европейской Россіи: и тамъ первыя стремятся расширить свои права, и расширить не иначе, какъ на счетъ непривилегированныхъ; и тамъ первыя нападаютъ, вторыя защищаются; и тамъ нападаетъ сравнительно незначительная группа лицъ, защищаются цѣлыя массы...

Какъ и прилично „зеркалу", на Сибири отразилось то же возникающее преобладаніе въ жизни экономическаго принципа надъ сословнымъ, только еще чище, очевиднѣе, вслѣдствіе отсутствія въ ней исторически-привилегированныхъ сословій.

VI.

Бросая ретроспективный взглядъ на сибирскіе купеческіе и казацкіе наказы, мы видимъ, что содержаніе и смыслъ ихъ сводится только къ грошевымъ эгоистическимъ интересамъ, наживѣ во чтобы ни стало и къ кабалѣ обездоленныхъ. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; напротивъ, было бы удивительно и не понятно, еслибы правящій слой сибирскаго населенія обнаруживалъ иныя тенденціи и наклонности. Мы, кажется, убѣдимся въ этомъ, разсмотрѣвъ составъ русскаго населенія старинной Сибири, элементы, которыми оно обновлялось, среду, въ которой оно дѣйствовало, и, наконецъ, степень его нравственнаго и умственнаго развитія. Первыми колонизаторами Сибири и первыми вносителями въ нее „русской идеи" и „русской культуры", были, какъ извѣстно, гулящіе русскіе люди конца XVI вѣка, „казацкая вольница", всякій сбродъ, люди, частью озлобленные на вся и всѣхъ за свою не задавшуюся жизнь, частью развращенные, отрекшіеся отъ всякихъ принциповъ даже тогдашней узкой морали, полюбившіе убійство, разбой и грабежъ, какъ средство для проявленія свой дикой удали, безобразныхъ кутежей и всякихъ грубыхъ наслажденій. Воспитанные на ужасахъ царствованія Грознаго, при-

выкшіе къ постояннымъ человѣческимъ гекатомбамъ и жестокостямъ опричнины, русскіе Колумбы, естественно, переносили все это и на дѣвственную почву Сибири, гдѣ нашли для проявленія своихъ дикихъ и хищническихъ инстинктовъ полный просторъ и множество поводовъ: съ одной стороны, цѣлыя массы беззащитныхъ и добродушныхъ инородцевъ, людей другой расы, къ тому же „поганыхъ идолопоклонниковъ“, „твари“, годной только для эксплуатаціи и кабалы; съ другой—все это, что считалось роскошнымъ и изящнымъ въ старинной Руси: бархатный, пушистый бобръ, бѣлоснѣжный горностай, соболь, „съ давнихъ дней предметъ горячаго желанья бояръ московскихъ и князей“... Все это можно было получить отъ инородца. И XVII вѣкъ, который кровавыми буквами долженъ быть записанъ въ сибирской исторіи, прошелъ въ походахъ для объясачиванья инородцевъ и подведенія ихъ „подъ высокую государеву руку“. Трудно повѣрить, чтобы мирные и добродушные инородцы возставали почти поголовно, хотя и неудачно, однако свѣдѣніями о такихъ возстаніяхъ испещрены страницы сибирскихъ лѣтописей XVII вѣка. Таково было ядро правящаго сибирскаго класса. Была, конечно, и вольная крестьянская колонизація, но и она отчасти или охватывалась всеобщею страстью къ звѣроловству, или состояла также изъ людей озлобленныхъ своей неудавшейся жизнію: кто-жъ, въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ отъ добра въ совершенно невѣдомый, дикій край? Наконецъ, она забиралась куда нибудь въ мѣста поглуше, занималась земледѣліемъ и желала только схорониться отъ волокиты воеводъ. Кромѣ того, съ 1698 г. эта колонизація была затруднена „заставами крѣпкими“. Въ концѣ XVII вѣка Сибирь стали заселять также, волей и неволей, раскольники, люди консервативныхъ старинныхъ взглядовъ со всею ихъ ограниченностью, замкнутостью, презрѣніемъ и даже ненавистью къ „никоніанцамъ“. Воеводы, служилые люди и духовные вполнѣ гармо-

нировали со всѣми прочими представителями „русской идеи". Въ слѣдующемъ XVIII вѣкѣ, особенно въ первой его половинѣ, сибирское населеніе обновлялось преимущественно ненормальными элементами населенія Россіи. Въ 1705 году, напримѣръ, сослано въ Сибирь множество астраханскихъ стрѣльцовъ и казаковъ за бунтъ. Разселенные по разнымъ неудобнымъ мѣстамъ, они сбивались въ громадныя шайки и постоянно производили убійства, грабежи и разбои. Въ Сибирь же до 1722 года не переставали ссылать и раскольниковъ, такъ что, по словамъ г. Андріевича, „въ 1719 году болѣе четверти всего сибирскаго населенія составляли бѣглые, пришлые люди" [1]). Подобные же элементы обновляли сибирское населеніе и въ послѣдующее время. Такъ указомъ отъ 24 февраля 1728 г. приказано ссылать въ Сибирь всѣхъ колодниковъ, виновныхъ въ разнаго рода преступленіяхъ, не подлежащихъ смертной казни, а также и тѣхъ, кои подлежатъ временной ссылкѣ на каторгу,—первыхъ посылать послѣ наказанія, а вторыхъ безъ наказанія. Указомъ отъ 13 ноября 1740 года, „для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны", приказано всѣхъ: драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ, сосланныхъ въ каторжную работу съ вырѣзаніемъ ноздрей, освободить и сослать въ дальніе города Сибири на вольное житье. Не мало людей ссылалось въ Сибирь помѣщиками; конечно, странно было бы утверждать, что всѣ эти ссыльные были агнцы, навлекшіе на себя злобу господъ и за то сосланные; ужъ, навѣрное, не менѣе $^3/_4$ изъ нихъ были люди порочнаго поведенія. Вообще, по словамъ г. Андріевича, „заселеніе Сибири во время царствованія Екатерины I, Петра II и Анны Ивановны, помимо естественнаго прироста неселенія, производилось, главнымъ образомъ, ссыльными" [2]). „Естественный при-

---

1) „Ист. оч. Сиб.", II, 42.

2) „Ист. оч. Сиб.", II, 169.

ростъ населенія въ Сибири въ половинѣ XVIII вѣка, говоритъ онъ, былъ самый ничтожный, и Сибирь, по прежнему, питалась наплывомъ пришлыхъ русскихъ, и добровольныхъ, и ссыльныхъ" [1]). Всѣ ссыльные, повліявшіе на приростъ сибирскаго населенія, принадлежали къ самымъ низшимъ, грубымъ классамъ русскаго населенія; хотя во вторую четверть XVIII вѣка въ Сибирь была сослана и масса лицъ изъ болѣе образованныхъ, привилегированныхъ сословій, но они, говоритъ г. Андріевичъ, „слѣда своего въ крови сибиряковъ не оставили, потому что большинство изъ нихъ, перенесшіе пытки и жестокія истязанія, должны были вымирать безслѣдно. Въ данное же время ростъ сибирскаго населенія шелъ изъ двухъ корней: гулящаго сброда, захватившаго земли и успѣвшаго осѣсться теперь, и отъ сосланныхъ въ концѣ XVII вѣка малороссовъ и въ петровское время стрѣльцовъ". Этотъ ссыльный людъ, оторванный отъ привычной для него обстановки, занятій, и перенесенный въ сферу совершенно чуждую, естественно, долженъ былъ ютиться въ городахъ, какъ и теперь, гдѣ все-таки было больше источниковъ къ существованію, чѣмъ въ деревняхъ; туда особенно стремились лица изъ ссыльныхъ, не привыкшія въ Россіи къ крестьянскому труду. Штрафованные подъячіе находили здѣсь спросъ на свою грамотность; они часто успѣвали втираться къ воеводамъ и получали вліяніе на дѣла; такъ въ началѣ XVIII вѣка красноярцы жаловались на ссыльныхъ „воровъ-подъячихъ", которые вмѣстѣ съ воеводами Башковскими и Дурново обижали жителей; изъ указа отъ 12 января 1739 года видно, что ссыльные и бѣглые попадали иногда въ воеводы. Эти то селившіеся по городамъ ссыльные и дали начало сибирской буржуазіи XVIII вѣка, если можно такъ выразиться о сибирскихъ горожанахъ. Въ силу своей бо́льшей ловкости, опытности, бывалости,

---

[1]) Ibidem, IV, 119.

они естественно заняли лучшее положеніе въ старинной сибирской bellum omnium contra omnes. По женской линіи предки сибирскихъ горожанъ и казаковъ были не лучше. Вслѣдствіе крайняго недостатка въ русскихъ женщинахъ въ старинной Сибири, русскіе часто женились на инородкахъ, что, въ большинствѣ случаевъ, врядъ ли хорошо отзывалось на потомствѣ. По словамъ Рибо, извѣстнаго знатока подобныхъ вопросовъ, „когда два народа, стоящіе на низкой степени умственнаго развитія, скрещиваются между собою, то потомство, какъ кажется, выходитъ необыкновенно дурнымъ“ [1]). А ни инородцы, ни старинные сибиряки не могли похвалиться умственнымъ развитіемъ. Правительство старалось пополнить этотъ недостатокъ въ женщинахъ, посылая туда женщинъ распутныхъ и колодницъ. Такъ въ 1637 году послано въ Сибирь 150 дѣвицъ для женитьбы казакамъ; въ 1751 году указано было о неотправленіи въ Рогервикъ колодницъ, приговоренныхъ къ смертной казни, но о препровожденіи ихъ въ Сибирь на житье; въ 1759 году было опредѣлено посылать на сибирскія линіи годныхъ для замужества женщинъ. Эти женщины, имѣвшія отъ 19 до 40 лѣтъ, ссылаемы были за крупныя преступленія, большею частью за преступленія противъ семейства. Напр., изъ 77 женщинъ, доставленныхъ въ 1759 году на линію черезъ Омскъ, было сослано: 24 за мужеубійство, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, другія за кражу, побѣгъ, поджогъ. Скоро ихъ разобрали по рукамъ: ихъ брали холостые офицеры „въ услуженіе“, ихъ руки и сердца искали казаки, солдаты и разночинцы. Бригадиръ былъ заваленъ подобными просьбами: „понеже я, нижайшій, изъ ссыльныхъ. дѣвицу Лизу добровольно сговорилъ для себя въ замужество, токмо безъ дозволенія вашего превосходительства того учинить не могу, того ради всепокор-

---

1) „Наслѣдственность душевныхъ свойствъ“, 332.

нѣйше прошу дозволить мнѣ, нижайшему, на показанной дѣвкѣ ссыльной бракосочетаніе дать". „Подобныя женщины, замѣчаетъ по этому поводу Шашковъ, не могли быть, конечно, ни хорошими женами, ни прародительницами здороваго поколѣнія. Онѣ не вносили никакихъ облагороживающихъ элементовъ въ сибирскую жизнь" [1]). Капитанъ Андреевъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что онъ „жены своей никуда не отпускалъ въ гости, ибо всѣ офицерскія жены распутныя, о которыхъ уже я, будучи холостымъ, довольно по обращенію навѣдался" [2]). 20 мая 1763 года велѣно было ссылать въ Нерчинскъ женщинъ, виновныхъ въ непотребствѣ [3]).

Сибирское общество того времени, какъ и семья, не могло дѣйствовать воспитательно, на что единогласно указываютъ всѣ путешественники. Мы уже знакомы отчасти съ отзывомъ Шаппа о Тобольскѣ. О Томскѣ Палласъ отзывается не лучше. „Ни единаго мѣста не видалъ такого, говоритъ онъ, въ которомъ бы пьянство было толь обще и въ толь бы высокой степени, какъ въ Томскѣ; еще къ тому два господствующіе и между собою свойственные порока суть блудодѣяніе и французская болѣзнь; но на сіе и во всѣхъ сибирскихъ городахъ жалуются, и оныя, соединяясь съ первымъ, служатъ населенію сея земли, безъ сумнѣнія, ужаснымъ препятствіемъ, а особливо послѣднее по причинѣ недостатка для истребленія онаго порядочныхъ лѣкарей отъ часу усиливается" [4]). Населеніе болѣе глухихъ и отдаленныхъ мѣстностей, разумѣется, было еще болѣе дико и непривлекательно. Вотъ, напримѣръ, что говорится въ „Описаніи рос. народовъ" о русскихъ обитателяхъ Камчатки: „удобность наслаждаться виномъ, любовью и женщинами тамошними безъ дальнихъ препятствій и убытковъ, промышлять и обогащаться, заглу-

---

1) „Очерки нравовъ въ стар. Сиб." От. Зап. 1867 г., 10 и 11 №№.
2) „Чтенія въ общ. ист. и древн.", 1870 г., IV.
3) „Очер. сиб. ист.", IV, 105.
4) II, 423.

шаетъ въ сихъ камчадалахъ и ссыльныхъ, народѣ притупленномъ, охоту ко всякимъ лучшимъ наслажденіямъ и прилѣпляетъ ихъ столько къ ихъ дикой жизни, что они почитаютъ себя счастливыми и другого образа жизни не желаютъ. Въ холодныхъ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ странахъ Сибири живущіе, столько же худо, какъ и природные жители, живутъ: въ дымящихся, всегда темныхъ и не чистыхъ, юртахъ, безъ всякой почти домашней рухляди, одѣваются въ невыдѣланныя звѣриныя кожи, питаются звѣринымъ мясомъ, рыбою и кореньями часто безъ хлѣба и соли и привыкли часто (поелику индѣ трудно дровъ доставать) многое болѣе или менѣе, а иное совсѣмъ сырое ѣсть" [1]). Впрочемъ, намъ нечего удивляться обитателямъ далекой Камчатки, когда, повидимому, вопросы нравственнаго порядка были чужды жителямъ такихъ крупныхъ центровъ Сибири того времени, какъ Иркутскъ. Въ 1760 г. иркутяне отправили вслѣдъ за смѣненнымъ слѣдователемъ Крыловымъ прошеніе, въ которомъ они подробно исчисляли всѣ убытки, понесенные ими, но ни однимъ словомъ не упомянули о тѣхъ наглыхъ оскорбленіяхъ и насиліяхъ, которыя причинялъ Крыловъ ихъ женамъ и дочерямъ и которыя, по истинѣ, были возмутительны. А. Сибиряковъ, какъ мы видѣли выше, также не упоминаетъ объ этомъ въ коммиссіи ни одного слова. Семейныя отношенія въ Сибири того времени не отливались и въ правильныя, хотя строго-консервативныя, формы, опредѣленныя церковными уставами и старинными обычаями; при отсутствіи моральнаго критерія высшаго порядка, очень важное общественное и лично-нравственное значеніе имѣютъ правила жизни, установленныя церковью и обычаемъ. Но весь складъ сибирской жизни XVII и первой половины XVIII в., какъ мы видѣли выше, не могъ выработать никакихъ, даже формально-общественныхъ и формально-нрав-

---

[1]) IV, 232.

ственнныхъ устоевъ; сами представители церкви показывали полное пренебреженіе ко всѣмъ нравственнымъ правиламъ, ею рекомендуемымъ. Старинный обычай сибирскихъ отцовъ женить своего семи или девятилѣтняго сына и жить потомъ со своей невѣсткой часто практиковался даже священниками. Въ началѣ XVIII вѣка домовыя дѣти боярскіе тобольскаго митрополита были посланы по всѣмъ сибирскимъ городамъ десятильниками и „городскимъ и уѣзднымъ людямъ нападками своими чинили разореніе и обиды, и налоги". Они не ограничивались постояннымъ удовлетвореніемъ своихъ страстей на счетъ обывательницъ, но „еще били ихъ и заставляли поневолѣ ложно говорить на городскихъ и уѣздныхъ всякихъ добрыхъ людей блудное воровство и съ тѣхъ людей имали себѣ взятки великія": доходило до того, что они „дѣвокъ разболокали до нага и давили груди до крови и всякое ругательство чинили". Въ половинѣ XVIII вѣка многіе священники якутской области прославились тѣмъ, что безъ всякаго стѣсненія вѣнчали женъ отъ живыхъ мужей и мужей отъ живыхъ женъ [1]). Всѣ эти факты достаточно указываютъ на низкій нравственный уровень сибирскаго духовенства прошлаго вѣка. Даже избранная, повидимому, часть духовенства,—члены русской миссіи въ Китаѣ,—замѣчательна была только пьянствомъ и безчинствомъ. Эти миссіонеры проматывали и свое жалованье, и церковныя деньги, и наносили китайцамъ жестокія обиды. Одинъ изъ нихъ, священникъ Филимоновъ, однажды, пьяный, забрался даже во дворецъ богдыхана и переколотилъ тамъ китайскихъ министровъ; его китайцы впослѣдствіи заковали въ кандалы и выслали въ Селенгинскъ. Послѣ этого онъ долго шлялся по Иркутску подъ именемъ странника хинскаго государства и забавлялъ обывателей разсказами о своихъ пекинскихъ похожденіяхъ [2]). Въ 1731 году китайскій

[1]) „От. Зап." 1867 г., №№ 10 и 11.

[2]) Ibid.

трибуналъ жаловался на него сенату: „священникъ Иванъ съ учениками въ государствѣ нашемъ обрѣтающійся тихомирно жить не можетъ, отъ чего несогласія и великія съ ними ссоры происходятъ. Онъ ранилъ въ руку жестоко священника Антонія, и для того священника Ивана къ обрѣтающемуся на границахъ вашихъ управителю отсылаемъ" [1]). А самъ архимандритъ Антоній пишетъ о немъ, что „22 іюня оный попъ, безчинно пьяный, за школьниками по двору бѣгавши, а потомъ ножемъ проколовши ему руку, по богдыханскому указу содержался въ желѣзахъ" [2]). Его преемникъ Илларіонъ Трусовъ оказался не лучше: онъ скоро впалъ въ пьянство и кощунство, надѣвая на себя женское китайское платье, въ которомъ приходилъ иногда въ церковь [3]). Таковъ былъ цвѣтъ духовенства, оффиціальные представители русской религіи въ иноземномъ государствѣ, контролируемые и наказуемые.

Легко изъ этого заключить, каковы должны быть духовныя лица глухихъ сибирскихъ селъ и городовъ. Пасомые, понятно, не могли быть лучше пастырей. Старинные сибиряки не считали предосудительнымъ бросить жену, переселиться въ другое мѣсто и тамъ снова завести законную семью. Въ 1740-хъ годахъ слѣдователи по одному дѣлу о двоеженствѣ доносили митрополиту Антонію, что случаи двоеженства и троеженства бываютъ столь же часто, какъ и женитьба на близкихъ родственницахъ. Не считалось также предосудительнымъ, какъ у какихъ нибудь дикихъ австралійцевъ и полинезійцевъ, отдавать на время отлучекъ изъ дома, женъ „въ кортомъ" другимъ. Обычай женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ съ извѣстными цѣлями также былъ весьма распространенъ. Въ 1749 г., напр., одинъ енисейскій крестьянинъ жаловался, что

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Дипломатическое собр. дѣлъ между рос. и кит. гос."

[2]) Ibid., 217.

[3]) Ibid., 218.

отецъ женилъ его семилѣтняго на сорокалѣтней дѣвкѣ, которой теперь уже 60 лѣтъ. Степень умственнаго развитія вполнѣ соотвѣтствовала степени развитія нравственнаго. Въ отдаленныя времена и въ Европѣ, и въ Россіи духовное сословіе считалось наиболѣе образованнымъ классомъ общества; но сибирское духовенство XVIII вѣка не доросло даже до простой грамотности. „Въ половинѣ XVIII вѣка, говоритъ Шашковъ, половина священниковъ и дьяконовъ не умѣла ни читать, ни писать. Вскорѣ по вступленіи на престолъ императрицы Анны разосланъ былъ указъ, которымъ духовенство обязывалось собственноручно расписаться подъ присяжными листами. Но въ нынѣшнихъ епархіяхъ тобольской и томской расписаться подъ этими листами съумѣла только половина священниковъ и дьяконовъ. За остальныхъ расписывались разные служилые люди, посадскіе или грамотные изъ причта и при этомъ чистосердечно говорили: „онъ, попъ, грамотѣ не умѣетъ". Много было такихъ, которые стыдились своей безграмотности и подпись за нихъ другихъ лицъ лукаво объясняли тѣмъ, что „онъ, попъ, слѣпъ", или „онъ, попъ, очами скорбенъ". Въ восточной Сибири такихъ священниковъ было еще больше и они проявляли какой-то страхъ передъ этимъ подписываніемъ. Со словъ одного священника вотъ что̀ писали иркутскому епископу Иннокентію: „я человѣкъ къ этому дѣлу неизобыченъ и не умѣю, что дѣлать: подьячаго нѣтъ, дьячекъ слабый и писать не смыслитъ; самъ заказчикъ (благочинный) знаетъ про меня, что мнѣ не сдѣлать; боюсь учинить ппороненіе, а потому прошу отъ такого дѣла за такой моей необычностью и недоумѣніемъ меня уволить". Даже лучшіе изъ духовныхъ, заказчики и инквизиторы, часто „не знали, какъ въ дѣлахъ правленія своего поступать, отправлять дѣла порядочно не могли и подлежащихъ по дѣламъ бумагъ писать" [1].

[1] „От. Зап." 1867 г., №№ 10 и 11.

(ук. тоб. митр. въ 1743 г.). Служилое сословіе было не болѣе образовано, такъ что разные ссыльные „воры-подъячіе“, въ силу своей грамотности, пріобрѣтали большое вліяніе на дѣла, какъ мы видѣли выше. „Сословіе статское, говоритъ Словцовъ, составляло свои длинныя бумаги какъ безъ порядка логическаго, такъ и безъ грамматическаго склада, особенно при начальникахъ изъ иноземцевъ. Купцы и посадскіе жили безъ книгъ, безъ чтенія. Свои хлопоты были на умѣ у всѣхъ“ [1]). По словамъ Шашкова, между оффиціальными сибирскими документами XVIII вѣка попадаются такіе, что никакъ нельзя добраться до ихъ настоящаго смысла. Объ образованности среди военнаго сословія и говорить нечего. Въ 1760 году генералъ Веймарнъ, командиръ сибирскихъ войскъ, разослалъ по командамъ циркуляръ о томъ, что если есть молодые люди, „читать и писать умѣющіе и часть ариѳметики знающіе изъ офицерскихъ дѣтей и кто къ такой наукѣ охотники окажутся, то, выбравъ, сколько таковыхъ найдется, прислать въ Омскую крѣпость при рапортахъ немедленно, которые тамъ инженерными офицерами обучаемы быть имѣютъ“. Но желающихъ не оказалось никого. Палласъ, проѣзжая по сибирскимъ линіямъ, замѣтилъ крайнее невѣжество офицеровъ и генераловъ и объяснялъ это тѣмъ, что „богъ войны есть врагъ музъ“. Фалькъ, упомянувъ о крайней дешевизнѣ жизни въ Тобольскѣ, замѣчаетъ: „но обхожденіе, всѣ выгоды общественной жизни и почти всѣ роды духовной пищи, если нужно прибѣгать къ нимъ, требуютъ въ сихъ городахъ, не исключая и самого Тобольска, величайшей хозяйственности“ [2]). Шаппъ также поражается невѣжествомъ жителей Тобольска, гдѣ даже митрополитъ Конюшкевичъ не имѣлъ самыхъ элементарныхъ астрономическихъ познаній. Когда при Екатеринѣ II хотѣли предпринять

---

[1]) „Ист. об. Сиб.“, I, 288.

[2]) „Путеш.“, 400.

топографическую съемку, то въ Сибири не нашлось для этого сколько нибудь знающихъ людей; мѣстное начальство не могло доставлять самыхъ элементарныхъ географическихъ свѣдѣнiй [1]). Впрочемъ, вся обстановка старинной сибирской жизни не располагала даже къ простой грамотности: грамотный былъ синонимомъ ябедника, и иногда даже за одно то, что читаешь книгу или сочиняешь что нибудь невинное, можно было поплатиться ссылкою. Въ немногочисленныя и жалкiя школы ученики поступали только „съ понужденiемъ", какъ, напримѣръ, въ школу, открытую митр. Ѳилоѳеемъ Лещинскимъ въ 1703 г. въ Тобольскѣ для дѣтей духовенства. По смерти Иннокентiя, въ 1746 году, въ Иркутскѣ закрылась школа и открылась только черезъ 31 годъ. Въ 1744 году въ школу при томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ набрано 30 „дѣтей"; изъ нихъ одному было 73 года, четыремъ свыше 40, шести по 20 слишкомъ, остальнымъ отъ 16 до 7 лѣтъ. Школы, заведеннныя духовенствомъ, по словамъ Шашкова, исчезали и вновь воскреснуть уже не могли, потому что въ тогдашнемъ обществѣ не было никакого стремленiя къ образованiю. Даже нѣкоторые инородческiя племена стояли въ этомъ отношенiи гораздо выше русскаго населенiя старинныхъ сибирскихъ городовъ. Якуты въ XVIII вѣкѣ просили открыть у нихъ школы; якутская семинарiя открыта также по настойчивой просьбѣ якутовъ, а сибирскiе русскiе въ это время не только не хлопотали о заведенiи школъ, но даже отказывались отъ предложенiя завести ихъ. Такъ поступили, напр., жители Енисейска, одного изъ лучшихъ городовъ тогдашней Сибири. Въ половинѣ XVIII вѣка подростающеe поколѣнiе Енисейска или обучались съ ранней юности ловкимъ обманамъ, или просто посылались родителями на улицу за сборомъ милостыни. На весь енисейскiй и красноярскiй округъ была всего одна школа въ Енисейскѣ, въ которой учились грамотѣ нѣсколько

[1]) Ядринцевъ, „Сибирь какъ колонiя", 368.

ребятъ, отдаваемыхъ родителями въ приказные, а училъ отставной унтеръ-офицеръ. Когда Самойловъ, ѣхавшій въ 1767 г. депутатомъ отъ Енисейска, предложилъ обывателямъ заявить черезъ него въ коммиссіи о заведеніи въ Енисейскѣ аптеки, лѣкаря и школы, то они сочли это совершенно ненужной роскошью. „И сіе нужно отнести только къ единому ихъ невѣжеству", пишетъ Самойловъ. Даже и правительство не особенно ревностно относилось къ заведенію школъ; до 1743 г. въ Сибири не было ни одной семинаріи, „не смотря на желанія, требованія, напоминанія Петра Великаго и на духовный регламентъ, требовавшій установленія семинарій" [1]). И все это происходило вслѣдствіе требованія регламентомъ, чтобы школы содержались на счетъ церквей и монастырей, чего духовенству не хотѣлось. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ это необъятное темное царство, старинную Сибирь, не проникалъ въ половинѣ XVIII вѣка еще ни одинъ лучъ образованія, въ немъ не зарождалось ни малѣйшаго представленія объ иныхъ нравственныхъ потребностяхъ, объ иномъ устройствѣ общественныхъ отношеній.

И общество, происшедшее изъ источника не совсѣмъ чистаго, обновляемое, въ большинствѣ случаевъ, элементами нездоровыми, приводилось въ движеніе одними своекорыстными, узко-эгоистическими интересами, стремленіемъ наживаться, не разбирая средствъ, находя въ окружающемъ полный просторъ для этого. Эти старинныя свойства сибиряковъ какъ нельзя лучше выражаются во всемъ, чего желали и просили представители верхняго слоя сибирскаго населенія половины XVIII вѣка. Къ такимъ выводамъ мы необходимо должны были прійти, разсматривая просьбы и желанія сибирскихъ депутатовъ и объясняя ихъ извѣстными намъ историческими фактами; дѣло такъ просто, факты такъ краснорѣчивы, что не только подсказываютъ выводы, но прямо диктуютъ ихъ.

---

[1]) Словцовъ, „Ист. об. Сиб.", 208.

Приложенiе.

Списокъ сибирскихъ депутатовъ въ Екатерининской коммиссiи.

Сибирской губернiи отъ городовъ [1]).

Отъ какихъ городовъ.	Ихъ званiя и имена.	Когда явились.	Въ какую коммиссiю баллотировались.
Тары.	Купецъ Аѳанасiй Бекишевъ.	Iюля 24.	Баллотировался въ коммиссiю о порядкѣ государства(130 изб., 137 неизб.) и въ коммиссiю объ обязанностяхъ (125 изб., 125 неизб.).
Томска.	Купецъ Степанъ Ѳоминъ.	—	
Екатеринбурга.	Купецъ Иванъ Дубровинъ; 21 мая 1768 года сдалъ на время свои обязанности купцу Дементiю Тихонову. 7 февр. 1769 г. умеръ.	—	Баллотировался въ коммиссiю о рудокопанiи, сбереженiи и растенiи лѣсовъ и т.д. (139 изб., 141 неизб.).
Туринска.	Купецъ Ив. Коряковъ: 13 iюня 1768 года сдалъ на время свои обязанности купцу Гавр. Иванову.	Iюля 24.	

[1]) Этотъ списокъ представляетъ сводъ двухъ списковъ: „Именной списокъ гг. депутатамъ, выбраннымъ въ коммиссiю о составленiи новаго уложенiя, кто изъ котораго мѣста выбраны и кто кому именно сдали. также въ разныя, учрежденныя отъ большаго собранiя, частныя коммиссiи определены и нынѣ дѣйствительно находятся, генваря по 1-е число 1788 года". Печатано при Импер. Московск. Университетѣ. (У Сопикова, ч. IV, № 11, 182) и „Именной списокъ гг. депутатамъ, находящимся въ коммиссiи о сочиненiи проекта новаго уложенiя, съ показанiемъ, кто изъ оныхъ въ разныя, отъ большаго собранiя учрежденныя, частныя коммиссiи членами и кандидатами опредѣлены и нынѣ дѣйствительно находятся, февраля по 24 число 1769 г.". Печатано въ Санктпетерб. при сенатѣ. (Между 1-мъ и 2-мъ изданiемъ общее собранiе коммиссiи было распущено). Этотъ сводъ дополненъ свѣдѣнiями, находящимися въ IV, VIII, XIV, XXXII, XXXVI и XLIII томахъ Сб. Рус. Ист. Общ.

Отъ какихъ городовъ.	Ихъ званія и имена.	Когда явились.	Въ какую коммиссію баллотировались.
Тюмени.	Купецъ Петръ Серебрениковъ; 8 окт. 1767 г. сдалъ купцу Осипу Буренину.	—	
Верхотурья.	Купецъ Андрей Глазуновъ; по смерти Глазунова выбранъ Петръ Ентальцевъ.	—	Баллотировался въ коммиссію для разсмотрѣнія образа сборовъ и образа оброковъ (110 изб. и 177 неизб.).
Посада, именуемаго Барнаульскимъ заводомъ.	Купецъ Ив. Карышевъ.	—	
Красноярска.	Купецъ Ив. Ярлыковъ.	—	
Енисейска.	Купецъ Степанъ Самойловъ; 8 янв. 1768 г. сдалъ полномочіе олонецкому купцу Ѳеопемпу Попову.	Іюля 27.	Избранъ въ коммиссію о городахъ членомъ.
Тобольска.	Купецъ Яковъ Медвѣдевъ; 23 іюля 1768 г. сдалъ на время свои полномочія купцу Захару Гуттуеву.		Баллотировался въ коммиссію духовно-гражданскую (92 изб., 115 неизб.).

Сибирской губерніи отъ казацкихъ войскъ.

Изъ какого мѣста.	Званія и имена.	Когда явились.	Въ какую коммиссію баллотировались.
Кузнецкой и Колыванской линій отъ крѣпостныхъ старшинъ и казаковъ 4-хъ линій: Иртышской, Новотарской, Ишимской и Тобольской.	Сотникъ Ѳедоръ Мартыновъ.	7 авг.	
	Атаманъ Ѳед. Анциферовъ.	—	Баллот. въ ком. о предостереженіи противорѣчія между воен. и гражд. законами (120 изб., 225 неизб.) и въ ком. о почтахъ и гостинницахъ (132 изб., 162 неизб.).

Отъ инородцевъ.

Изъ какого мѣста.	Званія и имена.	Когда явились.	Въ какую коммиссію баллотировались.
Отъ служилыхъ ясачныхъ татаръ.	Бухарецъ Ивельяминъ Хансеитовъ.	27 іюля.	
Отъ бухарцевъ.	Абдульгафаръ Ибрагимовъ; 9 окт. 1768 г. умеръ. Послѣ него Иса Абдурахмановъ.		Участвовалъ въ депут. для поздравленія государыни.
Отъ ясачныхъ новокрещенъ.	Князецъ Гаврило Кульчегаловъ. Гаврило Ульчегачевъ (выбралъ опекуна).		

Отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ.

Изъ какого мѣста.	Званія и имена.	Когда явились.	Въ какую коммиссію баллотировались.
Отъ провинцій: Тобольской.	Аѳанасій Бархатовъ.	27 іюля.	Баллот. въ коммиссію о размноженіи народонаселенія, землледѣлія и пр. (изб. 138, неизб. 187); избранъ депут. малороссійской коллегіи Натальинымъ помощн. въ эту коммиссію. Участвовалъ въ депут. для поднесенія поздравленія государынѣ.
Енисейской.	Петръ Бяковъ.	—	
Отъ приписныхъ къ заводамъ екатеринб. вѣдомства.	Аѳанас. Потокинъ. Ѳедоръ Ермаковъ [1].		

[1]) 30 апр. 1768 г. генералъ-прокуроръ сената кн. Вяземскій потребовалъ его къ отвѣту за то, что онъ посланными отъ себя приказами не только собиралъ съ крестьянъ на содержаніе свое по 3 коп., но и вмѣшивался въ заводскія работы.

Иркутской губерніи отъ городовъ.

Изъ какого города.	Званія и имена.	Когда явились.	Въ какую коммиссію баллотировались.
Иркутска.	Купецъ Алексѣй Меньшій Сибиряковъ.	13 сент.	Баллотир.: 1) въ коммиссію о порядкѣ государства (104 изб., 109 неизб.), 2) о размноженіи народа (139 изб., 184 неизб.), 3) въ коммиссію о предостереженіи противор. и, наконецъ, въ коммиссію о почтахъ и гостинницахъ, куда и попалъ по большинству 6 голосовъ.
Кяхтинск. форпоста.	Антонъ Овсянкинъ.	11 окт.	Выбранъ въ ком. о почтахъ кандидат.
Якутска.	Прапорщ. Алексѣй Даниловъ.		
Нерчинска.	Князь Павелъ Гантимуровъ.		
Селенгинска отъ жителей.	Спб. купецъ Иванъ Фридрихсъ.		Въ коммиссію о рудокопаніи и коммерціи членомъ.
Нерчинска отъ живущихъ хоринскихъ родовъ братскихъ.	Еренцей Аюшинъ.		
Селенгинска отъ братскихъ.	Лама Бондецъ Комбо; 31 нояб. 1768 г. сдалъ полномочія толмачу Конжалу Даржинаеву.		
Иркутск. провинціи отъ государствен. крестьянъ.	Томскій купецъ Андрей Алексѣевъ, получившій это званіе отъ иркут. депутата Осипа Уваровскаго.		
Якутскаго вѣдомства отъ 5 подгородныхъ кочевыхъ якутск. улусовъ.	Князецъ Софронъ Сырановъ.		

